This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
B 3 472 294
B X
387
K6
MAIN

ПУТЕШЕСТВІЕ

на

СИНАЙ

въ 1881 году.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

ДРЕВНОСТИ СИНАЙСКАГО МОНАСТЫРЯ.

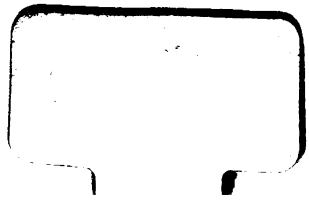
Н. КОНДАКОВА.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ С.П. БУРСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ОДЕССА.
Тип. П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, д. № 3.
1882.

converted

RECON



ПУТЕШЕСТВІЕ НА СИНАЙ

Puteshestvie na Sinai

въ 1881 году.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

ДРЕВНОСТИ СИНАЙСКАГО МОНАСТЫРЯ.

N. Kondakova
Н. КОНДАКОВА.

ОДЕССА.
Тип. П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, д. № 3.
1882.

7170-6744

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

NOV 2 2 1995

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

Изъ XXXIII т. Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета.

BX387
K6
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I
Изъ путевыхъ впечатлѣній. Дорога изъ Суеца черезъ Эль-Торъ на Синай	1
Синайскій монастырь	33
Дорога съ Синая въ Суецъ	54
Древности Синайскаго монастыря	67
Мозаика Синайскаго монастыря	75
Библіотека рукописей Синайскаго монастыря	99
Греческія рукописи съ миніатюрами въ библіотекѣ Синайскаго монастыря	119
Приложеніе: оглавленіе 100 фотографическихъ снимковъ «Синайскаго альбома»	157

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поѣздка на Синай, предпринятая мною частнымъ образомъ, въ сообществѣ фотографа г. Рауля, весною 1881 г., имѣла своею цѣлью спеціальную, чисто археологическую, задачу. Мы предположили себѣ лишь одинъ пунктъ — самый монастырь св. Екатерины на горѣ Синаѣ, и осмотромъ его памятниковъ древности и художественно-украшенныхъ рукописей его библіотеки, а также изготовленіемъ, по возможности, вѣрныхъ фотографическихъ снимковъ, эта задача вполнѣ исчерпывалась. Все, выходящее изъ ея рамки, могло явиться только случайнымъ образомъ и, слѣдовательно, играть въ нашемъ путешествіи второстепенную роль. Въ тоже время обильная литература путешествій на Синай [1]) ученыхъ богослововъ и библіологовъ, столь-

[1]) Литература путешествій на Синай и записокъ богомольцевъ и паломниковъ обильна и начинается рано; отмѣчаемъ важнѣйшія: муч. *Антонина*, изд. Titus *Tobler*, De locis, quae perambulavit b. Antoninus a. D. 570. 1863. *Титмара* въ XII в., Peregrinatio etc. ed. Laurent. 1871. *Лудольфа* изъ Сухена между 1336—1341 гг. *Вильгельма* Бальденсера Hodoeporicon ad T. S. a. D. 1332 въ Thesaur. mon. Eccles. ed. Basnage 1726, II. **Рудольфа Фраменспейгера* Itinerarium in Pal., ad m. Sinai a. D. 1346, ibid. VI. *Sigoli*, Viaggio al monte Sinai, флор. изд. 1829 г. *I. Тухера* въ 1479 г. изд. въ Feyrabends Reyszbuch 1584; *Фабра* въ 1483 г. Evagatorium изд. 1843 г.; *Бреидендбаха* изд. 1486 г.; *Фарнада* въ 1518 г.; Франциск. настоят. въ Ег. изд. Клейтономъ въ 1753, затѣмъ въ 1810 и др. XVI стол. **Трифона Коробейникова* пут. въ 1583 г., у Сахарова, Сказанія рус. нар. II. **Вишенскаго*, *Инп.* «Пелгримація» въ 1708 г. изд. арх. Леонидомъ въ 1877 г. *Thévenot*, Relation d'un v. 1665 въ Voyages tant en Eur. etc., V. du Levant изд. 1727 г. *Morrison*, Relation d'un v. au m. Sinaï, 1704. **Барскаго*, путеш. къ св. мѣст. (1728 г.), изд. 1778. **Pococke*, Voyages etc., trad. 1772—3, т. I. *Seetzen († 1811), Reisen durch Syrien etc., Arab. Petr., herausgg. v. Kruse, 1855. *Hemsiker*, Notes

ко разъ (и все съ одинаковымъ успѣхомъ, т. е. болѣе или менѣе безплодно—на нашъ взглядъ) изслѣдовавшихъ пути странствія и стоянки Евреевъ въ пустынѣ Синайской, или разгадывавшихъ между вершинами Синайскаго хребта истинный Синай и Хоривъ, или, наконецъ, описывавшихъ святыя мѣста, часовни и капеллы, развалины и пещеры. — Эта литература, казалось, избавляла отъ обязанности разсказывать о самой поѣздкѣ. И, однакоже, занявшись этою литературою по возвращеніи, мы пришли къ убѣжденію, что передача путевыхъ впечатлѣній поѣздки на Синай еще долго останется обязательною въ извѣстномъ смыслѣ, какъ вообще, такъ въ особенности въ русской литературѣ, подъ однимъ важнѣйшимъ условіемъ — правдивости.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на замѣчательныя въ свое время по полнотѣ и ясности описанія путешествій, какъ напр. арх., нынѣ еп. Порфирія, Эберса и пр., Синай, какъ и вообще

---

during a visit to Eg.. M. Sinai, 1823. **Burckhardt*, Reisen. 1824, II. *Fazakerley*, Journey etc. изд. въ Walpole, Travels, 1820. *Carne*, Letters from the East, 1826. **Laborde* Voyage dans l'Arab Petrée. 1830. *Stephens*, Incidents of travel in Eg., Arab. Petr, Edinb. 1839. *Schubert*, Reise in das Morgenl. 1838. **Robinson*, deutsche Ausg., Pal. u. d. südl. angrenz. Länder, 1841. **Уманецъ*, Поѣздка на Синай, 1850. *Fisk*, A Pastor Memor. of Eg. . .., Sinai, 1847. *Bartlett*, Forty Days or Journey to M. Sinai, 1848. **Успенскаго, Порфирія*, арх. Первое пут. въ Синайскій монастырь въ 1845, изд. 1856. *Его-же. Второе пут. въ 1850, изд. 1856, съ атл. въ л. **Lepsius*, Briefe aus Aeg., Aeth. u. d. Halbinsel des Sinai, 1852. **Roberts*, The Holy Land, Syria, Arabia etc. 1855 съ рис. *Lottin de Laval*, Voyage dans la Péninsule arab. du Sinaï, 1855—9. *Graul*, Reise nach Aeg. u. d. Sinai, 1854. *Strauss*, Fr. A. Sinai u Golgatha. **Brugsch* Wander. nach d. Türkisminen u. n. d. Sinaihalbinsel, 1866. *Fraas*, Aus d. Orient, Geolog. Beobacht. 1867. *Stanley*, Sinai and Palestine, изд. 1865 и 1871. *Palmer*, The desert of the Exodus, 1871. **Tischendorf* (пут. въ 1844, 1859 гг.) Aus d. heil. Lande, 1862. *Его-же: Die Sinaibibel, ihre Entdeckung etc. 1871. **Ebers*, Durch Gozen zum Sinai, 1873, 2-е изд. 1881. **Норова, Авр.* Іерусалимъ и Синай, Зап 2 пут. 1868, съ атл.. А. (арх. *Антонина*), Изъ записокъ Синайскаго богомольца, въ Трудахъ Кіевской дух. ак. за 1871—3 гг.

Наконецъ, особенно важное значеніе имѣетъ томъ Землеописанія Риттера, въ которомъ сдѣланъ сводъ всѣхъ историческихъ и топографическихъ показаній по старымъ и новымъ путешественникамъ: *C. Ritter*, Die Erdkunde v. Asien, VIII, 2 e Abth., Die Sinaihalbinsel, Pal. и Syrien. 1-r Abschnitt, Die Sinaihalbinsel, 1141 стр.

далекій Востокъ все еще остается мѣстностью свѣжею, мало тронутою изслѣдованіемъ, и европейскій путешественникъ неизбѣжно превращается въ наивнаго паломника, подчиняется совершенно чуждой, обступившей его средѣ. Въ ней единственно найдетъ онъ и всѣ нужныя ему свѣдѣнія, если не захочетъ подчиниться предписаніямъ гида Изамбера, которыя, по вкусамъ и, слѣдовательно, по цѣнамъ разсчитаны единственно на громадныя средства. Между тѣмъ, самая поѣздка на Синай имѣетъ свой собственный археологическій характеръ, и не по тому одному, что здѣсь нѣсколько шаговъ удаляютъ васъ отъ новой культуры и ведутъ къ тому Востоку, гдѣ еще живутъ формы отдаленной древности, гдѣ многое говоритъ вамъ о старинѣ временъ Юстиніана, а эта культура кажется только случайнымъ, чуждымъ наростомъ. На дальнемъ Востокѣ вообще, и въ Синайскомъ монастырѣ въ частности, древность и ея памятники еще остаются въ своей собственной, родной обстановкѣ, и путешественникъ не находитъ здѣсь ни различныхъ приспособленій, спеціально на него разсчитанныхъ, ни готоваго матеріала, ассортированнаго для разныхъ степеней его любознательности. Между тѣмъ, эта самая необходимость искать, открывать самому, блуждать, рискуя найти то, чего не искалъ и что оказывается болѣе интереснымъ и поучительнымъ, и составляетъ ту заманчивую прелесть путешествій по Востоку, которая кроется въ присущей человѣку чертѣ дорожить лишь тѣмъ, что дорого и съ трудомъ достается, какъ собственная работа. И такъ какъ, въ тоже время наши интересы, интересы русской науки къ этой, еще свѣжей, нетронутой области древностей христіанскаго Востока держатся пока въ сферѣ чисто платоническихъ привязанностей, болѣе и болѣе потухающихъ, за недостаткомъ матеріала, то мы рѣшились присоединить къ своимъ археологическимъ замѣткамъ и краткое содержаніе веденнаго во время путешествія дневника; оправданіемъ намъ послужатъ такіе примѣры, какъ Эберса, Бругша и другихъ.

Такой же характеръ замѣтокъ и записокъ носитъ на себѣ и вторая часть сочиненія, или статья о древностяхъ Синайскаго монастыря. Спеціальною задачею нашею было личное обозрѣ-

ніе греческихъ рукописей съ миніатюрами и извѣстной мозаики Преображенія. Краткость времени, проведеннаго нами въ монастырѣ (нѣсколько менѣе трехъ недѣль), котораго мы достигли только черезъ 23 дня путешествія изъ Одессы, отсутствіе необходимаго пособія въ лицѣ рисовальщика или писца не дали автору возможности воспользоваться своею далекою поѣздкою съ бо́льшими результатами. При этомъ онъ, однакоже, разсчитываетъ современемъ придать больше цѣльности въ описаніи мозаики въ будущемъ своемъ сочиненіи по исторіи византійской мозаики и ввести новыя рукописи съ миніатюрами въ среду другихъ уже извѣстныхъ.

Автору приходится также сожалѣть о томъ, что ему не удалось найти средствъ и пути для снабженія своей записки необходимыми иллюстраціями. Составленный имъ и исполненный г. Раулемъ альбомъ ста десяти фотографическихъ снимковъ съ видовъ, древностей и рукописей Синайскаго монастыря остается, такимъ образомъ, безъ употребленія и играетъ лишь роль документа для провѣрки словъ и показаній описателя. Быть можетъ, автору слѣдовало бы подождать, поэтому, съ самымъ изданіемъ своихъ записокъ, интересныхъ лишь въ кругу спеціалистовъ, но различные запросы, имъ полученные, убѣдили его, что откладывать долѣе изданіе значило бы удерживать добытые результаты исключительно для себя.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Дорога изъ Суеца черезъ Эль-Торъ на Синай.

. . . Поѣздъ желѣзной дороги въ Суецъ выходитъ изъ Александріи рано утромъ и идетъ цѣлый день. Въ Бен'га большинство пассажировъ высадилось на Каиръ, а отъ Загазига поѣздъ окончательно опустѣлъ, и, когда мы миновали Измаилію, то насъ, иностранцевъ, осталось всего четверо. Дневной жаръ, доселѣ томившій насъ,—мы ѣхали въ первыхъ числахъ Апрѣля — къ вечеру свалилъ, воздухъ сталъ суше и легче, но ни прохлады, ни освѣжающаго вѣтра не чувствовалось даже на платформѣ вагона. Утомленные шестидневною качкою на большомъ, но валкомъ пароходѣ, хлопотами и бѣготнею въ Александріи, мы безучастно смотрѣли, какъ охватила насъ кругомъ, отовсюду, песчаная пустыня. Въ гидѣ Изамбера стояло, что линія желѣзной дороги пересѣкаетъ здѣсь знаменитую «дорогу каравановъ», о которой откуда-то выплывали воспоминанія, что она усѣяна костями; но, какъ ничего подобнаго нигдѣ не примѣчалось, то и дорогу каравановъ мы равнодушно пропускали мимо. На станціяхъ уже не такъ роились толпы туземцевъ, какъ за три часа передъ тѣмъ, и уже не слышалось европейскаго говора, и даже одна туземка отказалась взять за абрикосы франкъ, требуя турецкаго или египетскаго піастра. Уже къ намъ въ вагонъ вошли кондукторы съ ворохомъ яицъ, лепешекъ и травъ, и въ теченіи часа мы имѣли удовольствіе присутствовать при туземной трапезѣ и лично убѣдиться въ томъ, что восточные собраты далеко пре-

взошли европейскихъ вегетаріанцевъ. По обѣ стороны рельсъ розоватымъ пологомъ раскинулась далеко песчаная пустыня,— зрѣлище любопытное, но такъ мало походившее на образъ пустыни, созданный воображеніемъ. Попеременно виднѣлись то обширныя плоскогорья, совершенно обнаженныя, то глубокія россыпи песку, то пространства, усѣянныя кочками, на которыхъ безобразно торчали колючки и верблюжья трава; по временамъ, на нѣсколько минутъ появится оазисъ, и въ немъ купы пальмъ, рвы съ водою, и валяющіеся въ нихъ буйволы, и люди, уставившіеся на поѣздъ, но все это проносится быстро, оставляя по себѣ лишь недоумѣніе. На одной изъ станцій еще свѣжи были слѣды песчанаго заноса: около рельсъ кучи песку и разбросанныя лопаты; убогая деревушка противъ станціи до верху занесена пескомъ: ее будетъ откапывать тотъ же вѣтеръ. Сошли на полотно, пробовали пройти къ станціи, но ноги вязнутъ или грузнутъ въ нагроможденныхъ сугробахъ песку — приходится вернуться. Такъ, не смотря на наше желаніе, и не получалось отъ всѣхъ этихъ видовъ одного цѣльнаго впечатлѣнія, и казалось даже, что оно было бы сильнѣе, если бы въ данную минуту, вмѣсто всей этой натуры, проносившейся мимо, можно было видѣть хотя бы лубочную декорацію или панораму. Или для лицезрѣнія песчаной пустыни надо и свою особую обстановку, и, во всякомъ случаѣ, иную, чѣмъ окно вагона? Но чѣмъ же восторгается тогда туристъ—англичанинъ, ѣдущій въ одномъ съ нами вагонѣ взглянуть на каналъ и пишущій въ книжкѣ свои дорожныя замѣтки?

Уже поздно ночью пріѣхали мы въ Суецъ. Покинувъ станцію, гдѣ все представляло смѣсь британскаго — компанія желѣзной дороги англійская—съ туземнымъ и, пробившись силкомъ сквозь толпы сбѣжавшихся на скудную поживу арабовъ, мы перебѣжали въ Hôtel d'Orient, гдѣ и имѣли разомъ неудовольствіе найти, что все, и цѣны, и порядки тамъ были англійскія. Первыя, т. е. цѣны были высокія, джентльменскія, а порядки были еще выше. Такъ неуютно и угловато было все въ нашемъ нумерѣ, отъ громадныхъ кроватей, занявшихъ

три четверти комнаты, до жесткаго дивана и единственнаго стула, который намъ подали для того лишь, чтобы джентльмены могли на чемъ нибудь присѣсть у стола. Вездѣ царила Англія, и поданный намъ ужинъ былъ обильно насыщенъ соями и перцемъ—имъ былъ посыпанъ густо даже салатъ. Передъ нами были и сами представители этихъ пряныхъ вкусовъ — англичане, съ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ полинялую бронзу, —которымъ запасаются въ Индіи. Это были агенты и коммерсанты, ѣхавшіе изъ Бомбея и Сингапура и дожидавшіеся здѣсь завтрашняго поѣзда. Мы разговорились о Суецѣ съ племянникомъ русскаго вице-консула—плохія рекомендаціи! И здѣсь тоже, что во всемъ Египтѣ, кромѣ Каира и Александріи. Обширныя коммерческія перспективы, игра промыслами и землями смѣнились теперь застоемъ, тяжелымъ разочарованіемъ. Безумныя затѣи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, баснословныя затраты и сумасшедшія постройки, въ родѣ Измаиліи — города, по мановенію волшебнаго жезла, возникшаго въ пустынѣ, европейская отдѣлка Каира, все это оставило современному населенію въ наслѣдіе долги, тяжкіе налоги и эксплуатацію иностранныхъ фирмъ. Нищіе арабы и забитые феллахи сбѣгаются толпами на англійскія суда въ Александріи, чтобы, работая на нихъ день и ночь, получать за то полтора франка и нищенствовать. Злыми насмѣшками привѣтствуютъ теперь Каиръ туристы, которые, пріѣхавъ туда созерцать волшебный спектакль древняго восточнаго города, еще десять лѣтъ тому назадъ неприкосновеннаго, видятъ вдругъ передъ собою систематическое разрушеніе этой картины, и обязанные (только тамъ и есть гостинницы) помѣститься въ пышномъ отелѣ новаго европейскаго квартала, созерцаютъ жалкую копію парижскаго бульвара и его кофеенъ, наполненныхъ оборванцами. Такъ, первый эффектъ накопленнаго, послѣ многихъ вѣковъ нищеты, благосостоянія тратится на лихорадочно безумное разрушеніе и малярную закраску памятниковъ Каира — этой восточной Помпеи. Впрочемъ, гдѣ же этого не было, и гдѣ штукатурка и казенная аляповатая наружность не скрывали драгоцѣнныхъ

мозаикъ, нѣжныхъ красокъ фаянса. Только въ глухихъ улицахъ Каира, въ предместьяхъ Константинополя, да дворахъ покинутой Альгамбры не возмущается зритель наглымъ отношеніемъ новыхъ меценатовъ—выродковъ Востока къ своимъ роднымъ древностямъ.

Впрочемъ, Суецъ по неволѣ избѣгъ скороспѣлыхъ реставраторовъ, именующихъ себя возстановителями Востока. Городокъ, на который возлагали такъ много упованій до самаго послѣдняго времени, для устройства котораго на широкую европейскую ногу съ начала открытія работъ по каналу было истрачено много средствъ,—какъ былъ, такъ и остался глухимъ городкомъ. Слава Богу, что въ первые годы горячки провели въ Суецъ каналъ прѣсной воды (теперь, пожалуй, и этого бы не сдѣлали!) Разъ, что морской каналъ прошелъ мимо Суеца, и пароходы стали останавливаться въ особомъ портѣ, судьба Суеца была рѣшена. Нахлынувшіе предприниматели удалились, населеніе съ 30 тысячъ уменьшилось на десять, начатыя постройки брошены, о новыхъ предпріятіяхъ или перемѣнахъ нечего и думать. Все отошло къ Портъ-Саиду. И если бы на набережной не высилось громаднаго, но пустыннаго дворца Пенинсулярной компаніи, то, можетъ быть, не пришлось бы и вспомнить о грезахъ и миражахъ, тѣшившихъ Суецъ не болѣе десяти лѣтъ назадъ. Отнынѣ и на долго это только транзитный пунктъ для путешественниковъ, предпочитающихъ послѣ качки въ Индійскомъ морѣ слѣдовать въ Александрію по желѣзной дорогѣ. Правда, въ день нашего пріѣзда Суецъ получилъ извѣстіе о скоромъ посѣщеніи Хедива и теперь пытается почиститься и похорошѣть: всюду штукатурятъ и красятъ, и голубая окраска первыхъ консульскихъ домовъ скрываетъ меланхолическій сѣро-коричневый тонъ натуральнаго камня, столь успокоительно дѣйствующій на глазъ на фонѣ бирюзоваго неба. Городъ расположенъ лицомъ къ заливу, спиною къ негостепріимной пустынѣ, отовсюду его охватившей. Улицы покрыты этимъ горячимъ пескомъ пустыни. Нѣкоторыя выстроились по-европейски, широко и прямолинейно, и какъ на-

рочно, оріентированы такъ, что бываютъ залиты весь день солнцемъ, а ходить по нимъ истинное испытаніе. Видъ европейскихъ домовъ крайне убогій, но еще жальче выглядятъ европейскія лавки и магазины. Есть между ними большіе колоніальные магазины—все англійскіе, но и тѣ, видимо, утрачиваютъ свой европейскій фасонъ: большія окна занавѣшены, выставки покрыты сѣрою пылью, и пустота магазина, въ которомъ едва дозовешься соннаго комми, производитъ крайне унылое впечатлѣніе. Товаръ больше браковванный, и его разнообразіе въ магазинахъ таково, что или не знаешь, куда итти, или зайдя, удивляешь своими спросами. Какъ отрадно, поэтому, было намъ очутиться на туземномъ базарѣ. Узкая улица, извивающаяся, подобно рѣченкѣ, укрытая отовсюду, отъ солнца навѣсами, то изъ пальмовыхъ рогожей, то просто изъ досокъ, ведетъ насъ отъ центра города къ набережной; по обѣ стороны ея, изъ подъ мрачныхъ сводовъ старинной мавританской конструкціи, выдвигаются подъ самый вашъ носъ выставки—широкіе рундуки, покрытые всякимъ товаромъ, какой Богъ послалъ. Тутъ и издѣлія изъ кожи, веревки и посуда, пряности, и овощи, и восточныя матеріи, и сладости. А какое оживленіе въ этихъ лавкахъ: за рундукомъ сидитъ хозяинъ, и около него непремѣнно двое, трое гостей, пришедшихъ поболтать и выпить чашку кофе. Кофеенъ нѣтъ, какъ и въ константинопольскомъ базарѣ, но вы можете спросить кофе вездѣ, и вамъ дадутъ его за грошъ и чудесный. Улица постоянно поливается самими лавочниками, и если вы отъ чего либо страдаете, то отъ сильнаго запаха пряностей, которыя такъ страстно любитъ Востокъ. Но какъ же несправедливы и пристрастны наши легкомысленные приговоры, какъ недоказаны наши аксіомы о свойствахъ азіатской торговли! То, что́ мы о ней знаемъ, по фасонамъ московскаго гостиннаго двора и нижегородской ярмарки, походитъ ли сколько нибудь на настоящую восточную торговлю? Мы много хлопотали узнать о ней въ Константинополѣ отъ живущихъ въ немъ иностранцевъ и слышали, что они по опыту предпочитаютъ скорѣе итти въ во-

сточную лавку, гдѣ продаетъ турокъ, чѣмъ въ самый фешенебельный магазинъ парижской или вѣнской фирмы, конечно, если только нужные товары можно найти у турка. Но Константинополь зараженъ уже давно помѣсью парижскаго съ армянскимъ. Еще хуже дѣло въ Александріи: тамъ подъ именемъ базара разумѣются лишь succursales торговыхъ домовъ Вѣны и Парижа, продающихъ здѣсь только свой хламъ; немного лавокъ чисто туземныхъ. Восточный базаръ основанъ совсѣмъ на иномъ принципѣ: торговецъ продаетъ то, что производитъ самъ, или его семья, или его земля и мастерская и т. д. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній, и левантійцы, замѣняющіе на Востокѣ нашихъ евреевъ, представляютъ собою многочисленный классъ посредниковъ, который оттѣсняетъ мало по малу туземное населеніе отъ промышленности. Пусть вы и не поклонникъ новой манеры вводить археологію въ вопросъ о томъ, что лучше, прежнее или настоящее, но, ходя по суезскому базару, вы не можете отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній. Кому, глядя на планы древняго греческаго дома, кругомъ обставленнаго лавками, не приходило въ голову сравнить эту торговлю хозяина дома и его квартирантовъ — все производителей, сначала съ восточнымъ базаромъ, затѣмъ съ магазинами европейскихъ городовъ, торгующими промышленностью изъ всякихъ рукъ и мѣстъ, потомъ съ колоссальными акціонерными компаніями, которыя торгуютъ всѣмъ, и которымъ, кажется, принадлежитъ будущее. Что лучше, что хуже—говорить объ этомъ и спорить не стоитъ, но можно было бы согласиться, что на Востокѣ лучше — восточное. Кто не согласенъ, пусть попробуетъ въ Суецѣ прожить нѣсколько дней, чтобы убѣдиться. Намъ надобно было запастись здѣсь на дорогу всякаго рода провизіею, и все было сравнительно очень не дорого, что мы покупали на базарѣ, и запросъ продавцовъ, дѣйствительно, не лѣзъ въ карманъ. Я заговорился объ этомъ потому, что до сихъ поръ непріятно вспомнить, какъ ведетъ себя Европа въ этомъ скромномъ уголку; я долго смотрѣлъ, какъ арабъ покупалъ себѣ гнилой коленкоръ вмѣсто полотна,

и какъ кричалъ на него наглый мальтіецъ, получая съ него завѣтные франковики. Принято соболѣзновать объ исчезновеніи расъ Сѣверной Америки подъ давленіемъ тяжелой лапы и гнусныхъ пріемовъ янки; скорбятъ о Полинезійцахъ, вымирающихъ отъ оспеннаго платья, проданнаго имъ услужливой англійской компаніей. Но, право, безъ сантиментальности можно сказать: для этихъ расъ лучше, что они вымираютъ. Посмотрите, какая наглая эксплуатація заполонила теперь весь Востокъ, какое униженіе, какую нищету терпитъ тамъ всюду туземное населеніе.

Тѣмъ временемъ, пока мы гуляли и осматривали городъ, предупредительный русскій консулъ хлопоталъ объ устройствѣ нашей поѣздки въ Синайскій монастырь. Хлопоты эти были несложны, но зато и томительны до послѣдней степени. Въ Суецѣ оканчивались для насъ цивилизованные пути, и мы еще съ Александріи знали, что единственный для насъ подобный рессурсъ — пароходныя сообщенія съ Синайскою гаванью на Красномъ морѣ—Эль-Торомъ, открытыя на полгода тому назадъ, по случаю учрежденія въ Эль-Торѣ карантина, теперь были вновь прерваны. Ими воспользовался ученый палеографъ (проф. Гардтгаузенъ) изъ Лейпцига туда и обратно, но это была особенная удача. Оставались лишь верблюды, но и ихъ не оказывалось на наше счастье, и надо было ожидать дней десять, прежде нежели пѣшій посланецъ успѣетъ побывать въ горахъ, куда верблюды уведены. Было еще средство въ запасѣ — ѣхать въ парусной лодкѣ. Но и тутъ выдвигалось сильное, если не непреодолимое препятствіе. Такихъ лодокъ было много, и много было охотниковъ свезти насъ въ Эль-Торъ, но они могли это выполнить лишь при попутномъ вѣтрѣ. А именно вѣтеръ во время нашего пріѣзда былъ противный, т. е. юго-западный, тогда какъ намъ нуженъ былъ сѣверо-восточный. Разсказываю такъ потому, что все это мы узнавали постепенно, и неизвѣстность не мало способствовала окраскѣ нашего предпріятія въ мрачныя краски. Сезонъ для подобныхъ поѣздокъ по морю уже прошелъ—говорили намъ—но еще не наступило

и вполнѣ неблагопріятное время, и потому можно попытаться. И вотъ начались совѣщанія и переговоры съ лодочниками. Ихъ приходило много, иногда группами, всегда попарно, и въ такомъ случаѣ одинъ представлялъ собою самаго капитана — (раисъ), а другой коммерсанта—армитора. Сначала, казалось, дѣло шло лишь о томъ, какъ помирить нашу поѣздку съ доставкою товаровъ въ Джедду, и о цѣнѣ, которую изъ уваженія къ консулу набивали не очень высоко и охотно спускали. Въ концѣ-концовъ дѣло слаживалось на сотнѣ франковъ съ небольшимъ. Но надо ждать погоды. «Сколько же времени?»— Да не менѣе недѣли. «А если и тогда не будетъ попутнаго вѣтра?»—Вѣтеръ будетъ. «А то еще ждать?» Мой спутникъ горячился, пытаясь доказать, что и съ противнымъ вѣтромъ можно подвигаться, лавируя, впередъ. Намъ объясняли, что этого не дѣлается, что поѣздокъ въ лодкѣ избѣгаютъ и туземцы, что лодка при противномъ вѣтрѣ въ Красномъ морѣ не можетъ лавировать, потому что берегъ его покрытъ подводными камнями. Бываетъ, что въ полутора, двое сутокъ лодка приходитъ изъ Эль-Тора, а бываетъ и три недѣли, мѣсяцъ. Тѣмъ и кончились переговоры. Съ утра на слѣдующій день мы увидали, что наши надежды окончательно разрушены: дулъ жесточайшій хамсинъ, и половина неба была затянута грязнымъ желтымъ пологомъ. Тѣмъ не менѣе идемъ опять на мѣсто нашихъ совѣщаній и узнаемъ, что явился старикъ лодочникъ, — этотъ самый ужь опытный, — который берется свезти насъ дня черезъ два, три; старикъ намъ очень нравится, онъ долго кричитъ намъ что-то по арабски и улыбается, мы хлопаемъ по рукамъ, отдаемъ деньги, не думая уже о томъ, что изо всего этого выйдетъ. Наше положеніе, томительное отъ ничего недѣланія, отъ невозможности что нибудь предпринять, становилось особенно тягостнымъ при жизни въ номерѣ гостинницы. По счастію, доброму человѣку пришло въ голову предложить намъ помѣщеніе въ своемъ частномъ домѣ и мы, оставивъ въ сторонѣ тонкія деликатности, немедля долго, къ нему перебрались. Самъ онъ и его сынъ въ своей конторѣ пока-

зывались намъ въ европейскомъ костюмѣ, и родина ихъ обнаруживалась развѣ въ цыновкахъ, да постоянно подававшихся чашечкахъ кофе, но за порогомъ оффиціальной передней начиналась своеобразная жизнь, и Востокъ вступалъ въ свои права. Домъ дѣлился на три части: фасадъ, выступавшій на улицу, занятъ былъ внизу конторою и лавкою, а вверху большою залою или гостинною, въ которой убранство представлялъ забавную смѣсь восточнаго съ европейскимъ. Большія окна уже не были закрыты мушарабіями — наружными сквозными балконами и вмѣстѣ ставнями, которыхъ чудные переплеты, набранные въ разнообразныхъ рисункахъ изъ крохотныхъ деревянныхъ палочекъ, такъ украшаютъ улицы Каира. Кругомъ стѣнъ шли восточные диваны, но передъ ними не было уже табуретовъ и мангаловъ, а зато посрединѣ залы стоялъ французскій передиванный столъ. И гости, и хозяинъ чувствовали себя крайне неловко въ этой пустынной залѣ, но послѣдній былъ очень доволенъ, когда гости хвалили его европейскіе вкусы. Два боковыхъ крыла дома, поставленные такъ близко другъ къ другу, что изъ окна одного легко можно было подать руку въ окно другаго, составляли мужскую и женскую половину; большія окна послѣдней были закрыты мушарабіями. Задняя часть дома занята была прислугою и амбарами. На мужской половинѣ все безмолвствовало, за то шумно было на женской: шли приготовленія къ празднику Пасхи. Черезъ открытыя форточки въ мушарабіяхъ видно было, какъ суетливо бѣгали и сновали тамъ семья и прислуга, хлопая по всему дому деревянными сандаліями; покрытая розовымъ шарфомъ дѣвочка великолѣпнаго типа левантинки выглядывала изъ окошечка рядомъ съ старухой нубійкою, разодѣтою въ яркожелтый халатъ; на дворѣ ловятъ цыплятъ; все кричитъ, жестикулируетъ и радуется. Мы отправились въ церковь, гдѣ уже съ вечера пятницы распоряжалась безцеремонно православная греческая и сирійская община; несеніе плащаницы особенно сопровождалось крайнимъ неистовствомъ: пары проскакивали одна за другою подъ нею, маша свѣчами и крича на всѣ лады; свѣчи,

цвѣты и ленты были мгновенно оборваны толпою. И здѣсь, какъ во всей Сиріи христіане находятся еще подъ сильнымъ нравственнымъ давленіемъ магометанства; женщины въ церкви всѣ помѣщаются на хорахъ, зажиточныя ходятъ подъ покрывалами, обыкновенно шелковыми, иногда съ головою окутываются въ черныя шелковыя мантіи, и на улицѣ встрѣчаешь только иностранокъ. На слѣдующій день — это была Страстная Суббота — насъ извѣстили, что есть надежда на перемѣну вѣтра, и мы сами видѣли расчищавшееся мало по-малу небо; жаръ спалъ, и мы могли сдѣлать прогулку въ портъ и видѣть его колоссальныя сооруженія, присутствовать при распродажѣ мануфактуръ Китая и Индіи и нюхать тонкій запасъ свѣжихъ ананасовъ, наваленныхъ грудами и продававшихся по 1 фр. за штуку. Длинный молъ, ведущій отъ города, былъ усѣянъ людомъ; шли англійскіе рабочіе и матросы, проѣзжали на дорогихъ лошадяхъ коммерсанты и быстро бѣжали ослы, неся на себѣ молодыхъ и старыхъ англичанокъ, спѣшившихъ на аукціонъ индійскихъ шалей и матерій. Къ 6 ч. вечера все это движеніе прекращается, начинается приливъ, свѣжій вѣтерокъ начинаетъ рябить дотолѣ сонную поверхность залива, и картина горъ, лежащихъ за Суецемъ, мѣняетъ каждый получасъ свой колоритъ. Простоявъ долго въ нѣмомъ созерцаніи чудной ночи, напомнившей намъ картины Палермской бухты, мы отправились домой, гдѣ праздникъ былъ уже во всемъ восточномъ разгарѣ. Шумъ, крики, сновань̀е всякаго люда, стрѣльба со всѣхъ сторонъ. Не покойнѣе было и въ церкви, гдѣ въ срединѣ службы, когда женщины удалились, началась такая отчаянная стрѣльба у каждой двери и каждаго окна, что никакимъ нервамъ нельзя было выдержать. За веревки колоколовъ ухватывались сотни рукъ, палили изъ такихъ пищалей и мушкетовъ, въ которые входило по фунту пороху, сдѣлали соломеннаго Іуду и сожгли его тутъ же; однимъ словомъ, дѣлали все возможное, чтобы изобразить торжество; недоставало только тѣхъ сценъ арабскихъ плясокъ, которыя такъ непріятно поражаютъ поклонниковъ въ Іерусалимѣ. Церковь была переполнена пороховымъ

дымомъ; группы и толпы ходятъ и перебѣгаютъ, заглушая по временамъ совершенно, что было очень кстати, гнусливые хоры и еще болѣе гнусливое чтеніе. Наконецъ сѣдой, какъ лунь, священникъ роздалъ всѣмъ присутствующимъ красныя яйца— единственная эмблема Пасхи здѣсь и служба кончилась.

Раннимъ утромъ перешли мы на нашу барку. Это была громадная лодка, вѣрнѣе, цѣлое судно, но плавающее подъ однимъ лишь парусомъ; для насъ она болѣе всего походила на тѣ вольныя венеціанскія суда, которыми обыкновенно уставлена бываетъ Riva degli Schiavoni: въ Венеціи. Не разъ, живя когда то на концѣ этой Riva, любовались мы на эти барки, наблюдая движеніе на ихъ палубѣ, и задумываясь о привольной жизни ихъ хозяевъ; и всего то у иного нѣсколько сотенъ франковъ капитала, и экипажъ, Богъ знаетъ, изъ какихъ матросовъ, а ходятъ эти суденушки по всему Средиземному морю, и вездѣ въ каждомъ портѣ у хозяина свои знакомые, которыхъ онъ видитъ разъ въ пять лѣтъ, и свои дѣлишки. Но увы теперь предстояло не любоваться издали, не восторгаться изъ принципа предпріимчивостью природнаго моряка, но плыть съ нимъ, и плыть, можетъ быть, нѣсколько дней. Оказалось, дѣло имѣло совсѣмъ иной вкусъ, и не потому только, что вмѣсто Грека или Итальянца нашимъ капитаномъ былъ Арабъ. Когда насъ встащили на верхъ борта и спустили внизъ; когда, перебравшись съ опасностью сломить себѣ шею, черезъ бревна, сундуки и всякій хламъ, мы очутились въ назначенномъ для насъ помѣщеніи, гдѣ уже былъ разставленъ и разложенъ нашъ многочисленный багажъ, мы долго не могли притти въ себя. Представьте себѣ самыя грязныя нары, часть которыхъ занята другими нарами, еще болѣе грязными и мрачными, на которыя нагроможденъ всякій хламъ: керосинные ящики, шкуры, мѣшки съ запасами, мѣшки съ платьемъ экипажной прислуги и прочими прелестями. Представьте полъ изъ неотесанныхъ досокъ и бревенъ, на которомъ наросла годами грязь на вершокъ, и главное, потолокъ, который изъ подобныхъ же досокъ и бревенъ подымался лишь

на два аршина отъ пола, такъ что ходить можно было только на четверенькахъ. Мы вылѣзли на верхъ — надъ нами находилось палубное помѣщеніе кормы, гдѣ сидѣлъ за рулемъ хозяиномъ, маневрируя его длинною рукоятью черезъ головы расположившихся со всѣми своими пожитками поломниковъ и купцовъ, ѣхавшихъ въ Джедду. Было излишне разспрашивать, какъ очутились здѣсь всѣ эти народы, когда мы наняли лодку только для себя. Но еще болѣе непріятное зрѣлище представлялось намъ, когда, забившись въ свои нары и растянувшись на грязномъ парусѣ, мы глядѣли прямо передъ собою. Нашъ помостъ оканчивался, не доходя одной четверти судна, и все дно его было завалено сундуками, жестянками, перинами и людьми въ перемежку съ этимъ разнокалиберным хламомъ. Судно имѣло обшивку только снаружи, а внутри нѣтъ; большія козла изъ бревенъ поддерживали десятокъ балокъ, тянувшихся во всю длину судна и замѣнявшихъ палубу для экипажа; мачта единственнаго громаднаго паруса была укрѣплена въ такихъ же козлахъ. На носу опять была небольшая настилка и на ней помѣщался очагъ—большой ящикъ съ золою. Но всего любопытнѣе была помпа этого примитивнаго корабля: поперекъ лодки наверху помѣщенъ желобъ, въ срединѣ котораго укрѣплено корыто; одинъ нубійскій геркулесъ стоитъ, широко разставивъ по балкамъ ноги, и выжимаетъ — а не выливаетъ — въ корыто кожаное ведро съ водою, которое подаетъ ему одно за другимъ подъ нимъ стоящій другой нубіецъ; этотъ черпаетъ изъ вонючей лужи, которая постоянно собирается въ центрѣ дна. Помпа дѣйствовала быстро: 60 ведеръ вычерпывалось въ полчаса, но — что могла сдѣлать она, если мы черпнемъ бортами?

Но всѣ эти, насъ ожидавшія, прелести мы разсмотрѣли не сейчасъ, а уже вечеромъ. Теперь мы шли на причалѣ, тащимые лодкою, по заливу въ направленіи порта. Вѣтеръ совершенно упалъ, и жаръ, и тяжелый запахъ въ нашей коютѣ дошли до послѣдней степени. Но высунуть носъ на солнце нечего было и думать, и вотъ мы сидѣли и созерцали, какъ

приготовлялся къ плаванію нашъ экипажъ: его было до 15 человѣкъ, все нубійцы и негры, черные какъ смоль и какъ она, блестящіе своимъ природнымъ лакомъ. Между ними бронзово-коричневое тѣло араба свѣтлѣло, какъ на египетскихъ барельефахъ. Весь этотъ людъ въ часъ досуга приводилъ себя и свой хламъ въ порядокъ: сбросивъ свою коленкоровую голубую рубашку и оставшись въ одномъ передникѣ, каждый внимательно ее обслѣдовалъ и затѣмъ стряхивалъ тутъ же,— надолго ли, не трудно угадать. Наконецъ притащились мы къ порту, но уже намъ было не до его чудесъ: громадные пароходы Индіи, колоссальный отель, кофейни, садики, музыка, въ нихъ раздававшаяся, пестро разодѣтыя англичанки, катающіяся въ катерахъ, вся эта культура только дразнила насъ и дѣлала намъ нашу обстановку еще тягостнѣе. Мы искренно желали только бы скорѣе распрощаться съ этими прелестями, но, благодаря нашему капитану, который ушелъ на берегъ и заставилъ прождать себя цѣлыхъ три часа, и этого нельзя было сдѣлать. Наконецъ мы стали выходить изъ порта и имѣли удовольствіе видѣть, какъ семья англичанъ, вышедшая на балконъ и замѣтившая насъ въ нашей печальной обстановкѣ, долго стояла, показывала на насъ пальцами, но—спасибо и за то— не смѣялась.

Предательскій вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и мы шли, дѣлая, можетъ быть, по два узла въ часъ, говоря по морскому. И мы вдоволь могли любоваться масляною поверхностью разстилавшагося передъ нами моря и на свободѣ разсчитывать, гдѣ именно могли здѣсь пройти по суху Евреи, преслѣдуемые Фараономъ. Ученымъ вѣдь извѣстно, что именно въ сѣверозападномъ углу суэзскаго залива это совершилось, и что даже одинъ корабль когда-то наблюдалъ здѣсь раздѣленіе водъ сѣверозападнымъ вѣтромъ. Жара наконецъ спала, и мы вылѣзли на палубу, т. е. на бревна; послѣ дневнаго томленія было истинною нѣгою сѣсть на бортъ лодки, спустить ноги къ водѣ, однакоже, съ опаскою—здѣсь, какъ и во всемъ Красномъ морѣ, много водится акулъ,—такъ какъ лодка сидѣла низко. Очнувшійся

отъ своего оцѣпенѣнія экипажъ составилъ концертъ; сначала тянули что-то очень заунывно и нестройно; но мало по-малу ожили и лютня, и барабанъ; дружно и въ тактъ хлопая въ ладоши, пристало къ нимъ все, что было въ лодкѣ, кромѣ раиса, не отлучавшагося отъ своего руля. Сварили кофе, все на той же примитивной кухнѣ, и за кофеемъ свели знакомства. Мой спутникъ, знавшій кое-что по-турецки, нашелъ между пассажирами одного, знавшаго нѣсколько словъ по-турецки же, и разговоръ ихъ начался, вертясь, однакоже, исключительно на практической почвѣ, т. е. на счетѣ дней, которые намъ предстояло пробыть въ плаваніи до Эль-Тора, и на вопросѣ о томъ, будетъ ли у насъ попутный вѣтеръ. Еще болѣе вяло шли мои арабскіе разговоры, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ, я имѣлъ неудовольствіе констатировать во первыхъ, что арабское произношеніе столь же трудно, если не труднѣе, какъ англійское, и имѣетъ, кромѣ всѣхъ его прелестей, еще свои особенныя, и что во вторыхъ, очень трудно вести разговоры при пособіи одного лексикона арабскихъ словъ, приложеннаго при египетскомъ гидѣ Изамбера. Драгомана же съ нами не было, какъ не было и слуги, необходимаго лица въ путешествіи на Востокъ, и намъ прислуживалъ одинъ изъ Махмудовъ экипажа. А море кругомъ было такъ тихо, какъ будто застыло; красно-желтыя каймы берега слѣва только изрѣдка прерываются оврагами или трещинами, образовавшимися отъ текущихъ здѣсь въ сезонъ дождей ручьевъ; мѣстами въ этихъ ложбинахъ видны были темнѣющія пятна жалкой растительности: такъ представляется съ моря Синайскій полуостровъ. Справа одинъ, прокатившійся на далекое пространство хребетъ горы Атаки, отвѣсный и мрачный, безъ излучинъ и вершинъ, ровный и угловатый, не мало способствуетъ общему тону унынія и мертвенности.

Едва прошли мы до Бубердейса, какъ упали сумерки, парусъ перебросили отъ вѣтра и мы легли въ дрейфъ. Настала ночь, тяжкая отъ какой-то непонятной духоты. Мы вылѣзли изъ своей каюты, гдѣ насъ столько же мучили всевоз-

можныя насѣкомыя, сколько смрадъ, томительный жаръ и крайнее возбужденіе нервовъ, которое мы поняли только впослѣдствіи. Но едва улеглись мы на свернутомъ парусѣ, какъ переполохъ, поднятый моимъ товарищемъ, разогналъ и мою дремоту: ему послышалось, что на нашъ мѣшокъ съ хлѣбомъ—почти единственную нашу провизію—напали крысы. Дѣйствительно, мѣшкать было нельзя: изъ глубины нашей каюты слышался сильный шорохъ и шумъ. Преодолѣвая заранѣе подступавшее къ горлу чувство отвращенія, и зажегши свѣчу, мы осматриваемся, —ничего не видно, а возня отчаянная, и происходитъ она въ самомъ мѣшкѣ; открываемъ его и — вмѣсто мышей — видимъ тучу большихъ таракановъ, стремительно разсыпающихся во всѣ стороны. Товарищъ мой съ ожесточеніемъ накидывается на запоздалыхъ, но я поднимаю свѣчу и указываю ему на потолокъ: доски какъ будто ожили, изъ всякаго шва выглядывали миріады шевелившихся усовъ... Что̀ тутъ было дѣлать? Завязали мѣшокъ и ушли, и не сочли нужнымъ даже разсмотрѣть породу: знаю только, что эта была порода *побѣдителей* т. е. бурыхъ таракановъ, и необыкновенно большихъ. Такъ и не спали мы всю ночь, и едва забрезжилось, начали будить прислугу, чтобы ставили парусъ. Парусъ поставили, но онъ, не начавъ даже полоскать, падаетъ. Къ срединѣ дня томленіе усиливается до нельзя; вода слегка булькаетъ около лодки. Буссоль приносятъ къ намъ въ каюту и старательно увертываютъ. Что̀ такое, въ чемъ дѣло? Требуемъ капитана. Онъ указываетъ на горизонтъ справа, но мы ничего особеннаго не замѣчаемъ, кромѣ легкой желтизны.—Хамесинъ! Такъ что̀ же? Раздосадованный райсъ машетъ руками и уходитъ, чему-то смѣясь. Въ три часа начинается довольно задорная качка. Вѣтеръ дуетъ порывами и вмѣсто того, чтобы освѣжать, жжетъ лицо и тѣснитъ грудь. Вотъ перебросили парусъ, и лодка стремительно рѣжетъ воду; кругомъ бурлитъ, шумитъ и пѣнится, такъ что въ головѣ дѣлается круженіе. На лѣво совсѣмъ близко берегъ, какой-то заливъ. Спрашиваемъ, что̀ это за мѣсто.—Бубердейсъ. «Какъ, все тотъ же Бубердейсъ,

что́ и вчера!» Но вотъ вдали слѣва передъ нами высокій мысъ. Явно, мы стремимся его обогнуть, и когда обойдемъ его, то пойдемъ быстро. Ничего не бывало! Раздается команда капитана. Тѣснимые бѣгущею толпою черныхъ, нагихъ матросовъ, прыгаемъ обратно съ палубы въ свою каюту. Толпа тащитъ канатъ паруса, одни передаютъ его другимъ, и вотъ у нашего помѣщенія начинается борьба геркулесовъ съ парусомъ, который натянулся тѣмъ временемъ, какъ яйцо. Нестройно, но ловко, и съ дикими воплями замыкаютъ канатъ въ большой блокъ. Одинъ изъ колоссовъ, сорвавшись, летитъ къ намъ, но сейчасъ же, какъ мячикъ, подымается на ноги. Наконецъ, все успокоивается, кромѣ отчаянной качки; мы вылѣзаемъ на верхъ — и видимъ все тоже мѣсто, все тотъ же мысъ вдали. Такъ повторяется четыре раза, и только, когда мы настолько приблизились къ берегу, что увидали камни на немъ, и среди отчаяннаго розвала качки бросили два якоря, мы поняли маневры нашего судна. Всѣ эти пріятныя катанія имѣли цѣлью приблизиться къ берегу и стать на якорь въ защитѣ отъ вѣтра. Намъ объяснили, что мы должны ждать бури—*фортуны* (подъ этимъ названіемъ шквалъ оказался извѣстенъ и арабамъ), и видя берегъ возлѣ, мы соглашались претерпѣть и бурю. На что же будетъ съ нами дальше — этотъ вопросъ, вопросъ чисто европейскаго характера, не давалъ намъ столько же успокоиться, какъ и отчаянная качка. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, вопросъ, дѣйствительно, празднаго любопытства, которое осуждаетъ всякій истинный правовѣрный. На всѣ наши распросы и призывы райсъ отвѣчаетъ намъ отъ своего руля только смѣхомъ. Но мы таки добиваемся своего; онъ приходитъ, и при пособіи турецкаго переводчика, мы его допрашиваемъ. Вотъ теперь хамсинъ, а сколько онъ будетъ дней: одинъ, два, пять, больше? — Кто знаетъ? Если хорошій вѣтеръ, туда, завтра Эль-Торъ? — А если не завтра, то когда? Можетъ быть, десять дней?—Нѣтъ, теперь не хорошо (мушъ таибъ), завтра —хорошо! Раисъ уходитъ, на наши предложенія съ теперешнимъ вѣтромъ ѣхать назадъ въ Суецъ и

переждать, отвѣчаетъ смѣхомъ. — Я боленъ, не могу плыть десять дней! — А Аллахъ на что? И торжественно указываетъ на небо.—Среди бушующихъ у берега волнъ появляется лодка—знакомый нашему райсу рыбакъ подплываетъ на лодкѣ, въ которой гребутъ три черные и совершенно нагіе туземцы. И хотя намъ нѣтъ причинъ сомнѣваться въ наклонностяхъ этихъ людей, но мы невольно думаемъ о возможныхъ непріятностяхъ, если сойдемъ на берегъ. Ихъ лодку отчаянно кидаетъ во всѣ стороны, и только обезьянья цѣпкость нубійцевъ способна на то, чтобы причалить въ это время и влѣзать на судно. Въ виду нашихъ немощей, капитанъ самъ стелитъ намъ изъ паруса постель наружи и даже пробуетъ тащить меня за ноги. Половина неба совершенно потемнѣла, но тѣмъ ярче горятъ звѣзды на другой. Къ полночи завыванія вѣтра вдругъ прекращаются, и слышится свистъ, сначала слабый, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе; звѣзды скрываются, и закрывшись пледомъ, я чувствую, какъ насъ осыпаетъ сначала брызгами воды, а потомъ пескомъ, съ такою силою, какъ если бы чья нибудь рука бросала песокъ намъ въ лицо; лодку, и все, что ни есть въ ней, и наши пледы рветъ съ мѣста. Добрые полчаса свиститъ и гудитъ самумъ, и наконецъ утихаетъ, среди полной, наступившей тьмы. Я не дождался окончанія и заснулъ: и мнѣ снилось, что я спѣшу попасть въ отходящій поѣздъ и наконецъ врываюсь въ вагоны на полномъ ходу.

Насъ разбудили въ три часа ночи: стали разбирать парусъ, чтобы закрѣпить его. Вытащили всѣ три якоря, и разомъ, съ страшною силою мы понеслись. Буря перемѣнила направленіе, и вмѣсто западнаго самума сѣверо-западный шквалъ погналъ насъ впередъ. Раисъ сидѣлъ на рулѣ и просто заливался отъ хохоту—онъ предчувствовалъ успѣхъ и то угощеніе, которымъ онъ долженъ былъ насъ поподчивать. Происходило ли это отъ крайней быстроты, или же отъ близости воды, но кругомъ нашей лодки поднялась какая-то вакханалія. Качка перешла въ розмахи, разомъ была боковая и килевая, и при каждомъ розмахѣ судно забирало воду. Лежа въ по-

валку у себя въ каютѣ и держась, за что привелъ Господь, чтобы не очень мотало и обо что нибудь не стукнуло, мы имѣли удовольствіе видѣть, какъ пришелъ въ движеніе и нашъ багажъ. Сначала поползъ медленно и осторожно одинъ ящикъ, и постукивая и подпрыгивая, старался выбраться на средину; но какъ было у насъ очень тѣсно, то послѣ нѣкотораго раздумья, онъ вдругъ отчаянно стукнулъ о другой, какъ бы пытаясь прочистить себѣ дорогу. Затѣмъ и всѣ наши четырнадцать мѣстъ освободились разомъ, послышался уже звонъ отъ боя фотографическихъ аппаратовъ, сбѣжалъ сверху самъ раисъ на шумъ, но мы были уже вполнѣ безпомощны и безучастны. Вдругъ сбоку нашего логовища отрывается отъ своего гнѣзда маленькая фокъ-мачта—ужь послѣ мы увидѣли, что и гнѣзда для нея настоящаго не было, а просто вставлена была она въ доску, и эта доска пришита къ полу однимъ только гвоздемъ. Нельзя стало и лежать, и приходилось только сидѣть у блока, крѣпко держась за веревки. Но мы были счастливы и тѣмъ, что идемъ и идемъ поразительно быстро. Правда, мы ничего не видали, кромѣ громоздящихся волнъ, да непрерывнаго дѣйствія нашей помпы, за которою мы ревниво слѣдили. И когда послѣ полудня насъ извѣстили, что скоро будетъ видно Эль-Торъ, то и качка уже мало сравнительно чувствовалась. Какъ стрѣла пронеслась лодка по тихой водѣ залива и до половины зарылась въ песокъ. Наше морское путешествіе кончилось, и право, было пора. Скоро подъѣхала карантинная шлюпка, но сидѣвшій въ ней сторожъ итальянецъ безъ всякаго осмотра разрѣшилъ намъ съѣхать на берегъ. Всѣ наши мѣста оказались снаружи въ цѣлости, и недоставало всего только одного ремня: имъ прельстился, вѣроятно, Махмудъ, но, во вниманіе къ его услугамъ и особенно къ тому, что онъ показалъ намъ, какъ можно собственною подошвой чистить полъ вмѣсто щетки, мы не требовали возвращенія.

На спинахъ арабовъ перебрались мы изъ шлюпки на берегъ—иначе нельзя было за волненіемъ—и на маленькой набережной были привѣтствованы цѣлой толпою. То была вся

мужская половина и всѣ домочадцы добрѣйшаго русскаго вице-консула. Войдя внутрь маленькаго дворика и взобравшись по ветхой лѣстницѣ наверхъ въ жилыя комнаты, мы были введены затѣмъ въ пріемную, гдѣ насъ ожидали привѣтствія женской семьи хозяина, и усажены на диванъ. Подали угощеніе: сладкія пасочныя лепешки въ видѣ рогулекъ или варениковъ, кусочки финиковой колбасы, раки́ и кофе. Политичные разговоры, въ которыхъ, главнымъ образомъ, напирали на побѣды наши надъ турками и оказывались совершенно неизвѣстными послѣднія событія, были затруднены опять языкомъ: хозяева говорили только по арабски. Но, и обмѣниваясь, на манеръ дикарей, запасомъ словъ взаимно, кто что́ зналъ по русски, гречески, арабски и по турецки, при чемъ всякій малѣйшій успѣхъ служилъ предметомъ общаго восхищенія, мы чувствовали несказанное удовольствіе и не находили словъ для выраженія его. Любезность нашихъ хозяевъ была такъ искренна, задушевна, такъ легко и покойно сидѣли мы въ новой средѣ, что эти немногосложныя бесѣды составляютъ одно изъ лучшихъ воспоминаній. Вся семья, состоявшая изъ женатыхъ дѣтей хозяина, оказывала своему отцу знаки искренняго почтенія и полной привязанности, и въ то время, когда онъ сидѣлъ съ нами за столомъ, прислуживали ему и, не смотря на всѣ наши просьбы, никто не хотѣлъ сѣсть рядомъ. Таже патріархальность поражала насъ здѣсь и въ другихъ семьяхъ. Даже кофе подавался только гостямъ и хозяину, и когда мы разъ настояли на томъ, чтобы старшій сынъ — человѣкъ лѣтъ сорока пяти — пилъ кофе вмѣстѣ съ нами, то онъ долго смѣялся, наконецъ, приложивъ руку ко лбу передъ отцомъ, взялъ чашку, по его уговору, хотѣлъ пить, но не выдержалъ: покачавъ головою, всталъ и выпилъ. Православныхъ арабовъ въ Эль-Торѣ не много, и обширная церковь, въ итальянскомъ вкусѣ, недавно здѣсь выстроенная (отчасти на средства изъ Россіи), хотя посѣщается въ утреннія и вечернія службы всею общиною, все же остается пуста. При церкви выстроена прекрасная и обширная монастырская гостинница, но и въ ней

только изрѣдка и мало гоститъ паломниковъ, исключительно русскихъ. Бывалые странники всегда изъ простыхъ, посѣтивъ Аѳонъ, заходятъ передъ Іерусалимомъ, а иногда и послѣ на Синай, но ихъ рѣдко бываетъ въ годъ болѣе 20 человѣкъ; между ними бываютъ и женщины — матýшки, какъ ихъ здѣсь зóвутъ. Иногда паломники ѣдутъ изъ Суэца на верблюдахъ, но чаще трактъ ихъ лежитъ черезъ Эль-Торъ. Для русскаго странника пространство не составляетъ собственно никакого серьезнаго препятствія, развѣ онъ боится опоздать въ другое мѣсто къ великому празднику. Поэтому, какъ мнѣ случилось слышать и самому, русскій паломникъ, отправляясь къ Святымъ мѣстамъ, думаетъ не о трудностяхъ своего странствія и рѣдко ихъ предвидитъ, если онъ не бывалый, но о томъ, чтобы воспользоваться плодотворнѣе для своихъ цѣлей своимъ временемъ. Разсчетъ подробный ведется и тому, сколько времени и гдѣ именно паломникъ можетъ выжить на мѣстѣ, и разсчитывается по средствамъ — это вопросъ чести и особой деликатности; но этому правилу мало слѣдуютъ бабы. Не будь итальянскихъ построекъ, Торъ походилъ бы на обыкновенную арабскую деревушку, какою онъ и есть въ дѣйствительности. Дома его, расположенные по берегу и образующіе нѣсколько улицъ, покрытыхъ мусоромъ и всякою падалью, какъ на подборъ похожи одинъ на другой: четыреугольныя сѣрыя стѣны, сложенныя изъ коралловъ и раковистаго песку, снабжены маленькими оконцами; домъ внутри дѣлится на амбары и лавчонки, въ верхнемъ этажѣ имѣетъ жилыя комнаты, а вмѣсто крыши земляную террассу, на которой спитъ вся семья и которая окаймлена глинянымъ парапетомъ. Словомъ, ничего новаго даже для того, кто видалъ лишь рисунки арабскихъ деревушекъ, Торъ не представляетъ. Два главные дома въ городѣ принадлежатъ двумъ мѣстнымъ представителямъ иностранныхъ государствъ, которые и находятся по этому въ давней, не примиримой враждѣ, проистекающей изъ соперничества, а намъ и обидно, и забавно было видѣть при случаѣ, какъ выступила разомъ немногосложная, интимная среда этихъ араб-

скихъ Монтекки и Капулетти. Болѣе поучительно было наше знакомство съ Синайскими монахами, завѣдующими Христіанскою церковью въ Торѣ. Ихъ всего трое, и церковь эта бѣдна и скромна и ничѣмъ, конечно, не напоминаетъ дѣятельности древней Раиѳы — такъ назывался Христіанскій Эль-Торъ и доселѣ такъ слыветъ у Грековъ, — когда жилъ Іоаннъ Климакъ и велъ переписку съ аббатомъ Раиѳы. Но въ этой пустынѣ люди сохранили и прежнюю искренность, и силу чувства, и энергію. Одинъ изъ этихъ монаховъ — видомъ новый Геркулесъ—самъ, своими руками вырубилъ въ горахъ камень для постройки и свезъ его на верблюдахъ на мѣсто; онъ же сдѣлалъ громадные контрфорсы для Юстиніановыхъ стѣнъ Синайскаго монастыря. Онъ разсказалъ намъ свою исторію: природный Грекъ, въ дѣтствѣ былъ онъ гдѣ то въ Абиссиніи рабомъ, и разъ, пріѣхавъ въ Каиръ съ хозяиномъ, услыхалъ вдругъ неизвѣстную ему греческую рѣчь; какія то воспоминанія въ немъ проснулись, и онъ бѣжалъ отъ хозяина; въ Александріи вновь выучился по гречески, посѣтилъ свою родину, и благодаря знакомству съ купцомъ изъ Тора, зашелъ на Синай, гдѣ и нашлось для него много дѣла. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ на всѣ руки, веселый и словоохотливый, говорившій по немногу на всѣхъ языкахъ; онъ одинъ справлялъ всю черную работу въ гостинницѣ, и приводилъ въ трепетъ непокорныхъ Бедуиновъ. Мы дошли до убѣжденія, что онъ не знаетъ усталости и отдыха, и, подобно другимъ, обращались за его помощью за всѣмъ. Бываютъ такіе люди и именно среди монаховъ. Онъ же устроивалъ намъ и всѣ возможныя развлеченія въ Эль-Торѣ, гдѣ намъ пришлось двое сутокъ ждать верблюдовъ. Мы побывали въ финиковыхъ садахъ—мнимыхъ садахъ Моисеевыхъ (будто-бы библейскій Элимъ), гдѣ текутъ теплые сѣрные ключи и гдѣ больной Аббасъ—паша вздумалъ было выстроить себѣ дворецъ и лѣчебницу, да умеръ, не кончивши. Ручьи, хоть ихъ и не 12, какъ было въ Элимѣ, обильны и поддерживаютъ богатую растительность; они вытекаютъ изъ подошвы известковыхъ скалъ. Пріятно лежать на

газонѣ высохшихъ финиковыхъ листьевъ въ самой чащѣ; всюду громадные стволы благороднѣйшей пальмы въ крайне причудливыхъ положеніяхъ; одни устремляются одиноко въ самый верхъ; другія, столпившись группою или кущею, сперва ползутъ по землѣ, какъ гигантскія змѣи и разбрасываются затѣмъ въ разныя стороны. Послѣ Александріи и даже Каира, гдѣ финиковыя пальмы садятся какъ яблони въ огородахъ правильными и скучными рядами, эти хаотическіе, запущенные сады съ ихъ величіемъ и волшебнымъ очарованіемъ, былъ тотъ Востокъ, о которомъ мечталось. Культуры здѣсь никакой не полагается, и урожай, достигающій до 15 тыс. окъ, бываетъ только разъ въ три года. Отсюда же наши богомольцы набираютъ палокъ или посоховъ—«благословенія» на подвигъ. Другая наша экскурсія на коралловыя мели была руководима тѣмъ-же золотымъ человѣкомъ, который оказался по этому случаю жаркимъ поборникомъ естественныхъ наукъ; потроша одинъ кустъ коралловъ за другимъ, и разгоняя потревоженныхъ его обитателей по дну лодки, онъ все увѣрялъ, что найдутся другіе новые типы паучковъ и жучковъ кромѣ тѣхъ, которые мы закупорили въ спиртъ. Нашъ извѣстный зоологъ, проф. Ковалевскій вывезъ изъ Эль-Тора нѣсколько ящиковъ съ подобными рѣдкостями, которыми здѣсь промышляютъ нѣсколько рыбаковъ: больше загнанные нуждою итальянцы. И, правда, что загонитъ сюда, кромѣ нужды, европейца? Судьба, затащившая сюда нѣмца изъ Мюнхена—карантиннымъ докторомъ и итальянца — инспекторомъ, ничего не дала имъ взамѣнъ: скука и глазныя болѣзни—первая, отъ полнаго безлюдья, вторая—отъ песку и соленой почвы, которой блескъ при солнцѣ становится невыносимъ. Мы не видали ни одного жителя безъ воспаленія глазъ; много кривыхъ и вовсе слѣпыхъ.

Наконецъ то пришли Бедуины съ верблюдами, и мы поспѣшили въ дорогу. Рано утромъ началось навьючиваніе, и пока Бедуины кончили эту работу, въ которой надо было соблюсти полнѣйшую справедливость при распредѣленіи тяжестей, прошло много времени. Толпа жителей вышла насъ провожать

и помогать намъ сѣсть въ первый разъ на верблюдовъ. Дѣло въ сущности нетрудное, но считается опаснымъ для новичковъ. Верблюдъ (дромадеръ или одногорбый) нагружается — я невольно говорю какъ о кораблѣ,—когда онъ лежитъ на землѣ, подвернувъ весьма аккуратно свои ноги; нагрузка состоитъ въ томъ, что что на большое вьючное сѣдло, идущее отъ шеи до хвоста, подвязываютъ по срединѣ всѣ тяжести, сохраняя равновѣсіе, и затѣмъ на подосланныя одѣяла садится верхомъ сѣдокъ. Понуждаемый особымъ крикомъ, верблюдъ встаетъ разомъ, сперва сильно поднявъ задъ; сѣдокъ долженъ быть само вниманіе все это время и, откинувшись назадъ, крѣпко упереться обѣими руками въ луку; мгновеніе онъ чувствуетъ себя какъ бы на краю подоконника, готовымъ упасть, но вотъ верблюдъ поднимаетъ и свой передъ и устанавливается прочно. Объ этихъ маневрахъ весьма краснорѣчиво, однакоже невѣроятно разсказываютъ туристы по Востоку, но что они могутъ быть опасны лишь для усталаго сѣдока, тому во всю нашу поѣздку былъ одинъ лишь примѣръ. Одинъ изъ насъ, сѣвъ на верблюда, не успѣлъ найти рукою луки, какъ верблюдъ поднялся; потерявъ точку опоры, сѣдокъ сильно подался впередъ; также сильно его оттолкнуло потомъ назадъ, и онъ упалъ съ верблюда головою внизъ, по счастію въ песокъ, между камней, повредивъ лишь свою каску. Не опасно, но тяжело, напротивъ того, слѣзать съ верблюда, особенно, когда онъ усталъ, и ноги его утратили эластичность своихъ мускуловъ: тогда онъ падаетъ стремительно, а не подгибаетъ колѣна, и совершивъ затѣмъ волнообразное движеніе всею своею машиною, наконецъ ложится; мы предпочитали послѣ слѣзать съ верблюда какъ съ лошади, ухватившись за луку, при чемъ Бедуинъ подхватываетъ васъ снизу очень ловко. Такъ какъ разъ уже разошедшійся верблюдъ не любитъ подъ вьюкомъ ложиться и сильно реветъ и негодуетъ, когда хозяинъ приглашаетъ его лечь звукомъ гхи!, выражающимъ его шипѣніе при этомъ актѣ, то тѣже Бедуины услуживаютъ вамъ, подымая васъ на сѣдло на своихъ плечахъ. Тема о верблюдѣ достаточно

была бы исчерпана, если бы иные туристы не позаботились и тутъ напутать небылицъ, въ родѣ завѣреній, напр. Эдмонда Абу (очевидно, никогда не ѣздившаго на верблюдахъ), что верблюдъ *качаетъ*, и что отъ этой качки съ слабыми особами случается морская болѣзнь. Верблюдъ не качаетъ, а толкаетъ и довольно чувствительно, и въ этихъ толчкахъ взадъ и состоитъ вся особенность и вся непріятность этого путешествія верхомъ. Эта громоздкая машина на четырехъ подпоркахъ движется медленно, систематически, безъ всякихъ варіацій и отклоненій въ своемъ движеніи, и къ ней гораздо легче было бы приспособиться и привыкнуть, если бы не сила толчковъ. По ихъ причинѣ ѣзда на верблюдѣ не можетъ имѣть обычныхъ приспособленій—кавалерійскаго сѣдла и стремянъ: если, при подъемѣ на гору, тяжелые вьюки лѣзутъ на хвостъ верблюда и сползаютъ обратно ему на шею, при спускѣ, то спрашивается, что же должно дѣлаться съ сѣдломъ? Такимъ образомъ, способъ передвиженія на верблюдахъ можетъ назваться однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, и вполнѣ понятно, почему путешественники на Синай такъ много и такъ скорбно говорятъ объ этомъ; одни изъ нихъ придумывали для себя особыя помѣщенія въ корзинкѣ, привѣшенной къ верблюду, другіе — носилки съ креслами, помѣщавшіяся на двухъ верблюдахъ, но всему, въ концѣ концовъ, предпочитали итти пѣшкомъ. Ѣзда эта убиваетъ крайнею систематичностью, монотонностью и несносными привычками верблюдовъ носильщиковъ. Равномѣрно переступая и ежеминутно двигая своею длинною шеею, какъ корабль своимъ носомъ, верблюдъ этотъ, живущій всегда здѣсь въ проголодь, не пропуститъ малѣйшей травки, едва видимой на пескѣ былинки; ежеминутныя остановки и понуканья — предметъ развлеченія въ первое время и терзанія въ остальное. Сладострастно жуя схваченную травку или хвою, обдернутую съ придорожнаго куста, верблюдъ ревниво слѣдитъ за своимъ хозяиномъ,—который все время дороги посвящаетъ, гдѣ возможно, на отысканье травы,—и идетъ усердно лишь тогда, когда Бедуинъ прикармливаетъ его.

Наблюдая нравы умнаго животнаго, мы прошли источникъ сладкой воды, бывшій виновникомъ основанія Эль-Тора, и оставили позади себя все живое; пустыня охватила насъ уже отовсюду. Было ли это новизна впечатлѣнія, или, въ самомъ дѣлѣ, открывшаяся передъ нами раннимъ утромъ пустыня Эль-Каа казалась при утреннемъ освѣщеніи болѣе красивой и величавой, чѣмъ другія видѣнныя нами мѣста, но первые часы путешествія были одними изъ самыхъ сладкихъ. Съ своей полуторасаженной высоты мы обозрѣвали громадное пространство; воздухъ ясный и чистый до того, что горы, начинавшіяся отъ насъ слишкомъ въ 8 часахъ разстоянія, казались такъ близко—хоть рукою подать; дышалось легко и свободно, и верблюды, соня и нюхая, шли бойко, какъ то шурша по причесанному послѣднимъ вѣтромъ песку. Какъ будто море разлилось и застыло, разсыпавшись сперва мелкимъ, дробнымъ прибоемъ! Я не могъ не сравнить этихъ гофрированныхъ драпировокъ пустыни съ прическою ассирійскихъ царей и бахромою ихъ одеждъ. Мѣстами на возвышенностяхъ песокъ былъ сметенъ до послѣдней песчинки, мѣстами въ логахъ онъ скоплялся до большой глубины, и только широкія ступни верблюдовъ препятствовали намъ въ него погрузиться. Но семичасовой переѣздъ уже началъ насъ утомлять, когда къ этому присоединился еще жаръ. Часамъ къ 10 утра солнечный припекъ сталъ до того силенъ, что наши сѣрыя каски уже не помогали: пришлось обвертывать ихъ платками, сколько было въ запасѣ; бедуины безъ церемоніи завернули себѣ на голову всю верхнюю одежду, оставшись въ однихъ короткихъ, рваныхъ рубашкахъ. Затѣмъ почувствовалось утомленіе и боль въ глазахъ: свѣтъ былъ до того ослѣпителенъ, ярокъ, пространство передъ нами до того однообразно затянуто какою то маслистою, сѣроватою охрою, что глазъ уже не различалъ деталей и успокоивался только на отдаленномъ хребтѣ. Когда я надѣлъ темныя очки, то блескъ пустыни, слившейся передо мною въ одно голубое искрящееся море, казался какимъ то фантастическимъ сіяніемъ, которымъ декораторы окружаютъ на театрѣ

свои апоѳеозы. Но здѣсь было не до созерцанія, и наши утомленные, еле двигавшіеся верблюды и молча шлепающіе сандаліями бедуины составляли весьма унылый балетъ съ несчастными сѣдоками. Всѣ члены ныли, во рту какъ то неповоротливо двигался языкъ, возбуждая ощущеніе горькаго вкуса, а глотки протухлой воды, хотя и съ виномъ, нисколько не освѣжали. Снизу, съ боковъ палило какимъ то полымемъ, какъ изъ печи. И вотъ, когда мы добрались до горъ, и Бедуины остановились, чтобы вылить изъ мѣховъ негодную воду, а мы слѣзли съ верблюдовъ и, ища какой либо тѣни, полѣзли подъ первый камень, то оказалось, что у одного изъ насъ лицо потемнѣло. Но мы были передъ первымъ ущельемъ, и, бѣжа съ усиліемъ, чтобъ расправить ноги и поясницу, знали, что впереди была стоянка и вода. Дорога шла внутрь Синайскаго хребта ущельемъ Ишли — путь необычный (обыкновенно идутъ черезъ уади Фейранъ, или Гебранъ, вообще съ С. З.), но намъ рекомендованный, какъ кратчайшій; тяжелые и опасные перевалы заставляютъ большіе караваны избѣгать его. Мы знакомились здѣсь впервые съ тѣмъ, что́ называется въ каменистой Аравіи оазисомъ—*уади*, и такъ какъ разница между настоящимъ уади и дѣйствительнымъ оазисомъ крайне велика, то необходимо объясниться: Уади называется всякая долина и ложбина, принимающая въ себя вешнюю воду съ горъ, но не во всякой долинѣ вода эта производитъ и поддерживаетъ растительность, и только въ очень немногихъ есть сочащіеся источники или ручьи. Чаще всего эти уади представляютъ собою громадныя котловины или ущелья, или засыпанныя камнемъ и щебнемъ, или даже покрытыя сплошь пескомъ, какъ та пустыня, которою мы проходили. Въ нихъ столь же мало жизни, какъ въ ней, и только у источниковъ видишь обглоданные кусты хвойной тарфы да слышишь изрѣдка пѣніе птицъ. Одинъ изъ путешественниковъ (Авр. Норовъ) даже утверждаетъ, что на всемъ пути на Синай онъ не слышалъ журчанья ручья, ни шелеста листьевъ, не встрѣтилъ ни путника, ни звѣря, ни птицы; не знаю, какъ было тамъ, гдѣ онъ проходилъ, но на своемъ пути встрѣ-

илъ всего по немногу. Все таки впечатлѣніе, производимое этими долинами, было бы очень унылое, если бы не выкупало его чудное архитектурное построеніе горъ. Передъ нами отовсюду громоздились горы и скалы, замыкая ту сторону, куда мы шли, до такой степени, что мы невольно спрашивали бедуиновъ, куда же мы пойдемъ и неужели намъ придется лѣзть вотъ тамъ на верхъ, по какому то ущелью, подымавшемуся къ небесамъ. Мы ничего не понимали, пролѣзая съ верблюдами по густому тростнику, росшему надъ источникомъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ кругомъ обложившія дорогу скалы принудили насъ сойти съ верблюдовъ; впереди была стѣна; наша долина или ущелье съузилось въ корридоръ. Вдругъ слѣва просвѣтлѣло, стѣна, какъ декорація, стала отходить на право, — передъ нами открылся другой, расширявшійся корридоръ. И, въ самомъ дѣлѣ, это были какіе то причудливые ходы внутри горъ, и когда мы, послѣ длиннаго ряда поворотовъ и скучно — широкихъ долинъ, вступили въ одинъ особенно узкій ходъ или корридоръ, то восторгамъ нашимъ и одобреніямъ самихъ Бедуиновъ не было конца. Дарьяльское ущелье, которымъ ѣдешь около десяти верстъ на почтовыхъ, любуясь то прекраснымъ шоссе, то облаками, протянувшимися по стѣнамъ, подобно шарфу изъ газа, то журчащимъ Терекомъ у ногъ, великолѣпно, но его впечатлѣніе совсѣмъ иное. Здѣсь горы были ниже, ручей не гремѣлъ и даже журчалъ только по мѣстамъ, но стѣны краснаго гранита сдвинулись здѣсь такъ близко, что небо было видно лишь впереди, какъ сѣроватая трещина. Освѣщеніе разсѣяннымъ, отраженнымъ свѣтомъ придавало особый густой колоритъ всему, въ немъ господствовали красноватые и коричневые тоны. Скользя по влажнымъ и гладкимъ какъ зеркало камнямъ, взбираясь по ступенькамъ, вымытымъ водою, мы подымались выше и выше, пока добрались до источника, сочившагося изъ подъ камней, подъ кущею финиковыхъ пальмъ. Послѣ палящей дневной жары, такъ страстно хотѣлось отдохнуть въ этой чащѣ, посидѣть, прислонясь къ прохладному зеркалу нависшей скалы, на стѣнѣ которой мерцало отраженіе

ручейка, журчавшаго у ногъ, но надо было спѣшить и до почи пройти этотъ первый перевалъ. Насильно продираясь сквозь тростниковыя чащи и толкая своими вьюками о камни, медленно и пыхтя, подымались верблюды; дорога потемнѣла, но пошла наконецъ ровно, и въ расширившейся долинѣ, покрытой кустами манноваго дерева — тарфы и тростникомъ изъ вида arundo, мы раскинули наконецъ бивакъ. Не успѣли мы приготовить себѣ чай и отвѣдать своей провизіи, какъ разомъ стемнѣло; Бедуины обложили насъ кругомъ разгруженнымъ вьюкомъ, верблюды легли тутъ же рядомъ, и ночлегъ былъ готовъ; на часахъ было только семь. Удалившись нѣсколько отъ скалъ, по совѣту бедуиновъ, такъ какъ въ нихъ прячутся змѣи, и положивъ нѣкоторое разстояніе между собою и верблюдами, чтобы не обонять ихъ невыносимаго запаха, легли и мы, прямо на песокъ, наглухо покрывшись отъ комаровъ. Еще не брезжило, насъ разбудилъ утренній холодъ и говоръ бедуиновъ, разведшихъ костеръ изъ пучковъ сухой травы и тростнику. Ущелье, по которому мы шли, казалось намъ еще прекраснѣе отъ утренней свѣжести, бодрившей тѣло: бедуины, пройдя съ нами около часу, разсѣялись по сторонамъ; мы видѣли, какъ съ цѣпкостью кошекъ лазили они по скаламъ, набирая травы для своихъ верблюдовъ. Трава эта была суха, не сочна, но необыкновенно душиста, а цвѣты ромашки просто дурманили голову. Шейхъ подалъ намъ плодъ дикаго арбуза, величиною съ яблоко, но съ костяною коркою, внутри которой прыгали сѣмена: Бедуины, видимо, были довольны нашими вчерашними восторгами ихъ родиною и выражали желаніе сойтись съ нами поближе; къ сожалѣнію, у насъ не было переводчика, и провожавшій насъ житель Эль-Тора говорилъ только по арабски. Знакомство наше ограничивалось только наблюденіемъ другъ друга, при чемъ на нашей сторонѣ было болѣе, конечно, интереснаго. Бедуины эти вовсе не отвѣчали тому представленію, какое мы прежде составили себѣ о типѣ «сына пустыни» по книгамъ. Неловкая, даже неуклюжая фигура, съ обезьяньими плоскими ногами, съ рѣзкими чертами

лица, непріятно худая и изможенная, одѣтая въ какія-то коленкоровыя лохмотья, вмѣсто рубашки, и черный плащъ,—вотъ какимъ увидали мы Синайскаго Бедуина. Ни слѣда величавыхъ, благородно-простыхъ жестовъ, ни тѣни натуральной, своеобразной гордости въ выраженіи лица. Но изъ разговоровъ въ Суецѣ и Торѣ мы уже узнали, что дѣйствительность и на этотъ разъ не сходилась съ поэзіею, и, однакоже, какъ бываетъ особенно часто, расходясь съ нею, была не ниже ея. Bidovino non é uomo—говорилъ намъ геркулесъ-монахъ; человѣкъ не можетъ вынести того, что безъ труда сдѣлаетъ бедуинъ; верблюдъ отъ Тора въ Синай идетъ два, три дня, а онъ въ сутки: тому нужна тропа, а Бедуинъ идетъ прямо; нужно ли послать письмо изъ Синая въ Суецъ, даютъ его Бедуину и онъ въ десять дней сходитъ и вернется, взявъ въ дорогу только мѣшочекъ муки да табаку для трубки; Бедуинъ неутомимѣе и выносливѣе верблюда, которому онъ служитъ. Но какъ бы ошибся тотъ, который, судя по своему, принялъ бы затѣмъ расу Бедуиновъ за несчастную, приниженную самою природою, расу, которая въ этомъ вѣковомъ униженіи перешла въ племя, близкое къ обезьянамъ. Въ этихъ высушенныхъ, несвободно, подъ тяжкимъ трудомъ и лишеніями, развившихся натурахъ жизни было болѣе, чѣмъ въ итальянцѣ; неумолчный говоръ и болтовня, неизвѣстно о чемъ, подъ которую мы засыпали и которая насъ будила; неизмѣнно веселое настроеніе духа, ладъ и дружба этихъ отрепанцевъ,—все располагало съ перваго шага въ ихъ пользу. Меня долго смущали ноги нашего молодаго шейха, чрезвычайно мнѣ понравившагося: они вовсе не походили на сложеніе Аполлона Бельведерскаго, — но когда мнѣ пришлось итти по песку и вытаскивать ноги, грузнувшія по щиколку, я понялъ, какъ некрасивъ былъ бы здѣсь Аполлонъ; Бедуинъ же шелъ легко, ровно и изящно, едва оставляя своею сандаліею слѣдъ. Именно изящны, граціозны были Бедуины въ своей средѣ, идя ширингою передъ нами, болтая и треща всю дорогу, какъ птицы; всегда съ веселою улыбкою отвѣчая на всѣ несносные для нихъ вопросы

наши, довольные своею монотонною пѣснью, какъ и трубкою свѣжаго табаку. Вся обстановка такъ гармонировала, видимо, съ ихъ привычками, чувствами: иногда думалось, что видишь передъ собою именно тѣхъ людей, которые, какъ птицы небесныя, не сѣютъ, и не жнутъ, и не собираютъ въ житницы. Только послѣ долгихъ усилій удалось намъ на одномъ привалѣ открыть среди вьюковъ ихъ собственный багажъ и дорожные запасы, когда Бедуины, передъ прибытіемъ въ монастырь, стали ихъ прятать подъ камни близь дороги: жалкіе и тощіе мѣшочки съ мукою для себя и сѣменемъ для верблюдовъ. Все свое собственно они несли на себѣ: шапочку, перевитую желтыми лентами у шейха, и простую у другихъ; черный изъ тонкой и вмѣстѣ грубой шерсти плащъ, и свой арсеналъ. Этотъ арсеналъ былъ наиболѣе любопытенъ: непомѣрно длинное ружье, стволъ котораго былъ весь перехваченъ мѣдною оковкою, съ длиннымъ фитилемъ вмѣсто курка; подобный же пистолетъ и ножъ въ кожаномъ футлярѣ съ мѣдью и въ томъ же родѣ трубка; у шейха вмѣсто ножа длинный, прекрасный сабельный клинокъ.

Мы взобрались наконецъ на вершину перевала по пути, проложенному водою и сдѣлали привалъ въ разсѣлинѣ громаднаго камня подобно разрушенной башнѣ, торчавшаго на краю обрыва. Спрятавъ голову въ тѣни и выглядывая изъ подъ скалы на открывшійся кругомъ видъ, мы долго осматривали мрачную картину, угрюмость которой только усиливалась свѣтомъ отвѣсно палящаго солнца. Все было такъ дико и пусто кругомъ, такъ мертвенно уныло торчали отовсюду скалы и утесы, что, если бы Дантъ могъ видѣть эту картину, то, навѣрное, выбралъ бы ее для своего послѣдняго адскаго круга. Противъ насъ, съ З. тѣснились громадныя высоты хребта Умм-Шомаръ, какъ будто расколотыя и иззубренныя; его подножія пропадали въ навороченныхъ отовсюду утесахъ; слѣва виднѣлась уходившая по буграмъ полоса, на которой хаосъ безпорядочно разбросанныхъ камней указывалъ дорогу водъ и нашего подъема; направо плоская, сѣро-коричневая возвышенность, покрытая

какъ будто безчисленными шлаками, составляла продолженіе перевала. Сзади утесы и скалы, съ которыхъ даже мохъ, сожженный солнцемъ, былъ сорванъ вѣтромъ, закрывали собою пропасть; кругомъ, повсюду въ самомъ дикомъ, безпорядочномъ, непріятномъ хаосѣ, гдѣ только глазъ могъ видѣть, все было завалено, засорено камнями; нигдѣ ни слѣда какой либо растительности. Наша уединенная платформа имѣетъ лишь нѣсколько десятковъ шаговъ въ окружности и отовсюду окружена оврагами и стремнинами, одна другой безотраднѣе и хаотичнѣе. То спрыгивая съ уступа на уступъ, то переползая и переваливаясь по камнямъ, спускаемся мы внизъ, чтобы подняться вновь. Проходимъ рядъ уади, въ которыхъ мѣстами торчатъ сухіе и недающіе тѣни тамариски (тарфа), гдѣ окружающіе холмы спускаются ниже и ниже, до высоты обыкновенныхъ стѣнъ, и приближаемся къ другому склону перевала. По карнизу горы, висящему надъ бездною, въ видѣ громаднаго подоконника, изъ вылощенныхъ известковыхъ плитъ, гдѣ нельзя уже полагаться на свои ноги и гдѣ приходится отдаться въ полное распоряженіе верблюда, огибаемъ вершину. Раздаются отчаянныя понуканія Бедуиновъ: хот! хотти! хот! арри! и горловыя вскрикиванія гха! на которыя верблюды отвѣчаютъ то протяжнымъ злобнымъ рычаніемъ, то жалобными криками. Передъ нами безконечно-длинный, но отлогій спускъ къ Сѣверу. Разложившійся гранитъ усѣялъ почву красноватыми шлаками, среди которыхъ пробивается трава. Спѣшно проходимъ зигзагами холмы и овраги; почти на шеѣ верблюда, гремящаго своимъ вьюкомъ, скатываемся внизъ въ долину; взоръ съ неожиданнымъ удовольствіемъ останавливается на порослях и кустахъ; это уади Рутухъ, мѣсто горнаго пастбища Бедуиновъ Синайскаго монастыря. Но съ сѣвера оазисъ замыкается цѣпью страшныхъ горъ, и въ немъ нѣтъ воды. Мы дѣлаемъ привалъ въ боковомъ ущельи. Съ наступленіемъ ночи начинается пронизывающій холодъ; все, что есть теплаго, всѣ пологи и подстилки пускаются въ ходъ; Бедуины и верблюды всю ночь не отходятъ отъ ярко пылающаго костра.

Еще не брезжило, во второмъ часу ночи, просыпаемся отъ холода, который дошелъ до 6° по Реом., и сильнаго тумана, и молча укладываемся въ темнотѣ: многія вещи закопались въ песокъ — приходится искать ихъ ощупью. Но уже близка цѣль и, по словамъ Бедуиновъ, благодаря нашимъ усиленнымъ маршамъ, мы черезъ семь часовъ должны быть въ Синайскомъ монастырѣ. Правда и то, что этимъ часомъ мы привыкли уже не давать особенной вѣры, но, какъ оказалось, на этотъ разъ напрасно. По пологимъ долинамъ, то взбираясь, то спускаясь, направляемся на Востокъ, пропуская мимо себя хребетъ слѣва, и вотъ въ этой колоссальной, непрерывной стѣнѣ шейхъ указываетъ одну вершину въ видѣ конической шапки—*Джебель Муса*! Гора Моисея виднѣется здѣсь наиболѣе эффектно; подобно бастіону въ углу какой-то колоссальной крѣпости, она видна съ Юга вся разомъ, до подножія; справа отъ нея, по мѣрѣ приближенія, свѣтлѣетъ трещина ущелья, а еще правѣе уходитъ вдаль пикъ Св. Екатерины. Вновь взбираемся по гребнямъ и кручѣ, трещина расширяется и образуетъ глубокое ущелье, внизу котораго, какъ бы замыкая дорогу, виднѣется и самый Синайскій монастырь. Добрый часъ еще бѣжали мы отсюда внизъ по ужасной дорогѣ и истомленные до нельзя восьмичасовою прогулкою пѣшкомъ въ этотъ день, были впущены въ монастырь. Было очень кстати, что прежній обычай Синайскаго монастыря поднимать путешественниковъ по стѣнѣ въ корзинѣ лѣтъ пять тому назадъ окончательно оставленъ какъ для высокихъ, такъ и простыхъ особъ. Обычай этотъ возникъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе страха постоянныхъ нападеній Арабовъ и Бедуиновъ въ XVIII стол. Но давно уже эти нападенія прекратились, и развѣ изрѣдка попытки мелкаго и невиннаго воровства плодовъ и овощей тревожатъ мирныя отношенія Синайскаго монастыря къ свободнымъ жителямъ пустыни. Голодъ и всякія лишенія, ежедневная забота о хлѣбѣ насущномъ и истощеніе всѣхъ прежнихъ промысловъ для его добыванія давно сломили непокорную силу сыновъ пустыни. Сломили, но, однако, не уничтожили. Хотя Бедуины теперь стали почти въ вассаль-

ную зависимость отъ монастыря, исполняютъ всякія для него послуги, и сотнями толпятся у стѣнъ при раздачѣ хлѣба, однако между ними совсѣмъ нѣтъ христіанъ. И когда нашъ маленькій караванъ вступилъ во внѣшній дворъ, съ сѣвера пристроенный къ монастырскому квадрату, надо было видѣть нашихъ оборванцевъ, съ какою горделивою осанкою подходили они пожать руку отцу ризничему. Они, по правиламъ монастыря, должны были оставаться за стѣнами его, въ то время, какъ мы, нагнувшись, проходили въ узкій, изворотливый коридоръ, ведущій внутрь стѣнъ и снабженный тройными тяжелыми и вѣковыми воротами. Новая, строющаяся для палом никовъ на внѣшнемъ дворѣ, гостинница не готова и не скоро еще можетъ быть кончена, за недостаткомъ средствъ, и наше помѣщеніе отводилось въ томъ ряду келій внутри монастыря, прислоненныхъ къ его сѣверной сторонѣ, гдѣ останавливались едва ли не всѣ путешественники и туристы, посѣтившіе Синай въ наше столѣтіе.

Синайскій монастырь.

По узкимъ, булыжниковымъ мостовымъ разныхъ переулочковъ и ходовъ, по дрожащимъ деревяннымъ лѣстницамъ, подъ какими-то ветхими навѣсами на потемнѣвшихъ столбикахъ, едва переводя духъ, достигли мы нашихъ келій. Все было въ нихъ точно также, какъ я читалъ въ путешествіяхъ арх. Порфирія и Эберса, Норова и Тишендорфа; тѣ же узкія окна съ деревянными рѣшетками, тѣ же жесткіе диваны по стѣнамъ кругомъ, обитые ситцемъ, съ подушками, къ которымъ или нельзя, или больно прислониться. Послѣдовало тоже угощеніе, съ араки и финиковыми пряниками, и даже разговоръ вертѣлся около событій, минувшихъ ровно двадцать лѣтъ тому назадъ. На стѣнахъ карандашемъ и на дверяхъ ножичкомъ нацарапаны были имена постояльцевъ, и между ними встрѣчались посѣтители сороковыхъ годовъ, и ученые богословы изъ Оксфорда и Мюнхена мѣшались здѣсь съ перами Англіи и купчихами изъ Симбирска.

Когда я вышелъ на корридоръ, или террасу, на которую открывались двери кельи моей и десяти смежныхъ, то же впечатлѣніе запущенности, чего-то, всѣми покинутаго, охватило меня еще сильнѣе. Не будь передъ глазами недавно построенной бѣлой колокольни и ободранной мечети, и крыши Юстиніановой базилики, легко было бы, особенно вечеромъ, представить себя въ одномъ изъ пройденныхъ уади. Такъ смѣшивалось все въ сѣрый цвѣтъ, такъ пожелтѣла штукатурка, такъ примитивно были устроены крыши и циклопическія поновленія стѣнъ, что глазъ не сразу могъ отыскать передъ собою жилье. Еще болѣе хаоса рождало въ общемъ представленіи восточная манера постройки, и всѣ маленькіе дворики и переулочки, подъемы и спуски.

Синайскій монастырь, какъ я вижу изъ книгъ, передо мною лежащихъ, производилъ особенно странное впечатлѣніе на западныхъ туристовъ. Но и тотъ, кто видалъ наши монастыри и знакомъ вообще съ древностями Востока, найдетъ въ немъ много интереснаго и поучительнаго. Громадный по размѣрамъ своихъ стѣнъ и по монументальности ихъ гранитной кладки, четыреугольный ящикъ какъ бы опущенъ сверху въ глубину ущелья; одною стороною онъ подымается по подошвѣ горы Хорива, другою спускается къ подножію горы Св. Епистиміи; такимъ образомъ, крѣпость стоитъ поперекъ ущелья, и сбоку ея остается лишь узкій проходъ для каравановъ. Извѣстно, что послѣ построенія монастыря Юстиніаномъ, сложилась скоро и кажется, именно у Арабовъ, интересовавшихся этимъ особенно, легенда, что Императоръ казнилъ своего легата — строителя монастыря, за то, что онъ соорудилъ его не на вершинѣ горы, гдѣ ему было повелѣно, но у ея подножія, гдѣ, хотя были источники, но монастырь былъ доступенъ сверху, съ горъ дѣйствію метательныхъ орудій. Въ дѣйствительности, положеніе монастыря, какъ крѣпости, хотя и отступаетъ отъ обычая Востока, но достаточно объясняется нуждою въ водѣ. Ущелье Шу'ейбъ, въ которомъ помѣщенъ Синайскій монастырь, безплодно до крайности и одно изъ наиболѣе мрачныхъ во всемъ

полуостровѣ; на Югъ оно поднимается и тамъ замкнуто горою, которая зеленѣетъ весной и по преданію считается мѣстомъ, гдѣ пророкъ Моисей пасъ стада тестя своего Іоѳора до тѣхъ поръ, пока призванъ былъ видѣніемъ купины. На С. В. ущелье, напротивъ спускается и становится шире, впадая въ обширный уади Эль-Раха, который иные изъ богослововъ, отождествляющіе одну изъ вершинъ Хорива съ Синаемъ, считаютъ за библейскій Рефидимъ, гдѣ Евреи ополчились станомъ передъ чудеснымъ дарованіемъ заповѣдей. По эту сторону монастыря расположенъ за его стѣнами внѣшній дворъ и садъ.

Но если Синайскій монастырь не производитъ своимъ расположеніемъ особенно сильнаго впечатлѣнія, сравнительно напр. съ древними крѣпостями Грузіи, Малой Азіи и даже Сициліи, или средневѣковыми замками Европы, то онъ выкупаетъ этотъ недостатокъ массивною величавостью своихъ стѣнъ и картиною обступившихъ его съ боковъ горъ. Видъ стѣнъ тѣмъ эффектнѣе, что всѣ внутреннія зданія почти не выступаютъ надъ ними, и что весь ансамбль удивительно гармонируетъ съ архитектурою самыхъ горъ. Крѣпость имѣетъ въ ширину лишь около 30 саженъ и немного болѣе въ ($38^3/_4$) длину, и потому понятна крайняя, чисто восточная тѣснота всѣхъ строеній внутри нея; всѣ стѣны ими буквально облѣплены; всюду, куда ни взглянешь, видны навѣсы, большіе и малые, поднятые на ветхихъ, деревянныхъ столбикахъ, и въ то время, какъ низъ служитъ для амбаровъ, мастерскихъ, верхъ представляетъ безпорядочные ряды келій; иные изъ нихъ, словно гнѣзда, подняты на самыя стѣны и выдвинулись даже наружу, точь въ точь улья или гнѣзда ласточки. Шаткія, наскоро сколоченныя лѣстницы, приступки и крылечки ведутъ внутрь этихъ убогихъ келій, гдѣ жесткая постель, пальмовая цыновка и самодѣльный столъ составляютъ все неприхотливое убранство. Кругомъ базилики всякаго рода пристройки налѣпли до такой степени, что видна только одна свинцовая крыша ея средняго корабля. Исторія бѣдствій, претерпѣнныхъ монастыремъ въ теченіи его 1500 лѣтъ существованія, и многолѣтнихъ осадъ, имъ выдержанныхъ,

одна можетъ объяснить намъ это скопленіе всякихъ построекъ и надстроекъ, надобившихся вдругъ, когда въ стѣны монастыря стекалось все христіанское населеніе полуострова. И какъ тогда, во времена жестокаго халифа Эль-Гакема въ XI вѣкѣ, и въ XIV в., когда землетрясеніе развалило нѣкоторыя стѣны, и въ XVI вѣкѣ, когда, при покореніи Египта Турками, монастырь на время почти опустѣлъ, такъ и понынѣ Синайское монашество устроивается какъ то временно, мало заботясь о будущемъ и своемъ удобствѣ. И еслибы посреди монастыря не возвышалась недавно построенная модная колокольня, то, право, трудно было бы указать что̀ либо̀ новое противъ того, что̀ видѣлъ Титмаръ и Трофимъ Коробейниковъ. Не то, что бы всѣ налѣпленныя кельи или сакли были древни, — многія изъ нихъ сдѣланы, можетъ быть, въ послѣдніе годы, но ихъ хилость, убожество, ветхозавѣтные пріемы ихъ постройки такъ удивительно гармонируютъ съ исторически древними стѣнами, что взоръ невольно принимаетъ и ихъ въ среду древности. Одинъ изъ монаховъ поправилъ недавно южную стѣну, и его циклопическіе контрфорсы удовлетворятъ самаго притязательнаго туриста — археолога; поправки, сдѣланныя при генералѣ Клеберѣ, выглядываютъ, напротивъ, модернизаціею. Отъ всѣхъ этихъ пристроекъ и навѣсовъ, внутренность монастыря скорѣе подобна люку, заваленному кипами товаровъ; узкіе переулочки, ходы, лѣстницы составляютъ такую путаницу, что путешественнику нѣсколько дней требуется имѣть съ собою проводника, чтобы найтись въ этомъ лабиринтѣ. Посреди всего выдѣляется длинная базилика, а рядомъ съ нею полуразрушенный минаретъ, нынѣ обращенной въ амбаръ, мечети, которую, по преданію, велѣлъ выстроить султанъ Селимъ, чтобы обезопасить монастырь отъ нападенія мусульманъ. Невольно вспоминаешь при видѣ этой мечети о дипломатическихъ переговорахъ Синайскихъ монаховъ съ самимъ Магометомъ, о дарованномъ имъ будто бы Синаю *ахтинамэ*, и еще болѣе понятенъ становится здѣсь аскетизмъ, возникающій прежде всего изъ небреженія жизни, которая въ подобныхъ тяжкихъ условіяхъ не-

рестаетъ быть самымъ дорогимъ даромъ для человѣка. Но, когда бывало подымешься на одну изъ верхнихъ террассъ или въ лунный вечеръ стоишь у парапета, въ видѣ хилой рѣшетки своего корридора, то заснувшій и погруженный во мракъ монастырь получаетъ совсѣмъ иной, глубокій смыслъ. Какъ-то особенно ясно, рѣзко чувствуется его гармонія съ окружающимъ міромъ; легко понимаешь, что жизнь съ ея сутолокою были бы здѣсь болѣе, чѣмъ неумѣстны. Такъ, развалины древнихъ зданій тѣмъ величественнѣе намъ кажутся, тѣмъ больше говорятъ намъ о своемъ великомъ прошломъ, чѣмъ менѣе суетится около нихъ повседневная жизнь; если бы римскій форумъ или Колизей помѣщались на парижскомъ бульварѣ,—на нихъ врядъ ли ѣздилъ бы глядѣть весь свѣтъ. А здѣсь кругомъ монастыря нѣтъ даже и лачугъ, и за стѣнами его царитъ таже дикая пустыня; горы, надъ нимъ нависшія, имѣютъ такой торжественно-строгій, почти мрачный характеръ; отвѣсные склоны горы Св. Моисея или Хорива бѣлѣютъ при лунномъ освѣщеніи и на голубоватомъ свѣтѣ неба представляются какимъ то волшебнымъ, чуднымъ зданіемъ, а свалившіеся съ нихъ утесы и скалы очарованными его обитателями изъ временъ давно минувшихъ. Безжизненно—мрачный видъ монастыря при дневномъ свѣтѣ, съ его убогою, едва дышащею жизнью, съ томительнымъ сѣрымъ колоритомъ всего окружающаго, смѣняется въ лунную ночь какою то туманною, но привлекательною картиною. Извѣстно, что и вообще всѣ виды восточныхъ городовъ, исключая развѣ Константинополя, производятъ сильное впечатлѣніе лишь послѣ заката солнца, и нельзя сказать, что бы отсутствіе растительности было въ этомъ случаѣ исключительною или даже и главною причиною. Причина эта кроется, повидимому, въ субъективности нашего созерцанія и художественнаго наслажденія.

Когда, на другой день, поднятые частыми ударами въ било, ранимъ утромъ мы пошли обозрѣвать монастырь, начавъ съ базилики, то впечатлѣніе задержанной, затаенной жизни стало еще сильнѣе. Все, что было замѣчательнаго, восходило

болѣе или менѣе ко временамъ Юстиніановымъ, къ VI — VIII столѣтіямъ, къ той эпохѣ въ жизни восточной церкви и византійской имперіи, когда та и другая совмѣстно стремились къ уложенію, обособленію. Первые чистые порывы религіознаго воодушевленія прошли и уже выродились въ явленія безпорядочнаго, тревожнаго характера. Національная рознь уже обозначилась и прорвалась при первомъ движеніи мусульманства на Египетъ; на далекихъ окраинахъ греческаго христіанства являлись обособленныя церкви. Въ эту эпоху Синайскій монастырь дѣлался самъ по себѣ оплотомъ національнымъ и церковнымъ, и распорядливость, сообразительность Грека находила здѣсь матеріалъ въ искренней, жгучей вѣрѣ обращеннаго Араба. Синайскій монастырь явился, такимъ образомъ, если не оплотомъ, то вѣрнымъ пріютомъ православія на мусульманскомъ Востокѣ, и если не игралъ никакой исторической роли послѣ эпохи уложеній и уставовъ, то съумѣлъ сохранить свое значеніе даже до настоящаго времени. Забудьте нѣкоторыя, оскорбляющія васъ подробности, попробуйте взглянуть поверхъ будничныхъ условій и ея обстановки, и все въ немъ напомнитъ вамъ былое.

Массивныя стѣны базилики изъ тесаннаго, золото-коричневаго гранита просты и лишены всякихъ украшеній; одно узкое окошечко западнаго фаса въ формѣ креста да двѣ пальмы, исполненныя барельефомъ по сторонамъ, напоминаютъ церкви центральной Сиріи и Грузіи. Но, пройдя узкій нартэксъ или преддверіе, вы видите колоссальную дверь изъ кипариса, всю рѣзную, съ изображеніемъ различныхъ эмблемъ и символовъ — работу VIII-IX столѣтій; монахи — любители старины — прибили на ней плитку съ лиможскими эмалями. Напрасно, однако, ожидали бы мы встрѣтить внутри церкви драгоцѣнныя древности: все, что́ было когда то, пошло въ разныя времена на выкупъ монастыря отъ хищничества Арабовъ и Турокъ. Послѣ того Синайское монашество много разъ, конечно, пыталось по своему исправить дѣла и украсить храмъ; съ потолка теперь висятъ множество лампъ серебряныхъ и мѣд-

ныхъ, по стѣнамъ развѣшаны ряды иконъ Аѳонскаго и Московскаго производства; гранитныя стѣны, колонны и ихъ орнаментированныя капители приличнымъ образомъ оштукатурены.

Въ алтарѣ находится массивная серебряная рака для мощей великомученицы Екатерины, и надпись говоритъ, что въ 1689 г. «великіе Государи цари Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и великая Государыня Софія Алексѣевна . . . извѣстіе пріемше отъ присланнаго къ намъ и оныя святыя горы отъ Преосвященнаго архіепископа Іоанникія архимандрита Кирилла, яко оно святое тѣло (вм. Екатерины) не имать сребреныя раки, тѣмъ же воусердствовахомъ блохотнѣ и царскимъ нашимъ желаніемъ взжелахомъ тощнѣ оному святому тѣлу сію сребряную и позлащенную раку изъ нашея царскія казны» и пр. и пр. Однако, и доселѣ мощи великомученицы находятся въ низкомъ мраморномъ саркофагѣ, древнемъ, простомъ и изящномъ, и пельзя, увидавъ серебряную раку, не похвалить за то монаховъ. Но время архіепископа Іоанникія было для Синая своего рода эпохою процвѣтанія: прекрасные образа иконостаса, амвоны, налои и киворіи, украшенные перламутровою мозаикою по дереву и по черепахѣ, исполнены искусствомъ и усердіемъ самихъ монаховъ въ концѣ XVII вѣка. Смотря на эти работы, истинно вздыхаешь: такъ близко уже время, когда и это восточное производство, вслѣдъ за многими другими, отойдетъ въ область древности, археологіи. Уже въ самомъ Каирѣ кустарные промыслы мозаистовъ прекратились и замѣнены фабричными издѣліями, грубѣющими болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ и привлекающими къ себѣ только англичанъ. И опять Синайскій монастырь, въ простотѣ и неизмѣнности своихъ вкусовъ, запасся настолько этими издѣліями, что будетъ весьма естественно, когда именно сюда пріѣдетъ будущій изслѣдователь восточныхъ мозаическихъ рисунковъ. Когда мы попросили на дворѣ одного монаха дать изъ своей келіи какой либо стулъ, то онъ вынесъ намъ кресло съ инкрустаціями столь торжественнаго характера, что любитель-парижанинъ пришелъ бы въ энтузіазмъ и хорошо поплатился бы за него въ

отелѣ Друб. Но надъ всѣми драгоцѣнностями восточнаго искусства возвышается покрывающая полу-куполъ алтаря древняя мозаика Преображенія, обрамленная медальонами и орнаментами, работы VII — VIII столѣтій. Изъ своего отдаленія, какъ бы пропавшее среди пустыни произведеніе древняго художества съ давнихъ поръ уже тревожитъ покой археологовъ, пытливо гадавшихъ о времени его происхожденія. Пышно, по восточному, убрана капелла Неопалимой Купины, находящаяся за алтаремъ; стѣны ея облицованы въ концѣ XVII вѣка синими кафлями съ цвѣтными разводами на нихъ, а полъ, на который вступаютъ, снявъ всякую обувь, покрытъ старыми восточными коврами; мѣсто явленія Купины, приходящееся въ срединѣ капеллы, у подножія алтаря, закрыто серебрянымъ помостомъ, на которомъ вычеканены иконы. По своимъ размѣрамъ и устройству, капелла столь походитъ на подобныя сооруженія въ Виѳлеемѣ, Римѣ, что, ея позднее убранство не должно смущать какъ поклонника святыни, такъ и изслѣдователя старины.

Не подалеку отъ базилики, повернувъ отъ нея на право, проходишь затѣмъ подъ сводами, образующими длинный, непомѣрно длинный корридоръ, въ родѣ катакомбъ, и, вновь поднявшись по наружной каменной лѣстницѣ, входишь въ крохотную церковку, и наконецъ, уже по деревянной лѣстницѣ, въ залъ, надъ дверьми котораго читалась еще недавно надпись: ἰατρεῖον ψυχῆς—*лѣчебница души*. Если вѣрно, что подобная надпись появилась впервые надъ гробницею Озимандіаса при Рамзесѣ II, то врядъ ли Синайскіе монахи понимали ее такъ, какъ знаменитый угнетатель Евреевъ и, конечно, не думали о той ироніи, которая будетъ звучать въ этихъ словахъ. Эта мнимая лѣчебница есть знаменитая библіотека рукописей, тотъ богатѣйшій складъ древнихъ пергаменныхъ кодексовъ, къ которому уже съ XVI вѣка устремляются одинъ за другимъ изслѣдователи, палеографы и библіоманы Европы. Венеціанская библіотека *Марціана* обогатилась изъ этого склада, а наша публичная библіотека украсилась изъ него дивнымъ *Си-*

найскимъ кодексомъ Евангелій, который, хотя бы и не былъ столь древенъ, какъ утверждалъ привезшій его лейпцигскій библіологъ Тишендорфъ, все же драгоцѣнность, можно сказать, величайшая. Ничего подобнаго, быть можетъ, не найдутъ въ нашемъ столѣтіи по древней палеографіи, и увы! ничего такого именно въ Синайскомъ монастырѣ. И, однакоже, одна масса рукописей его стоитъ вниманія: около полутора тысячъ греческихъ, семьсотъ арабскихъ и грузино-армянскихъ и т. д. Есть свитки пергаменные, развернувъ которые, надо держать нѣсколькимъ человѣкамъ. Есть и Псалтырь микроскопическаго письма, убравшаяся вся въ шесть страничекъ въ 12-ю долю. О. ризничій разсказывалъ мнѣ, что одинъ англійскій лордъ, увидавъ писанное золотомъ Евангеліе съ богатою живописью миніатюръ, сулилъ за него монастырю суммы отъ 1000 фунтовъ и выше, но Синайское монашество твердо памятуетъ завѣты своихъ предковъ, налагающіе осужденіе за продажу рукописей, и это, несомнѣнно, дѣлаетъ ему большую честь. Конечно, съ XVI вѣка, когда въ Синай поступила масса рукописей, вывозившихся изъ Константинополя и Крита, и когда сдѣланы на нихъ едва ли не послѣднія помѣтки самими монахами, ихъ любовь къ древнимъ манускриптамъ превратилась въ платоническую. Великолѣпные и рядомъ же сгнившіе, или истлѣвшіе манускрипты кучами разложены по ящикамъ и мирно покоятся тамъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ любитель. Толстый, добродушный о. экономъ принесетъ тогда связку ключей въ полпуда вѣсомъ, отомкнетъ завѣтные ларцы и начнетъ носить вамъ, трудясь истинно въ потѣ лица своего, груду за грудой. Рукописи, положимъ, и понумерованы, да номеровъ пельзя никакъ добиться: все сложено по формату въ ларцы, а шкаповъ сдѣлать не на что. Рукописи находятся притомъ въ трехъ мѣстахъ, перемѣшаны съ инкунабулами; иныя сохраняются только потому, что ихъ никогда не трогаютъ, а тронь, такъ разсыпется мелкимъ мусоромъ,—такъ она истлѣла. Какъ во времена Тишендорфа, двадцать лѣтъ назадъ, такъ и теперь есть и корзины съ листками, только ихъ не употребляютъ уже

на приманку для удочекъ и не даютъ туристамъ. Синайскій кодексъ, вѣдь, былъ открытъ на днѣ подобной корзины. Какъ начнешь рыться въ такой корзинѣ, такъ просто дѣлается дурно отъ затхлости, и о. экономъ упрашиваетъ оставить хламъ: ему самому непріятенъ этотъ духъ, и онъ старается держаться ближе къ окну; десятки насѣкомыхъ и паучковъ торопливо разбѣгаются, потревоженные въ своихъ жилищахъ. И, конечно, мало пріятнаго видѣть древніе, едва держащіеся папирусы завернутыми въ тряпку, или смотрѣть на выставку наиболѣе любопытныхъ листковъ унціальнаго письма, наколоченныхъ гвоздиками на доски, но вѣдь причиною этого варварства та же бѣдность. Конечно, у Синайскихъ монаховъ остается одно, такъ сказать, историческое право на владѣніе всѣми этими сокровищами и никакого, повидимому, нравственнаго права держать ихъ въ такой дали отъ всѣхъ центровъ науки и въ такомъ убожествѣ, хотя бы эти рукописи и составляли ихъ неотъемлемую юридическую собственность. Мало того: у англичанъ и нѣмцевъ изъятіе тѣмъ или инымъ способомъ рукописей изъ монастыря, гдѣ ими горшки заклеиваютъ, или на кусочки пергамена рыбу ловятъ, считается вѣдь спасеніемъ древности и заслугою для науки. Но, Боже мой, какъ рѣдко, въ дѣйствительности, разграбленіе подобныхъ историческихъ складовъ дѣлается для науки, а не для удовлетворенія тщеславія, суетнаго самодурства, и какъ много рѣдкостей, восхищавшихъ восточнаго туриста и оторванныхъ отъ своего гнѣзда и обезображенныхъ, попадаетъ затѣмъ въ кладовыя лорда—маніака и тамъ подъ покровомъ цивилизаціи на многія столѣтія пропадаетъ для науки. Потому ужь пожелаемъ лучше Синаю и Аѳону хранить свое вѣковое достояніе: настанутъ когда либо лучшія времена, и разумное право будетъ приложено къ незамѣнимымъ сокровищамъ науки и древностей Востока. А пока, конечно, тѣ, кто нынѣ распоряжаются Востокомъ, держатъ на откупу Египетъ, правятъ сами или чрезъ другихъ въ Турціи,—англичане, однимъ словомъ, закупаютъ и забираютъ, не стѣсняясь ничѣмъ, все, чѣмъ можетъ похвалиться чудовищный

Кенсингтонскій музей, или что можетъ быть скрыто въ подвалахъ Британскаго музея; и текутъ туда по прежнему греческія и славянскія рукописи, и лежатъ онѣ тамъ десятками лѣтъ, пока французъ, или нѣмецъ, или русскій ученый не пріѣдутъ ими заняться. Пока же тѣ ученые, которые жаждутъ покинуть на время перетолчённый матеріалъ своей науки и вмѣсто того, чтобы перевертывать этотъ тришкинъ кафтанъ, вздумаютъ запастись свѣжимъ и влить немного молодаго вина въ мѣхи старые, вынуждены странствовать, искать, и иногда искать не положеннаго, или давно взятаго. Однихъ приводитъ пытливость изъ Лейпцига и Берлина (Тишендорфъ, Эберсъ, Гардтгаузенъ), другихъ изъ Загреба (Гейтлеръ), и сидятъ иные по цѣлымъ мѣсяцамъ, разбирая и дешифрируя мелкія глаголическія рукописи Псалтыри и Служебника, или записи греческихъ манускриптовъ.

Да и что же другаго дѣлать въ Синайскомъ монастырѣ? Развлеченій въ немъ крайне мало. Ночью еще, часу въ пятомъ, васъ пробуждаетъ церковное било, на которомъ дробно и громко выбиваетъ ключарь призывъ къ службѣ. Утренняя тянется часа полтора или два, если есть какой либо праздникъ мѣстный, или поминованіе одного изъ синаитовъ; тянется медленно, монотонно, заунывное пѣніе смѣняется чтеніемъ, въ которомъ не разберешь ни одного слова; разъ даже я видѣлъ, какъ упалъ задремавшій въ своемъ мѣстѣ монахъ. Послѣ службы монашество разсыпается по своимъ занятіямъ: кто плотничаетъ и столярничаетъ, кто мелетъ хлѣбъ, кто готовитъ трапезу, стираетъ бѣлье, шьетъ и чинитъ. Послѣ трапезы, обильной, но тяжелой и мало прихотливой, изъ чечевицы, бобовъ, кореній, овощей, — козье мясо подается только гостямъ, да и то не часто, — монастырь укладывается отдыхать. Въ половинѣ четвертаго опять служба, и только въ шесть часовъ монахи и калогеры или послушники освобождаются отъ обязательныхъ дѣлъ и могутъ предаться своимъ любимымъ занятіямъ; кто ухаживаетъ за своимъ садикомъ, разведеннымъ на крышѣ или балконѣ своей кельи, кто идетъ работать въ садъ. Мо-

пастырскій садъ—единственное мѣсто прогулки въ Синайскомъ монастырѣ; имъ гордятся монахи и его лелѣютъ и берегутъ, пуще всего остальнаго. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ этого стоитъ, но вовсе не потому, чтобы онъ былъ красивъ и великъ, а потому, что онъ питаетъ монастырь, скрашиваетъ монахамъ ихъ однообразную пищу и еще болѣе однообразную жизнь. Нѣтъ ни одного между ними, который бы не имѣлъ своего уголка въ саду, спеціально имъ завѣдуемаго и обрабатываемаго. Вечеромъ, когда всѣ соберутся въ саду, начнутъ пускать воду по грядкамъ, ощипывать и полоть, цапать и подвязывать, всѣ эти угрюмые и молчаливые отшельники словно преображаются: слышны шутки, смѣшки, окрики, и только присутствіе отца ризничаго сдерживаетъ разгулы веселья. Днемъ нашъ мэтръ-д'-отель Косма, молча подающій намъ кушанье, вино и кофе, глядитъ такъ сдержанно и мрачно, и когда мы начинаемъ его спрашивать, или съ нимъ разговаривать, ограничивается тревожнымъ взмахомъ рукъ и однимъ отвѣтомъ на все: кало, кало! Вечеромъ этотъ самый отецъ неузнаваемъ: такъ любовно лазитъ онъ по рядамъ артишоковъ и огурцовъ и съ такимъ дѣтскимъ энтузіазмомъ сажаетъ арбузы и дыни. И не даромъ любятъ всѣ монахи свой садъ — онъ имъ достается тяжелымъ и неусыпнымъ трудомъ. Синайскій монастырь лежитъ на высотѣ 5000 футовъ надъ уровнемъ моря; по ущелью его вѣчно тянетъ утромъ въ одну сторону, вечеромъ въ другую вѣтеръ; въ ущельѣ рѣдко бываетъ жарко, но часто холодно; два мѣсяца свирѣпствуетъ зима; весна поздняя и теплое лѣто кратко. Климатъ, хотя и суровый, горный, мало или вовсе не влажный, благодаря обилію солнца, однако же довольно благопріятенъ для растительности. Но для нея, кромѣ солнца, надобна вода, и провести ее изъ глубокихъ родниковъ, распредѣлить всюду, оросить все, отъ громадныхъ смоковницъ до кочана капусты, трудъ не малый. Все бы ничего, если бы не было постояннаго и страшнаго врага — полой воды съ горъ весною, которая уноситъ издалека навоженную землю, роетъ ямы и канавы, разрушаетъ иногда треть и половину сада; противъ этого

врага трудолюбіе калогеровъ и сербалье (б. крѣпостныхъ Арабовъ) монастыря выставило цѣлыя циклопическія сооруженія, стѣны, террассы, рвы и канавы. Здѣсь, какъ и на почвѣ Зеландіи, малѣйшее несмотрѣніе и небрежность готовятъ гибель культурѣ: прорвалась стѣна, хлынулъ страшными массами потокъ, и въ два, три часа на мѣстѣ плодороднаго сада воцаряется пустыня, и многолѣтняго труда будетъ стоить убрать горы наваленныхъ камней и песку и создать вновь производительную почву. Саранча, хотя и рѣдко попадаетъ на Синай, также обижаетъ монаховъ; столѣтніе кипарисы сада стоятъ отъ нея и доселѣ, подобно обглоданнымъ метелкамъ; вся кора на нихъ съѣдена. Финики здѣсь расти не могутъ, за то процвѣтаютъ смоквы, яблони и груши, абрикосы, вишни и сирень; виноградная культура слабая, и монастырь все вино свое получаетъ съ Крита и изъ Малой Азіи. Вообще же Синайскіе монахи, видимо, удержали еще Гомеровскій взглядъ на природу: ея красота для нихъ въ полезности, производительности и богатствахъ, даруемыхъ человѣку; поэтому въ саду нѣтъ уголка, назначеннаго единственно для удовольствія. На одной сторонѣ сада длинный двойной склепъ назначенъ для храненія останковъ умершихъ монаховъ: кости, руки, головы, ребра расположены по стѣнамъ и составляютъ разные рисунки; но впечатлѣніе этой камеры мертвыхъ уныло и скудно, и она совершенно не идетъ въ сравненіе съ подобными кладбищами монастырей Италіи и Сициліи. На другой сторонѣ сада ветхая башня служила когда-то темницею; черезъ люкъ верхней камеры нѣкогда опускали монаховъ, осужденныхъ за большія вины, на лишеніе пищи и свѣта деннаго, въ нижнюю глухую тюрьму, подобную знаменитой мамертинской въ Римѣ. Варварство это давно вышло изъ употребленія, да и монахи стали, говорятъ, болѣе самостоятельны; едва только выговоритъ кому либо ризничій, какъ тотъ уже и разсердился: «давай, говоритъ, верблюда,—я въ міръ хочу». Да и монаховъ-то немного: всего 18 человѣкъ, а монастырю жить становится тяжеле и труднѣе съ каждымъ годомъ; ему нужны свои рабочія руки, а къ нему

приходятъ лишь увѣчные и убогіе, и неграмотные. На самомъ Синаѣ пришлось оставить пустыми всѣ капеллы и большой монастырь 40 мучениковъ; дѣла стоятъ по цѣлымъ годамъ безъ движенія, какъ напр. поправки, починки и постройки; покупать же издалека стоитъ дорого. Каждая доска, привезенная изъ Тріеста и доставленная на верблюдѣ, обходится въ полтора франка. Монахи всѣ изъ Грековъ, и одинъ только русскій, отецъ Симеонъ, изъ отставныхъ, котораго при насъ не было, — онъ ушелъ въ Тифлисъ. Почтенный архіепископъ, встрѣчаясь съ нами, часто намъ объ о. Симеонѣ разсказывалъ, какой тотъ умный и ловкій, и какъ онъ его намѣренъ въ іеромонахи произвести, хотя онъ и неграмотный. Живутъ монахи на Синаѣ долго, доживаютъ до 120 лѣтъ и больше; иные ходятъ согбенными до земли и совсѣмъ впадаютъ въ дѣтство, а все таки просятся постоянно въ отлучку, въ Каиръ, Александрію, на Критъ, гдѣ монастырь имѣетъ свои подворья, имѣнія или иное имущество, управлять коими посылаютъ самыхъ умныхъ и вѣрныхъ. И это страстное желаніе поглядѣть на Божій міръ усиливается еще болѣе потому, что онъ, этотъ міръ, такъ далекъ, и между нимъ и монастыремъ легла десяти дневнымъ путемъ мертвая пустыня; отсюда и Суецъ, и даже Эль-Торъ представляются монаху раемъ, ибо тамъ привольe, свобода, а не эта клѣтка — монастырь. Мы поняли скоро, отчего Синайское монашество высыпаетъ вечеромъ на стѣны и въ садъ. Молодые чувствуютъ свою ссылку сильнѣе и глубже, и держатъ себя поэтому мрачно и сосредоточенно, тогда какъ старики распрашиваютъ васъ съ большимъ удовольствіемъ и о томъ, какая въ Россіи зима, и растутъ ли тамъ финики и смоквы, и какъ русскіе задавали *макароны* туркамъ, т. е. о послѣдней войнѣ.

Такіе милые старики — подобнаго добродушія старыхъ людей въ монашествѣ часто найдешь и нынѣ — сами заманиваютъ васъ на прогулки внѣ стѣнъ, и на Хоривъ, и въ монастырь Сорока мучениковъ. По отвѣсной стѣнѣ Хорива, по неправильнымъ, частью природнымъ, частью же искусственнымъ

ступенямъ, устроеннымъ отшельниками, здѣсь въ стѣнахъ горы съ III-го вѣка жившими; тамъ, гдѣ восходилъ Моисей, мимо источника свѣжей воды, вымоленнаго когда-то святымъ, капеллы Маріи и пещерныхъ капеллъ Иліи и Елисея, мимо вѣковаго, одинокаго кипариса, черезъ двое вратъ, паломники достигаютъ вершины святой горы, и кромѣ прелестныхъ видовъ, открывающихся здѣсь во всѣ стороны, уносятъ отсюда въ сердцѣ своемъ отзвукъ дивныхъ повѣствованій. Вотъ одно изъ нихъ. Убивъ пророковъ Ваала, служителей нечестивой Іезавели, пророкъ Илія (III кн. царствъ, XIX, 9—13) «бѣжалъ изъ Іудеи; онъ шелъ сорокъ дней и сорокъ ночей до горы Божіей, Хорива. И вошелъ онъ тамъ въ пещеру и ночевалъ въ ней. И вотъ, было къ нему слово Господне, и сказалъ ему: что ты здѣсь, Илія? Онъ сказалъ: возревновалъ я о Господѣ, Богѣ Саваоѳѣ; ибо сыны Израилевы оставили завѣтъ, Твой, разрушили Твои жертвенники, пророковъ Твоихъ убили мечемъ; остался я одинъ, но и моей души ищутъ, чтобы отнять ее. И сказалъ: выйди и стань на горѣ предъ лицемъ Господнимъ. И вотъ, Господь пройдетъ, и большой, и сильный вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы предъ Господомъ; но не въ вѣтрѣ Господь. Послѣ вѣтра землетрясеніе; но не въ землетрясеніи Господь. Послѣ землетрясенія огонь, но не въ огнѣ Господь. Послѣ огня *вѣяніе тихаго вѣтра*, и тамъ Господь...» Число ступеней до вершины считаютъ разно, отъ трехъ тысячъ и больше; самая же вершина подымается до двухъ съ половиною тысячъ футовъ высоты надъ монастыремъ, такъ что приходится на 7300 англ. футахъ надъ моремъ и даетъ удивительные виды на эти безснѣжные Альпы Синайскаго полуострова. Мѣсто равно священное для Евреевъ, Христіанъ и Мусульманъ, ибо послѣдніе твердо вѣрятъ, что пророкъ ихъ дважды посѣщалъ монастырь, и слѣдъ верблюда, несшаго пророка, показывается на срединѣ пути. Восторженными отзывами о впечатлѣніяхъ этого восхожденія наполнены и переполнены дневники Эберса, Фр. Штраусса, Робинсона, Стефенса, Фрааса, Станлея, гр. Лоттенъ де Лаваль,

Норова, арх. Порфирія и пр. и пр.; иные изъ нихъ называютъ день восхожденія счастливѣйшимъ днемъ своей жизни. Впрочемъ, для англичанъ счастіе заключается въ самомъ процессѣ восхожденія, и какъ нѣтъ той горы на свѣтѣ, куда бы ихъ туристы не слазили, такъ и здѣсь ихъ инженеры вычислили, а гидъ Робинсона собралъ размѣры всѣхъ высотъ Синайскаго полуострова: Хоривъ или Джебель Муса—гора Моисея имѣетъ 7359 англ. футовъ; Расъ есъ Сафсафъ — другая вершина на сѣверъ отъ нея—6830 ф., и гора Св. Екатерины—8526 ф. и т. д. Но если всѣ измѣренія горъ исполнены съ крайнею точностью, то самая произвольная, отчаянная путаница овладѣла теперь важнѣйшимъ вопросомъ о библейскихъ именахъ этихъ вершинъ, хребтовъ и долинъ. Одни изъ ученыхъ и богослововъ: де-Лабордъ, Фр. А. Штраусъ, Тишендорфъ, арх. Порфирій опираются въ этомъ вопросѣ на преданіи, притомъ на преданіи Христіанскомъ, такъ какъ всѣ мѣстности Синая, стоящія въ связи съ библейскимъ повѣствованіемъ, получили свои имена и различными капличками и часовнями были окрещены еще у древнѣйшихъ обитателей Каменистой Аравіи въ первые вѣка христіанства. Другая партія, которая считаетъ между своими приверженцами такихъ ученыхъ, какъ Лепсіусъ, Бругшъ, Эберсъ, исходя изъ того взгляда, что это преданіе не стоитъ въ непрерывной связи съ временами Исхода Евреевъ и, напротивъ, находится въ противорѣчіи съ указаніями географовъ и путешественниковъ VII вѣка, — эта партія подвергаетъ сомнѣнію всѣ общепризнанные пункты и въ личныхъ наблюденіяхъ ищетъ основанія для непреложныхъ опредѣленій. Помоему, самый видный результатъ всѣхъ этихъ споровъ и состязаній былъ пока тотъ, что они внесли теперь путаницу, такъ сказать, въ самое преданіе: монахъ-проводникъ не рѣшается теперь вамъ сказать прямо: вотъ Синай!, а скажетъ обинякомъ: говорятъ, что это и есть самый Синай, а, можетъ быть, и нѣтъ! Такъ напугали ихъ ученые англійскіе богословы. Споръ вертится, вотъ уже сорокъ лѣтъ, на томъ, гдѣ искать Синай или *гору закона*: возлѣ Хорива (иначе самаго

монастыря) и притомъ въ крайней съ Юга или Сѣверной вершинѣ хребта, именуемаго горою Моисея, центръ которой составляетъ Хоривъ? Или же видѣть Синай со всѣми священными мѣстностями въ уединенной горѣ Сербалъ, на день пути въ сѣверномъ направленіи отъ монастыря, тамъ, гдѣ обширное и водное уади Фейранъ съ развалинами города можетъ быть сочтено за долину Рафидимъ, пріютившую станъ Евреевъ противъ подножія Синая, на три дня, на срѣтеніе Богу? Не рѣшая вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, замѣтимъ, однакоже, что, прежде чѣмъ разрушать или оспаривать преданіе, должно его во всѣхъ подробностяхъ изучить — таковъ пріемъ современной науки. Отъ дней Исхода до Христа, въ синайскомъ преданіи, конечно, есть перерывъ и громадный, но прежде нежели это преданіе стало руководить христіанъ, оно было извѣстно Евреямъ. Ибо во дни царя Давида малолѣтній царевичъ Адеръ спасся въ Синайскій городъ Фаранъ, а Соломонъ и Іорамъ строили на берегахъ Синайскаго полуострова свои флоты и отсюда торговали съ Офиромъ, а затѣмъ явились туда Греки, эти собиратели преданій и миѳовъ, передавшіе ихъ своимъ потомкамъ христіанамъ. Возможно, что самъ Ап. Павелъ въ своемъ путешествіи изъ Дамаска въ Аравію въ 40 году по Р. Х. посѣялъ здѣсь сѣмена новой вѣры; вѣрно затѣмъ, что уже во времена Траяна христіанство имѣло здѣсь много истинныхъ и еще больше рьяныхъ того послѣдователей, а въ 285 году, гдѣ-то на берегу Краснаго моря поселился Св. Антоній, знаменитый другъ Аѳанасія. Согласимся затѣмъ, что для первыхъ поселенцевъ-христіанъ былъ столь же извѣстенъ Хоривъ — гора Божія, около которой селились отшельники, и при Юстиніанѣ между 527 и 557 годами на предполагаемомъ мѣстѣ явленія Купины, построенъ монастырь, какъ знакомъ и единственный городъ на полуостровѣ и епископская резиденція— Фаранъ. Какъ же будемъ понимать мы тогда опредѣленія Синайскихъ мѣстъ, данныя отцомъ церковной исторіи Евсевіемъ Памфиломъ? По его свѣдѣніямъ, Рафидимъ — мѣстность въ пустынѣ *у Хорива*, тамъ, гдѣ совершилось чудесное изведеніе

воды, — мѣсто искушенія, гдѣ, *вблизи Фарана* Іисусъ Навинъ побѣдилъ Амалека. Итакъ, Рафидимъ есть долина у подножія Хорива, и Синай долженъ быть тамъ же, въ одномъ ряду съ нимъ, только особой вершиною этого ряда или хребта, какъ и гора Св. Екатерины. Къ тому же мы знаемъ, какихъ трудовъ и какого времени требовало передвиженіе громаднаго стана Евреевъ въ пустынныхъ долинахъ Синайскаго хребта: «въ третій мѣсяцъ по исходѣ сыновъ Израиля изъ земли Египетской, пришли они въ пустыню Синайскую. И двинулись они изъ Рефидима и пришли въ пустыню Синайскую, и расположились тамъ станомъ въ пустынѣ; и расположился тамъ Израиль станомъ противъ горы». Съ своей стороны я не знаю картины болѣе грандіозной, какъ видъ Синая съ юга изъ долины Себайэ и потому присоединяюсь къ старому мнѣнію.

Кто пожелаетъ, въ бытность свою на Синаѣ, еще болѣе погрузиться въ эти безплодныя гаданія о библейскихъ его мѣстностяхъ, тотъ пусть совершитъ и вторую прогулку изъ монастыря пѣшкомъ, или на верблюдѣ, въ уади Леджа, къ уединенному и нынѣ совсѣмъ пустынному монастырю *сорока мучениковъ*. Обычная дорога ведетъ на сѣверъ по склону долины Шу'эйбъ въ широкое уади Эль-Раха, проходитъ подъ отвѣсными стремнинами Расъ-ель-Сафсафъ или сѣверной вершины Хорива, огибаетъ затѣмъ мимо сада бывшаго монастыря Апостоловъ, гдѣ текущій источникъ принимается за изведенный чудесно Моисеемъ, и вступаетъ налѣво въ узкую лощину, замыкаемую этимъ монастырькомъ. Вся мѣстность образуетъ около хребта Хорива родъ подковы, и чего только не показываютъ монахи и Бедуины на этомъ пути: и ямочку, въ которой отлитъ былъ Евреями телецъ, и скалы, съ которыхъ Моисей сбросилъ скрижали, и тотъ самый камень, изъ котораго онъ извелъ воду; онъ испещренъ надписями, старыми и новѣйшими. Этотъ камень, и засыпанный пескомъ, раза въ четыре выше человѣка; на одной сторонѣ онъ имѣетъ въ порфировой жилѣ, проходящей сверху до низу двѣнадцать природныхъ или искуственныхъ ступенекъ и вмѣстѣ углубленій и, вѣроятно, въ глубо-

чайшей древности служилъ фетишемъ, какъ догадывается еп. Порфирій. Но, не смущаясь этимъ родомъ преданій, должно сосредоточить свое вниманіе на чудномъ строеніи горъ, въ которыхъ потрескавшійся гранитъ представляетъ то зеркальныя желтокоричневыя стѣны, то подымается зубцами наверхъ, подобно золотымъ колоссальнымъ сталактитамъ. Отсюда всходятъ — трудный и головоломный путь установленъ англичанами — на мрачнѣйшую гору Св. Екатерины, и оттуда, съ высоты какихъ либо семи тысячъ футовъ созерцаютъ на мгновеніе острую пирамиду Синая — Синая монашескаго, приходящуюся въ южномъ углу подковы. Влѣзши на гладкій желтоватый утесъ, имѣя подъ собою пропасть, покрытую острыми, разодранными и сокрушенными скалами, а направо тутъ же, какъ бы рядомъ, гранитную гору, видишь Синайскую вершину въ яркомъ розовомъ колоритѣ. Подобно древней шапкѣ Казанскаго или Сибирскаго царства, она уставилась тонкимъ пикомъ въ небо; опушкою ей служатъ колоссальные вертикальные утесы, а стремнины внизу уходятъ куда-то вглубь, между горъ. Можетъ быть, кого либо убѣдитъ и то обстоятельство, что единственно эта вершина сводится въ острый пикъ, уподобляющій ее вулкану, и что Сербалъ подобнаго пика нигдѣ не имѣетъ, а гл. 19-я книги Исходъ говоритъ: «Гора же Синай вся дымилась отъ того, что Господь сошелъ на нее въ огнѣ; и восходилъ отъ нея дымъ, какъ дымъ изъ печи, и вся гора сильно колебалась». Долина Леджа обильна водою, но совсѣмъ напрасно сомнѣвается и остритъ Эберсъ надъ тѣмъ, что монахи въ ней то и помѣстили чудо изведенія воды въ безводной пустынѣ: вѣдь еслибы, наоборотъ, преданіе указывало на безводное мѣсто, то острили бы еще болѣе. Въ той же долинѣ на скалахъ находится нѣсколько и знаменитыхъ Синайскихъ надписей, о которыхъ поднялось такъ много спору изъ за догадокъ, кому онѣ принадлежатъ, прежде, чѣмъ онѣ прочитаны и поняты. Монастырекъ 40 мучениковъ или Эль-Арбаинъ, въ память пострадавшихъ при Діоклеціановомъ гоненіи въ 305 году, построенъ на подобіе монастыря Св. Екатерины,

но гораздо меньше, уютнѣе и красивѣе его; при немъ прекрасный садъ съ маслинами; нынѣ самый монастырь покинутъ на двухъ арабовъ, и въ немъ нѣтъ ни одного монаха. Вообще же, всѣ Синайскія святыя мѣста окончательно опустѣли; часовни и церковки разваливаются, пещеры засыпаются пескомъ и камнями, и въ такомъ видѣ показываютъ паломникамъ даже мѣста, гдѣ потрудился Іоаннъ Климакъ, или гдѣ обиталъ пророкъ Илія. Тѣ паломники и туристы, которые пріѣзжаютъ сюда, поглядѣвъ на многоязычную толчею Іерусалима, горько жалуются и наполняютъ свои дневники описаніями Синайской запущенности; имъ бы хотѣлось, вѣроятно, чтобы въ каждой пещерѣ сидѣлъ монахъ и своимъ пребываніемъ свидѣтельствовалъ наглядно, что здѣсь могъ жить и жилъ такой-то отшельникъ полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Пусть каждый, по своему личному вкусу рѣшаетъ, что́ лучше и что́ хуже, а мы предпочитаемъ эту пустынность и запущенность.

Правда, однако же, и то, что эти стороны Синайскаго пейзажа и жизни не всегда дѣйствуютъ благодѣтельно на человѣка, примиряя его съ дѣйствительностью, заставляя его находить и открывать въ ней многое, къ чему уже притупился пресыщенный взглядъ современнаго чада европейской культуры, и цѣнить то, чѣмъ привыкли пренебрегать. Продолжительное пребываніе въ Синайскомъ монастырѣ дѣйствуетъ на туриста — говоримъ по собственному опыту, проживъ тамъ до трехъ недѣль — угнетающимъ образомъ. Вѣдь и Евреи, приведенные сюда Моисеемъ на срѣтеніе Богу и претерпѣвшіе свое странствіе по пустынѣ, ради приготовленія къ закону, готовились въ будущемъ наслѣдовать землю обѣтованную. А если высокіе духомъ отшельники стремились сюда, на Синай, чтобы каждый часъ ихъ жизни походилъ на часъ смертный, и находили здѣсь полное удовлетвореніе своимъ требованіямъ, то какъ должна дѣйствовать ихъ неизмѣнившаяся въ тысячелѣтіе обстановка на живаго человѣка? Здѣсь человѣкъ работаетъ усиленно, спѣшитъ; здѣсь мысль объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ не приходитъ никому въ голову, и рѣдко услышите вы въ мо-

настырѣ оживленный разговоръ. Рядомъ съ нами, въ кельѣ томится больной епископъ съ Крита и въ долгія безсонныя ночи слушаетъ монотонное чтеніе молитвъ или минеи; но и этотъ разбитый на ноги девяностолѣтній старикъ радуется, какъ дитя, когда, по нашему совѣту, воспаленіе его глазъ проходитъ отъ примочекъ холодною водою. И онъ держится за ниточку, привязывающую его къ жизни. Монахи съ большимъ рвеніемъ помогаютъ намъ въ фотографическихъ работахъ и живо интересуются ихъ успѣхомъ. При фотографированіи темныхъ дверей и погруженныхъ во мракъ мозаикъ, намъ, уже отчаявавшимся добиться какого либо толку, вспало на мысль, что можно было бы освѣтить ихъ отраженіемъ черезъ зеркало отъ лучей, бившихъ въ окно, но разомъ другая мысль: гдѣ же тутъ, у монаховъ найти зеркала? Однако же нашлись и были принесены, и зеркальца эти имѣли видъ владимірскихъ издѣлій, весьма бывшихъ въ употребленіи. Туристы любятъ подмѣчать подобныя слабости у монаховъ: по нашему малодушію, непремѣнно требуется хотя какъ нибудь подкопаться подъ другаго человѣка, если онъ на насъ не похожъ, или почему либо стоитъ выше насъ. Но подъ конецъ нашего пребыванія въ монастырѣ намъ было не до этого невиннаго занятія, и мы охотно готовы были признать за Синайскимъ монашествомъ ту силу духа, которая дала имъ довольство своимъ положеніемъ и завоевала мирнымъ путемъ каменистую Аравію. Потому что, дѣйствительнымъ,—хотя не особенно счастливымъ — владѣтелемъ этой пустынной страны, населенной двумя, тремя тысячами Бедуиновъ, является теперь монастырь. И то правительство, которое догадалось бы подарить монастырю пароходикъ для регулярныхъ сообщеній Суеца съ Эль-Торомъ, легко пріобрѣтало бы своего рода протекторатъ надъ всѣмъ Синайскимъ полуостровомъ или Петрэею. А вѣдь это что нибудь да значитъ по сосѣдству съ тою частью Британскихъ владѣній, которая носитъ названіе Египта! Пока же Синайское монашество, копошась въ своемъ ульѣ, собирая и сберегая, едва сводитъ концы съ концами, но въ монастырь, а не къ англійскому консулу притекаютъ толпы

Бедуиновъ, прося хлѣба. Находясь въ постоянномъ общеніи съ Бедуинами, монахи мало по малу усвоиваютъ себѣ и строгіе нравы этихъ сыновъ пустыни. Немногіе изъ нихъ пожелали сняться въ нашемъ фотографическомъ аппаратѣ и только на наши просьбы, что мы хотимъ сами имѣть ихъ портреты, согласились позировать. Дѣло удалось легко съ самими монастырскими Бедуинами, но стоило страшныхъ хлопотъ съ тремя бедуинками, которыя пришли къ монастырю вслѣдъ за своими мужьями; уговоры, деньги, приказанія монастырскаго начальства лишь черезъ нѣсколько часовъ сломили неукротимую натуру и консерватизмъ арабскихъ дамъ. И надо было видѣть, затѣмъ, какъ сидѣли онѣ передъ аппаратомъ, ежеминутно срываясь съ мѣста, укрывшись своими дырявыми голубыми покрывалами до того, что были видны только угольки глазъ, да бронзовые кружочки, унизывавшіе ихъ *буру;* это родъ цилиндра на переносицѣ, въ который пропущенъ вязанный вуаль, закрывающій вверху лобъ, а внизу подбородокъ и вообще нижнюю часть лица и грудь.

Дорога съ Синая въ Суецъ.

Работа наша кончалась, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе хотѣлось уйти: къ тому же побуждалъ и прямой разсчетъ: еще недѣля, и жары должны были стать нестерпимы. Томительная скука овладѣвала нами, какъ только не было подъ руками экстреннаго дѣла, и не надо было спѣшить и торопиться; прискучилъ до нельзя и садъ, въ которомъ приходилось вертѣться каждый день по однимъ и тѣмъ же грядкамъ, боясь выглянуть изъ него, чтобы не увидать знакомой картины песчаной пустыни, съ которою скоро приходилось ознакомиться еще поближе. Нашъ вѣрный шейхъ — его звали Саббá — уже приходилъ узнать, когда ему являться съ верблюдами, и послѣ долгихъ настояній, удалось вырвать отъ него обѣщаніе, что онъ постарается доставить насъ въ Суецъ въ пять сутокъ, если только мы будемъ итти такъ, какъ онъ потребуетъ. Мы рѣ-

шались на усиленный маршъ черезъ пустыню, зная отчасти всѣ его пріятности, во первыхъ для того, чтобы попасть къ сроку отхода русскаго парохода изъ Александріи, а также для того, чтобы возможно скорѣе совершить то путешествіе, для котораго мы нисколько не были приготовлены: легче выпить чашу горечи разомъ, чѣмъ по глоткамъ. Обыкновенно изъ монастыря до Суеца идутъ отъ 7 до 8 дней, съ большими роздыхами днемъ и остановками на всю ночь — десять дней; намъ надо было отказаться вполнѣ отъ первыхъ и отчасти отъ вторыхъ.

Добрые монахи наложили намъ громадный мѣшокъ хлѣбовъ для насъ самихъ и Бедуиновъ, свѣжаго овечьяго сыру и вина; большой боченокъ налили водою, и мы отправились, конечно, не безъ опозданія на нѣсколько часовъ противъ назначеннаго срока. Мы замѣтили, что одинъ изъ монаховъ, наиболѣе живой человѣкъ, бывалый и даже говорившій по-итальянски, ремесломъ плотникъ и столяръ, не вышелъ насъ провожать: еще не укротилось, знать, его сердце, и ему тошно было видѣть, какъ люди уѣзжаютъ, а онъ остается. Съ нами было четыре бедуина, три старые знакомые: шейхъ Саббá, оборванецъ Муса и юноша изъ состоятельной семьи Фарраджь; четвертымъ былъ пожилой Гассанъ, у котораго грудь и спина была искривлена, вѣроятно, еще въ дѣтствѣ, горбами, и одна нога была короче другой. Видъ его и неумолчная болтовня, вѣчная возня и заботы о своемъ пропитаніи и доставленіи себѣ удобствъ, живо напоминали извѣстный типъ конюха-горбуна изъ «Тысячи и одной ночи». Но, вмѣсто условленныхъ четырехъ верблюдовъ мы видѣли пять, и при одномъ изъ поворотовъ насъ нагналъ затѣмъ и пятый Бедуинъ и пошелъ рядомъ съ прежними. Въ этой сторонѣ чужой человѣкъ чуть не врагъ, но мы напрасно сначала добивались узнать, кто этотъ Бедуинъ и зачѣмъ онъ присталъ къ каравану; лишь по усиленной и тревожной канонадѣ восклицаній, окриковъ видѣли, что произошла какая-то путаница въ наймѣ верблюдовъ. Истощивши, очевидно, въ спорахъ всѣ средства убѣжденія и

отчаявшись разрѣшить дѣло семейнымъ образомъ, Бедуины обратились къ намъ уже вечеромъ. Дѣло оказалось очень несложно, просто, но хитро задумано. Монастырь нанялъ для насъ четырехъ верблюдовъ съ проводниками, но какъ у одного изъ послѣднихъ—оборванца Мусы—не было своего верблюда, то ему пришлось нанять у знакомаго Бедуина. И вотъ, когда уже мы были далеко отъ монастыря, Бедуинъ явился самъ и съ другимъ верблюдомъ, требуя двойной платы за двухъ, и грозя въ противномъ случаѣ увести и того верблюда, какого прежде далъ. Серьезно выговаривалъ ему, оспаривая наглыя требованія, шейхъ, ежеминутно призывалъ Аллаха и Магомета хромой Гассанъ, но ничто не дѣйствовало на хитреца. Такъ таки добился онъ своего, получивъ приплату за втораго верблюда, котораго тотчасъ же увелъ, какъ только получилъ деньги. Споры кончились бы, конечно, и раньше, но намъ хотѣлось убѣдиться, не подстроили ли эту каверзу намъ сами Бедуины, и убѣдившись послѣ, что они сами были жертвою обмана, мы готовы были просить прощенія у нихъ за свои сомнѣнія. Наши проводники представляются мнѣ теперь вдали людьми особаго нравственнаго разряда, и ужь, конечно, не мусульманство и Коранъ, изъ котораго они знали лишь двѣ, три молитвы, и не утренняя звѣзда, которой они молятся, сдѣлали ихъ таковыми. Тяжкая бѣдствіями и лишеніями, горькая и убогая жизнь сына пустыни воспитала его, закалила его житейскія и несложныя нравственныя понятія; ничто не смущало его убѣжденій, сложившихся еще въ дѣтствѣ, и опытъ лихорадочной погони, столкновеній съ людьми, легкаго очарованія и тяжелаго раздумья не развратилъ его. За всю тяжелую дорогу, со всѣми ея трудностями, ложившимися на Бедуиновъ, мы, и страдая, и терпя всяческія невзгоды, не нашли ни одного случая, чтобы придраться къ нашимъ проводникамъ, выместить на нихъ горечь нашего существованія. Мы могли и должны были теперь познакомиться поближе съ Бедуинами — предстояло вѣдь прожить съ ними дней пять, шесть, а можетъ быть, и болѣе. Пока во время первой стоянки налаживался

разговоръ, и мы пріучали Бедуиновъ къ чаю, мы узнали, что нашъ обоюдный лексиконъ обогатился еще ихъ свѣдѣніями въ русскомъ языкѣ. Фарраджь напр. зналъ слова: батýшка, матýшка, вода, нога и пр., наслышавшись ихъ отъ паломниковъ; съ гордымъ сознаніемъ своего превосходства и опытности шейхъ подносилъ намъ такія фразы: «*ora* стой, давай mangiare верблюдъ, τὸ πρωί, πρωί пошелъ» — то есть: часъ стоять, чтобы покормить верблюдовъ, а потомъ рано, рано пошелъ впередъ! Когда намъ встрѣтился разъ караванъ уже въ концѣ дороги — всего только и было встрѣчъ — то шейхъ объяснялъ намъ: «Араби, давай антика Суезъ» — т. е. арабскій караванъ, везущій рѣдкости на продажу въ Суецъ, и т. под. Одинъ только Гассанъ до конца не хотѣлъ признать нашего незнанія и всегда болталъ намъ что-то по арабски и затѣмъ смѣялся намъ въ лицо. На какомъ-то привалѣ онъ выказалъ и явныя наклонности къ гастрономіи; не довольствуясь уже черствымъ хлѣбомъ, онъ, какъ пекарь въ нашемъ караванѣ, сталъ готовить свой тахх'юнъ — опрѣснокъ въ видѣ лепешки изъ дуры́; перевернувшись на своемъ собственномъ сѣдалищѣ въ пескѣ, сдѣлалъ ямку, наложилъ въ нее сухой травы и верблюжьяго кала и запалилъ; затѣмъ, смочивъ слегка дуру́ въ чашкѣ, сдѣлалъ изъ нея какое-то мѣсиво, расплаcталъ и засыпалъ въ ямкѣ готовую лепешку пескомъ. Эта полугорѣлая, полусырая и горькая снѣдь была затѣмъ ровно разрѣзана на четыре части и съѣдена съ водою; мы пробовали съѣсть кусочекъ, но онъ рѣшительно не шелъ въ горло.

Нашъ путь лежалъ вдоль широкаго уади Шейхъ въ уади Селафъ къ горѣ этого же имени; это былъ путь наторенный, обычный при возвращеніи съ Синая. Ровнымъ, незамѣтнымъ уклономъ спускается широкая долина; ее пересѣкаютъ съ боковъ, поперекъ и вкось рядъ другихъ, иногда еще болѣе широкихъ ложбинъ и ущелій. На лѣво виднѣется масса Зербала. Мѣстами обильная растительность съ главнымъ ея представителемъ манновымъ деревомъ — тарфа́, съ котораго здѣсь собираетъ монастырь черезъ Арабовъ свою ежегодную весеннюю

провизію манны. Изъ старинныхъ разсказовъ Буркгардта, наблюдавшаго лично процессъ собиранія манны, извѣстно, что она въ видѣ бѣлыхъ крупинокъ усынаетъ густую хвою манноваго кустарника; по аналогіи съ происхожденіемъ манны въ южной Европѣ заключаютъ, что эти крупинки образуются на деревѣ отъ укола особой породы цикадъ, но, кажется, никто доселѣ этого не наблюдалъ на самомъ Синаѣ. Та манна, которую, какъ «благословеніе» εὐλογισμός въ жестянкахъ по $^1/_8$ фунта раздаютъ въ монастырѣ, имѣетъ видъ полужидкаго, густаго меда, который въ сухомъ мѣстѣ твердѣетъ и крошится какъ кусокъ смолы; вкусъ имѣетъ сладковатый.

Но, и не смотря на растительность, почва этихъ долинъ вся покрыта пескомъ, по которому тянутся гребни камней и раздробленныхъ скалъ, указывая дорогу воды; мѣстами, на цѣлыя версты видны мыльные разливы известняка съ пескомъ, покрытые отвердѣлою коркою. По сторонамъ дороги горы то обрываются отвѣсными стѣнами, то отклоняются, образуя холмы; стѣны изрыты, источены, по сѣрокоричневому фону тянутся черныя и красноватокирпичныя жилы; по холмамъ во всѣхъ направленіяхъ расходятся еще болѣе невзрачные гребни, иззубренные и раскрошенные до того, что удивляешься, какъ вся ихъ масса не катится внизъ. Днемъ въ этихъ долинахъ господствуетъ жара и духота, доводящая до одурѣнія; ночью холодно. Съ перваго же дня мы настояли, не смотря на всѣ протесты лѣниваго Гассана, чтобы имѣть переходы въ 7 часовъ, отъ 5 утра до 12 и отъ 2 до 7 пополудни; затѣмъ, дождавшись луны, которая появлялась между 8 и 10 часами вечера, итти еще часа два, три при лунномъ освѣщеніи. Иногда семичасовой переходъ оказывался намъ не по силамъ; слѣзши съ верблюда часовъ черезъ пять, я пробовалъ итти пѣшкомъ часъ, полтора, но силы окончательно измѣняли въ глубокомъ пескѣ; Бедуины же все время, кромѣ Гассана, шли пѣшкомъ, ширингою, и слушали пѣніе Шейха. Такъ прошли мы, направляясь на С. З., уади Шейхъ, Себайэ, Ахдаръ, Беррахъ, Барахъ, оставляя влѣво плодоносную долину Фейранъ,

гдѣ древнія развалины свидѣтельствуютъ о существовавшей нѣкогда культурѣ. На другой день налились свѣжею водою и напоили верблюдовъ: впереди вода была не ближе, какъ черезъ двое сутокъ. Привалы наши днемъ наиболѣе насъ затрудняли: иногда уже совсѣмъ пора бы остановиться и сдѣлать роздыхъ, а негдѣ, потому что ни клочка тѣни кругомъ, а мы не соглашались, какъ дѣлаютъ Бедуины, сидѣть на припёкѣ: еще еслибы можно было сѣсть въ тѣни отъ верблюда, но ни одинъ изъ нихъ, разъ онъ развьюченъ, не постоитъ и минуты, всѣ или бродятъ, или валяются. Одинъ разъ мы проискали тѣни съ часъ, все идя впередъ, пока Гассанъ не нашелъ мѣста: надо было, правда, лѣзть вверхъ и карабкаться по камнямъ, но все же нашли подъ разсѣлиною мѣсто тѣнистое на часъ, на два; оно все было усѣяно козьимъ пометомъ. Другой разъ — дѣло было къ вечеру — мы слѣзли уже съ верблюдовъ, но насъ прогналъ пронзительный вѣтеръ изъ боковаго ущелья — въ этихъ долинахъ иногда тянетъ настоящій сквознякъ—опять шли до полной тьмы, отыскивая, гдѣ бы лечь, и шли пѣшкомъ, довѣрившись слову Гассана, что онъ знаетъ прекрасное мѣсто вблизи, а когда, наконецъ, дошли, то шатались, какъ пьяные.

Къ вечеру втораго дня пути горы кругомъ стали болѣе и болѣе понижаться; мѣстами это были еще тѣже гранитныя стѣны, а затѣмъ пошли холмы известковые, цвѣта поблеклой вохры. Въ послѣдней уади Тарфа́—съ этимъ названіемъ видѣли цѣлый рядъ мѣстъ — растительность вся была ощипана верблюдами и имѣла видъ крайне жалкій, но за то мимо нашего каравана стрѣлою пролетѣлъ спугнутый заяцъ. Въ этотъ же вечеръ мы имѣли самый пріятный ночлегъ, особенно, когда сравнишь его съ послѣдующими; мы ночевали какъ будто въ громадномъ дортуарѣ. Солнце уже закатилось за горы, но отраженіе его лучей отъ освѣщенныхъ вершинъ наполняло мѣстность розово-шоколаднымъ колоритомъ; мы остановились въ глуби боковаго ущелья, куда то поворачивавшаго направо; передъ нами съ трехъ сторонъ, словно нефы громаднаго храма, сходились къ овальному центру широкіе корридоры; мы были

въ защитѣ отъ вѣтра и наслаждались полнымъ покоемъ; полы залъ были устланы песчанымъ ровнымъ ковромъ, такимъ нѣжнымъ и мягкимъ, словно пухъ; угловая скала выдавалась широкою плитою и послужила намъ для сервировки ужина. Полчаса не сводили мы глазъ съ картины, затѣмъ все потухло, и смотря на искрившіяся отовсюду звѣзды, приготовлялись хорошенько выспаться, такъ какъ, по случаю этихъ прелестей, мы рѣшились сами у себя выторговать на этотъ разъ нѣсколько часовъ отдыха.

Утро третьяго дня было такъ свѣжо, мимо насъ проходили одна за другою такія чудныя перспективы, что наше путешествіе представляется теперь какою-то мечтою, а въ то время восхищало насъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; известковыя скалы то съуживаютъ долину, оставляя на проходъ лишь нѣсколько шаговъ, то раздвигаются. Вотъ въ сторонѣ видится словно окаменѣлый городъ и крѣпость съ башнями по угламъ, вотъ какъ будто разрушенный домъ съ окнами, и все это сталактитовое издѣліе воды вдругъ пропадаетъ при поворотѣ. Въ концѣ цѣлаго ряда изворотовъ, которымъ нѣтъ и не было никогда имени, находилось широкое уади Хамиле и мы знали, что влѣво отъ него въ долинѣ имѣются памятники египетской древности, уцѣлѣвшія отъ храмовъ и поселковъ лучшаго времени, когда египетскіе фараоны разработывали въ горахъ у Краснаго моря руды. Въ наши времена англійскій полковникъ пробовалъ заняться тѣмъ же, но дѣло не пошло, и предприниматель кончилъ полнымъ раззореніемъ. Мы, повидимому, все спускаемся, потому что жаръ становится все невыносимѣе; руки, неосторожно выставленныя на солнце, краснѣютъ и пузырятся; приходится надѣть на нихъ чулки — перчатки были бы нестерпимы, — а въ чулкахъ прекрасно. Мы ежеминутно смотримъ на часы; ѣдешь, ѣдешь, кажется больше часу ужь прошло, а посмотришь — три минуты, а чтобы выполнить маршрутъ, надо итти еще три часа. Мой спутникъ все вздыхаетъ о морѣ: «гдѣ оно, да скоро ли мы его увидимъ; кажется, если бы мнѣ видѣть море, мнѣ было бы легче;

я вѣдь говорилъ, что надо ѣхать ближе къ морю», упрекаетъ онъ. Но море гдѣ-то тамъ далеко — «одинъ день, два день — море», говорятъ Бедуины. Мы все крутимся въ различныхъ ходахъ и логахъ; вотъ теперь начали почему-то опять подыматься по песчаному ложу, между двухъ стѣнъ; но стѣны понижаются болѣе и болѣе и, задумавшись надъ чѣмъ-то, я вдругъ вижу себя внѣ горъ; сзади — какъ будто ворота крѣпости — стоятъ по обѣ стороны четыре утеса, а передъ нами разстилается на громадную даль равнина. Дѣйствительно, передъ нами обширное плоскогорье Деббетъ ель Рамль, замыкаемое справа цѣпью невысокихъ холмовъ: куда непривлекательная картина! Верблюды грузнутъ въ пескѣ, и при каждомъ погруженіи ихъ передней ноги сотрясается грузъ, и сѣдокъ получаетъ толчекъ сильнѣе обыкновеннаго; но нечего и пробовать итти пѣшкомъ,—не пройдешь и версты. Вотъ спустились совсѣмъ низко, горы сзади обрисовались уже въ неопредѣленныхъ контурахъ и окрасились въ сѣро-фіолетовые цвѣта. Впереди, справа выросла новая цѣпь скалистыхъ горъ и потянулась на Западъ, какъ бы преграждая намъ дорогу; подъ стѣною ихъ внизу видна какъ будто вода и пятна садовъ—миражъ! А моря не видать и признаковъ. Опять подымаемся черезъ оврагъ наверхъ и около двухъ часовъ идемъ по обнаженнымъ известковымъ наливамъ, гдѣ песокъ держится только въ разсѣлинахъ; сильный вѣтеръ уноситъ съ моей каски одинъ платокъ за другимъ. Дѣлаемъ привалъ подъ прикрытіемъ двухъ утесовъ; одинъ лежитъ, но изъ подъ его основанія вода вымыла давно весь песокъ, и камень едва держится, упираясь тремя углами въ площадь; другая скала упала на него и уперлась концомъ; кажется, едва держится она, а между тѣмъ, залѣзши внутрь, между камней, позавтракавъ и соснувши въ прохладной — сравнительно — тѣни, мы благополучно уѣхали, а камни остались въ томъ же видѣ до новаго посѣщенія. Ночное путешествіе въ эти третьи сутки памятно мнѣ странными картинами, которыя рисовалъ нашъ утомленный взглядъ и настроенное воображеніе. Мы проходили болѣе двухъ часовъ узкимъ

уади Гам'ръ или Ум'ръ, спускающимся поперекъ нашего пути къ морю; тотъ же ровный корридоръ параллельныхъ стѣнъ, тѣже причудливыя очертанія известковыхъ холмовъ, но при лунѣ намъ казалось, что мы ѣдемъ по улицамъ восточнаго города. Когда, проѣхавъ мимо Аммианъ-Фаруна, мы подошли еще ближе къ морю и услышали его прибой, то при свѣтѣ луны, бившемъ въ бѣлые намывы известняка, — картина восточнаго, мертваго города смѣнилась видомъ провинціальнаго мѣстечка на Югѣ Россіи; забившись въ средину разгруженнаго вьюка, чтобы сколько нибудь защититься отъ вѣтра, мы забылись на два, три часа. Моря не было видно, но оно было близко, и мы были теперь убѣждены, что ужь какъ нибудь попадемъ въ Суецъ въ свое время. Насъ смущала только рана на ногѣ нашего шейха, о которой мы только что допытались; еще двѣ недѣли назадъ шейхъ ранилъ себѣ щиколку одной ноги остріемъ сандаліи другой, такъ какъ подошва этой сандаліи до того износилась, что стала острою; образовавшуюся рану, когда она начала гноиться, онъ закрывалъ хлопкомъ и присыпалъ порохомъ, но рана не только не проходила, но увеличилась до размѣровъ пятака и проникла до кости; промывая эту рану, мы не знали, чему больше дивиться, терпѣнію ли Бедуина, или его натурѣ. Въ этомъ отчаянномъ пеклѣ неосторожный обрѣзъ можетъ родить гангрену, а тутъ была рана, покрытая пескомъ; и хотя шейха била сильная лихорадка, но не было и признаковъ воспаленія—очевидно, этотъ народъ спасаетъ худоба: у нихъ нѣтъ мяса, нѣтъ и искушенія, нѣтъ и многихъ болѣзней нашихъ; хотя вообще Бедуины скоро старѣются и рано умираютъ, но еще надо знать, отъ какихъ причинъ. Помочь шейху мы ничѣмъ не могли, кромѣ глицерина и чулка, въ которомъ онъ отнынѣ и странствовалъ, да еще требованіемъ сидѣть на верблюдѣ и не итти пѣшкомъ, чего, конечно, онъ не исполнялъ.

По печальнымъ мѣстамъ, ныряя изъ одного оврага въ другой, и сбивая ноги себѣ объ острые камни на спускахъ и подъемахъ, шли мы на другое утро съ 4 до 12 къ уади

Гарандэлю; вмѣсто мрачныхъ, но грандіозныхъ картинъ горной природы передъ нами была, казалось, самая убогая мѣстность, какая только существуетъ гдѣ либо, именно убогая и жалкая до послѣдней степени; вся она была окрашена въ цвѣтъ бѣлесоватой, грязной охры, и рѣзала глаза при блескѣ солнца; трава въ оврагахъ была или попалена уже въ это время, или затянута грязными, мыльными намывами; такіе виды имѣютъ мѣстности, окаймляющія большое ржавое болото гдѣ нибудь на сѣверѣ Россіи. Да и самое уади Гарандель, — библейскій Элимъ, есть тоже болотистая долина, въ которой держится съ весны вода, текущая изъ горъ Этти, что́ на Востокѣ тянутся длинною грядою; мѣстами, по наклонамъ вода здѣсь бѣжитъ довольно сильнымъ ручьемъ, мѣстами же застаивается и образуетъ широкіе разливы, покрытые тростникомъ и питающіе богатую растительность финиковъ, смолистыхъ акацій и манноваго дерева, или вовсе пропадаетъ въ пескѣ. Конечно, Евреямъ, пришедшимъ сюда изъ Дельты, отъ котловъ съ мясомъ, мѣстность эта, напоминавшая имъ покинутый Гозенъ, могла нравиться, и по всѣмъ разсчетамъ, она то и есть пресловутый Элимъ, гдѣ Израиль нашелъ 12 источниковъ и 75 финиковыхъ деревъ. Но очень понятно также, почему, не желая ученой точности, жители Синая предпочитаютъ видѣть Элимъ въ живописныхъ садахъ Моисеевыхъ близъ Эль-Тора. Для насъ Гарандэль былъ пунктомъ тяжелыхъ и своеобразныхъ разсчетовъ; мы были сильно утомлены своимъ маршемъ въ теченіи трехъ сутокъ съ половиною, — marche des forçats, и безсонницею, и жаромъ, и неудобствами, и мало надѣялись на себя дальше; между тѣмъ на картѣ видѣли, что осталось сдѣлать еще добрую треть пути. Жгучій вопросъ, не по напрасну-ли будутъ всѣ наши усилія попасть къ сроку! Мы имѣли полдень Вторника, а самый крайній срокъ — утро Четверга. Шейхъ былъ въ лихорадкѣ и несъ околѣсную; Муса предводительствовалъ караваномъ и распоряжался нашими остановками. Мы стали вычислять, сколько часовъ придется намъ еще итти, принимая въ разсчетъ, что верблюды уже устали и что они обыкновенно идутъ не

болѣе 6—7 верстъ въ часъ; но вычисленія не давали ничего утѣшительнаго, а помѣщеніе наше подъ кустами тарфы, на отчаянномъ вѣтрѣ, который два раза сваливалъ мой чайный аппаратъ, не имѣло ничего привлекательнаго. Поднялись съ трудомъ и опять пошли, изъ оврага въ оврагъ, по плоскогорьямъ, гдѣ вѣтеръ рѣзалъ лицо и глаза, черезъ уади Амара или «горькія воды», гдѣ предполагаютъ стоянку Евреевъ въ Мерра —что значитъ тоже самое. Глубокая тьма заставила насъ остановиться, и мы раскинули привалъ свой у груды песку; вѣтеръ крутилъ песокъ и засыпалъ вьюкъ и насъ самихъ; кусокъ хлѣба, намоченный чаемъ, едва подносился ко рту, какъ забивался пескомъ; вздумали разбить черную фотографическую палатку, но едва успѣли въ ней устроиться, какъ вѣтеръ сорвалъ ее, не смотря на всѣ наложенные камни; пришлось ложиться въ песокъ и дожидаться, пока онъ настолько насъ по крайней мѣрѣ покроетъ, что не будетъ холодно. Надо отдать, однакоже, должное и пустынѣ: усталость, даже изнеможеніе въ ней не дѣйствуетъ на нервы; какъ бы ни было неудобно, едва легъ, засыпаешь сейчасъ же, и трехъ часовъ такого сна довольно, чтобы возстановить силы. Ночью, еще не брезжило, поднялись мы, при свѣчахъ собрали вьюкъ и нагрузили верблюдовъ; поѣздка въ эту темь оказывалась крайне непріятна и тяжела; верблюды шагаютъ въ какомъ-то невѣдомомъ пространствѣ, и когда спускаются, то кажется, что верблюдъ подъ тобою падаетъ; мы потеряли дорогу и долго ее искали; Бедуины уронили часть вьюка, у меня упала спичечница. Кончилось тѣмъ, что рѣшили ждать свѣта. Изъ слѣдующаго семичасоваго перехода нечего припомнить, кромѣ томительной скуки и физическихъ страданій; сидѣніе на верблюдѣ стало истинною пыткою; сидѣть верхомъ à califourchon больно, сѣсть бокомъ еще больнѣе, потому что такимъ образомъ развинченная уже спина ноетъ еще сильнѣе; нѣкоторое облегченіе получалось, сидя верхомъ, въ томъ, чтобы перебрасывать на шею верблюда то одну, то другую ногу; какъ жестка эта шея, и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, непреклонна его страсть водить шеею справа налѣво

и обратно, я узналъ, когда пятка моихъ кожаныхъ башмаковъ оказалась послѣ протертою насквозь о верблюжью шею. Съ часъ искали мы около полудня, гдѣ бы остановиться, и наконецъ нашли лучшее мѣсто: это былъ жидкій кустъ тарфы, который пришлось покрывать пледами, чтобы устроить защиту ходя для головы. Вздымаемый вѣтромъ и заносившій насъ песокъ прогналъ насъ и оттуда. Нашимъ страстнымъ желаніемъ, единственною, ясно сознаваемою теперь цѣлью, было достигнуть Аюнъ-Муса или источниковъ Моисеевыхъ, отъ которыхъ, какъ мы знали, не болѣе четырехъ часовъ пути до Суеца; разговоры и даже споры объ Аюнъ-Муса не прекращались, но напрасно каждую минуту этого восьмичасоваго перехода мы, — говоря высокимъ слогомъ — вопрошали горизонтъ; ни одного пятнышка не виднѣлось на небосклонѣ впереди, за то знакомый уже желтый пологъ затягивалъ окраину неба; уже темнѣло, когда мы завидѣли, наконецъ, финиковые сады первой стоянки Евреевъ въ пустынѣ аравійской. Сады эти обширны, имѣютъ видъ рощъ, и разбиты на участки, принадлежащіе суезскимъ негоціантамъ; это обычное ихъ гульбище и сборный пунктъ для пикниковъ. Ключи, бьющіе въ садахъ, солоноваты и горьки на вкусъ, отъ обильно фильтрующейся здѣсь морской воды; и когда мы раскинулись тутъ на послѣдній привалъ, то были немедленно облѣплены мокрымъ пескомъ. Влажность почвы, вмѣстѣ съ ночнымъ туманомъ оковывала и цѣпенила члены; было опасно оставаться здѣсь долго, но, чтобы подняться, пришлось отливать заснувшаго Гассана холодною водою. Еще пять часовъ, томительно считая каждую минуту, тащились мы вдоль-морскаго берега; силы измѣняли, и, боясь упасть съ верблюда, мы плелись пѣшкомъ часть дороги; намъ надо было попасть выше Суеца на мѣсто переправы черезъ каналъ; уже мы совсѣмъ отчаялись его видѣть, какъ вдругъ, при сѣромъ свѣтѣ брезжащаго утра, словно вынырнули передъ нами рыбачьи хаты. Верблюды грузно хлопнулись на песокъ, вьюкъ перенесли на барку, насъ перетащили по водѣ туда, же и медленно поплыли мы мимо пройденнаго берега, въ Суецъ.

Черезъ нѣсколько часовъ мы уже прощались на поѣздѣ, отходившемъ въ Александрію, съ своими Бедуинами, а около полудня того же дня, не безъ удовольствія созерцали, какъ несся страшный самумъ и слѣдомъ за нимъ ливень мимо насъ, туда, назадъ, въ покинутую нами пустыню...

1881 г. Декабрь.
Одесса.

Н. Кондаковъ.

ДРЕВНОСТИ СИНАЙСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Памятники монументальнаго искусства и христіанской древности, сохранившіеся въ Синайскомъ монастырѣ, были предметомъ любознательности многихъ ученыхъ и образованныхъ путешественниковъ, но ихъ краткія замѣтки и общія соображенія, лишенныя научной археологической критики, не доставили доселѣ матеріала, которымъ могла бы пользоваться историческая наука. Замѣтки эти только указывали на существованіе памятниковъ, а соображенія общаго характера имѣли цѣлью представить ихъ историческую важность и древность происхожденія. Благодаря счастливымъ и поразительнымъ открытіямъ — мозаикѣ Преображенія, какъ бы найденной впервые Лабордомъ и отнесенной къ Константину Великому, и кодексу Евангелія, вывезенному Тишендорфомъ, мало по-малу сложились въ европейской наукѣ легендарныя гаданія о древностяхъ Синайскаго монастыря. Его историческія судьбы подкрѣпляли эти чаянія. Въ самомъ дѣлѣ, Синайскій полуостровъ или каменистая Аравія представляетъ собою ту мѣстность, гдѣ издревле сходились и смѣшивались двѣ важнѣйшія культуры древняго міра: египетская и сирійская. Египтологи и семитологи находили для себя любопытный матеріалъ въ развалинахъ египетскихъ храмовъ и арамейскихъ надписяхъ полуострова. Въ христіанскую эпоху Синай есть мѣстность, выступившая вмѣстѣ съ Ѳиваидою въ исторіи православнаго монашества на Востокѣ и запечатлѣвшая свою дѣятельность древнѣйшими его уставами и монументальными сооруженіями. Къ тому же, эта исторія христіанскаго

Синая въ древнѣйшую эпоху была, такъ сказать, задержана мусульманскимъ завоеваніемъ Сиріи и Египта. Уже въ 633 году изъ войскъ четырехъ Эмировъ, отправленныхъ Абубекромъ для завоеванія Палестины, Египта и христіанской Аравіи, отдѣльные отряды проникли на Синай (по свидѣт. Ѳеофана) и положили тамъ начало брани, междоусобіямъ и пропагандѣ новой вѣры. Въ 636 году былъ взятъ мусульманами Дамаскъ, а въ 639, послѣ четырехмѣсячнаго обложенія, Александрія. Царствованіемъ Гераклія какъ бы заканчивается, такимъ образомъ, связь Синая съ Византіею и его участіе въ общихъ политическихъ судьбахъ и религіозной жизни Восточной Имперіи. Знаменитая своею древностью и святынями обитель вынуждена, для своего сохраненія, или искать поддержки въ иноземномъ владычествѣ, или же покупать себѣ права на существованіе дарами и дипломатическими уступками. Тяготѣніе къ центру православія прервано, и съ XI вѣка аббаты Синая собираютъ свою милостыню въ Болоньѣ и Венеціи, а римскіе папы—жалуютъ монастырю грамоты, укрѣпляющія за нимъ его имѣнія въ Сиріи. Такимъ образомъ, связи Синая съ Византіею и затѣмъ со всѣмъ православнымъ Востокомъ возобновились уже въ довольно позднюю эпоху, но сдѣлались болѣе тѣсными лишь съ Россіею, и то въ XVII вѣкѣ.

Эти данныя, какъ-бы они ни были скудны для построенія собственной исторіи Синайскаго монастыря, казались, однако, достаточными для опредѣленій археологическихъ, въ особенности произносимыхъ не спеціалистами, но любителями древности, тамъ, гдѣ, по самой отдаленности, оторванности этихъ памятниковъ, требовалась бы строгая критика. Привитое любителями старины пристрастіе относить открытыя на Востокѣ произведенія искусства къ глубокой древности, только въ ней видѣть достоинство ихъ, и проистекающее отсюда неумѣніе отличать стили, эпохи, находить интересъ именно въ позднѣйшихъ періодахъ, однимъ словомъ, всѣ существенные недостатки византійской археологіи отражались, поэтому, всегда въ сужденіяхъ по преимуществу западныхъ ученыхъ, посѣщавшихъ

Синайскій монастырь. Но, конечно, и здѣсь не скоро еще преувеличенныя надежды и безплодныя гаданія уступятъ мѣсто дѣйствительнымъ фактамъ, добытымъ и утвержденнымъ наукою.

Между тѣмъ, и число памятниковъ древности въ Синайскомъ монастырѣ куда какъ незначительно, и самые вопросы о нихъ могли бы легко разрѣшиться, если бы къ попыткамъ ученыхъ, ѣздившихъ взглянуть на эти памятники, присоединились удовлетворительные снимки, которые столько же способствуютъ разсѣянію различныхъ заблужденій, сколько и дѣлаютъ памятники предметомъ общаго научнаго достоянія. Не имѣя въ своемъ распоряженіи средствъ для изготовленія подобныхъ снимковъ, кромѣ какъ для тѣхъ немногихъ памятниковъ, которые составляли главнѣйшую цѣль моей поѣздки, я считаю, однакоже, нужнымъ обозрѣть вкратцѣ всѣ сохраняющіеся въ Синайскомъ монастырѣ памятники древности, прежде нежели перейду къ этимъ важнѣйшимъ.

Благодаря извѣстію Прокопія (De aed. Just. V, 8), пополняемому также извѣстною греко-арабскою надписью на вратахъ монастыря, знаемъ, что какъ стѣны монастыря, такъ и его главнѣйшее зданіе — базилика, построены въ царствованіе Юстиніана между 527 и 557 годами. Церковь имѣетъ три нефа, отдѣленные двумя рядами гранитныхъ колоннъ, по шести въ каждомъ; высота средняго нефа почти въ $2^1/_2$ раза превышаетъ боковые; потолокъ плоскій, въ которомъ промежутки между стропилъ зашиты досками, образующими т. наз. кассеты; весь потолокъ заново орнаментированъ, въ подражаніе старому, который видѣлъ еще Пококъ, по античному шаблону, исполненному зеленою и красною красками и золотомъ. Передъ церковью имѣется узкій нартэксъ съ 3 дверями (одна заложена), ведущими внутрь церкви, изъ которыхъ средняя, т. наз. царская, сохранилась отъ древности и украшена рѣзьбою. Вдѣланный здѣсь въ стѣну недавно фіалъ для омовенія не замѣняетъ древне-христіанской купели, стоявшей прежде въ срединѣ передняго двора, а явился въ силу обычая, существующаго и въ Грузіи. На В. сторонѣ церковь имѣетъ боль-

шую открытую абсиду и двѣ малыхъ, которыя нынѣ отдѣлены стѣнами; изъ правой (древній діакониконъ) дверь на лѣво приводитъ въ капеллу Неопалимой Купины, находящуюся, такимъ образомъ, за стѣною главнаго алтаря. Въ этомъ типѣ древнехристіанской базилики, наиболѣе сходной съ ц. Аполлинарія во Флотѣ въ Равеннѣ, обращаютъ на себя вниманіе сильно повышенныя, не плоскія и широкія арки, стягивающія колоннаду, и самыя колонны. Онѣ грузны, имѣютъ низкіе базисы съ четырьмя выпущенными листами, и разнообразно орнаментированныя капители; теперь эти капители заштукатурены и покрыты темнозеленою окраской (колонны же голубою) и потому особенно кажутся тяжелыми и безвкусными. Между тѣмъ, въ ихъ массивной орнаментикѣ, издалека берущей главнѣйшія черты коринѳскаго ордена, есть своего рода величавость: особенно замѣчательны капители съ завернутыми наискось волютами, которыя напоминаютъ типъ капителей Геркулесовой базилики въ Равеннѣ. Въ отличіе отъ общаго плана и архитектурнаго типа, детали указываютъ на преданія древнѣйшія. Самая базилика, кромѣ трехъ нефовъ, видимо, много претерпѣла измѣненій, въ видѣ пристроенныхъ сбоку капеллъ, распредѣленія алтарей и пр. Въ главной абсидѣ имѣется двойной поясъ мраморныхъ ступеней, и стѣны облицованы мраморомъ; она освѣщается ~~однимъ узкимъ окномъ~~. Кромѣ мозаики въ сводѣ алтаря и на аркѣ надъ нимъ, также свода въ капеллѣ Купины всѣ остальныя стѣны церкви и нартэкса покрыты штукатуркою, (кромѣ этой же капеллы, стѣны которой покрыты фаянсовыми изразцами въ XVII в.) и въ монастырѣ не сохранилось никакихъ воспоминаній о томъ, какъ были и были ли украшены эти стѣны иначе въ старину. Невысокій иконостасъ (1672 г.) надстроенъ еще колоссальнымъ Распятіемъ, по католическому типу; нижній поясъ большихъ мѣстныхъ иконъ замѣчательнаго письма Іереміи Критянина 1612 г. и другихъ конца XVII и XVIII столѣтій[1]); надъ ними недавно же установлены въ два ряда мелкія иконы Праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ.

[1]) См. собранныя арх. Порфиріемъ надписи, Второе пут., 242 — 266.

Равно и по отдѣлу церковной утвари, древностей сохранилось очень мало: амвонъ, балдахинъ надъ престоломъ, замѣчательные своею инкрустаціею изъ перламутра и черепахи, не восходятъ далѣе XVII и даже XVIII стол.; большинство работъ относится ко временамъ архіеп. Іоанникія между 1675—1682 гг. и исполнены самими монахами. Множество иконъ, кромѣ того, и нѣсколько Святцевъ Лицевыхъ на доскахъ,—письма аѳонскаго и московскаго прошлаго столѣтія—развѣшаны по стѣнамъ базилики, ея придѣламъ и многочисленнымъ капелламъ монастыря. Великолѣпный складень иконы Неопалимой Купины въ капеллѣ этого имени съ Календаремъ или Лицевыми Святцами на боковыхъ доскахъ, такъ же какъ изображеніе самаго монастыря на архіепископскомъ креслѣ и иконы, украшающія высокій амвонъ или каѳедру, по своему изящному и тонкому миніатюрному письму, заслуживаютъ вниманія передъ всѣми прочими, но также принадлежатъ началу и концу XVIII столѣтія.

Монастырь столько разъ лишался всего своего достоянія, т. е. по преимуществу церковной утвари изъ драгоцѣнныхъ металловъ, что и въ этомъ отношеніи не представляетъ вещей особенно древнихъ, или замѣчательныхъ по художественной работѣ. Нѣсколько напрестольныхъ съ окладами изъ серебра Евангелій и крестовъ не восходятъ ранѣе XV вѣка (по крайней мѣрѣ, изъ вещей, которыя мнѣ привелось видѣть), но и тѣ довольно грубой западной работы. Наиболѣе интереса представляютъ четыре большіе свѣтильника, которыхъ подножки въ видѣ львовъ гіератическаго стиля показались Эберсу (стр. 283) древнѣе христіанской эры.

Рѣзная изъ кипариса дверь, ведущая изъ нартэкса или преддверія въ церковь, представляетъ замѣчательное произведеніе старины и художества[1]). Порфировый архитравъ или косякъ покрытъ на передней сторонѣ тремя медальонами съ

[1]) Упомянута въ соч. *Lenoir*, l'Archit. monastique, стр. 308 и *Эберса* l. c. p. 279.

крестами (равноконечными) внутри, — на подобіе древнихъ щитовъ, и надписью уставомъ: Καὶ ἐλάλησεν Κύριος Μωϋσῆ ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ λέγων: ἐγώ εἰμι ὁ Θς τῶν πατέρων σου, ὁ Θς Ἀβραὰμ καὶ ὁ Θς Ἰσαάκ; ἐγώ εἰμι ὁ ὤν. Внизу, т. е. по исподней сторонѣ надпись: Αὕτη ἡ πύλη τοῦ Κῦ; δίκαιοι εἰσελέυσοντε ἐν αὐτῇ. Боковые устои, изъ дерева, украшены напереди бѣгущею вверхъ виноградною лозою, а по бокамъ аканговыми листьями. Затѣмъ оба полотнища или створы двери раздѣлены тремя тонкими лентами и подѣлены на 4 полосы, и каждая изъ нихъ содержитъ по 7 тябелъ или кессоновъ съ изображеніями, притомъ такъ, что малыя тябла чередуются съ большими—въ видѣ одной полосы изъ четырехъ малыхъ, другой —большихъ, и т. д. внизъ. Рамки кессоновъ раздѣланы гзымзами и багетками, и только внутренняя рамка украшена пальметтами. Такимъ образомъ, устройство двери и тябелъ тождественно съ дверью въ базиликѣ Св. Сабины въ Римѣ, другимъ и доселѣ единственнымъ памятникомъ древности этого рода, но если въ этомъ отношеніи подаетъ поводъ къ сравненію обоихъ, то различіе сюжетовъ, орнаментики и вообще стиля ихъ указываетъ на совершенно иныя эпохи и иныя начала въ искусствѣ.

Мы имѣемъ въ Синайской двери образецъ византійской рѣзьбы, въ которой пластика отрѣшается отъ своихъ существенныхъ чертъ и переходитъ въ живопись; это есть рѣзьба вглубь контуровъ, при чемъ все изображеніе и самая доска сохраняютъ свою поверхность, и ни одна часть не выступаетъ надъ нею рельефомъ. Углубленные контуры какъ бы въ живописи заполняются гипсомъ, разцвѣченнымъ въ красную краску (цвѣта вина), для уподобленія верхнему косяку изъ порфира. Такимъ образомъ, техника этой рѣзьбы близка съ техникою византійскихъ бронзовыхъ дверей, на которыхъ—по темной бронзѣ—контуры заполняются серебряными нитями (памятники XI и XII вѣка въ Италіи и въ Россіи); разница однакоже, та, что кромѣ контуровъ при работѣ на деревѣ углубляется и весь фонъ.

Далѣе, Синайская дверь, въ отличіе отъ этихъ монументальныхъ памятниковъ съ религіозными сюжетами, исполнена вся въ одномъ *декоративномъ* направленіи, и въ ея орнаментахъ только слабо сквозитъ привычная символика христіанскихъ эмблемъ и религіознаго искусства. Въ самомъ дѣлѣ, сюжеты, которыми украшены всѣ тябла, не имѣютъ другаго значенія, кромѣ орнамента: въ первомъ поясѣ малыхъ тябелъ изображены орлы; въ третьемъ, таковомъ же, козлы, каменный козелъ; въ пятомъ—два зайца, павіанъ и козуля (?); въ нижнемъ седьмомъ—пѣтухъ, куропатка, неизвѣстныя птицы и, повидимому, сирена (птица съ человѣческою головою). Въ большихъ тяблахъ: втораго ряда — античныя чаши съ растущею изъ нихъ виноградною лозою; въ четвертомъ — подобныя же чаши съ растеніями, которыхъ плоды клюютъ голуби, также два павлина, или же дерево съ 2 птицами; наконецъ, въ шестомъ изображены смоковницы, плоды которыхъ клюютъ птицы. Заключенные въ сюжетахъ символы, очевидно, затерты орнаментикою, какъ и въ многочисленныхъ пальмахъ, и крестахъ «процвѣтшихъ», ромбахъ и медальонахъ, которыя изображены въ 28 соотвѣтствующихъ тяблахъ на задней сторонѣ двери.

Но всѣ рисунки исполнены чрезвычайной стильности, выдержанной не только въ растительныхъ орнаментахъ, но и въ фигурахъ животныхъ и птицъ, исполненныхъ натурально и живо. Типы орнаментовъ этихъ развились впослѣдствіи и извѣстны намъ во всей подробности въ византійскихъ миніатюрахъ IX—XI вѣковъ: зубчатые лепестки розъ (трилистники), мелочной рисунокъ аканта и виноградnаго листа, жемчужныя повязки по каймамъ, фоны для животныхъ изъ листьевъ и условныхъ цвѣтковъ, каннелированныя чаши и фонтаны, все это знакомо намъ изъ рукописныхъ заставокъ. Рѣщикъ выполнилъ эти орнаменты грубо, неуклюже, но передалъ еще пошибъ ранняго типа, не отступилъ ни на шагъ отъ вычурной декораціи, усвоенной живописью.

Этотъ стиль рисунковъ, эта смѣшанная декоративная манера заставляетъ отнести Синайскую дверь къ разряду любо-

пытнѣйшихъ памятниковъ эпохи, непосредственно слѣдующей за иконоборческимъ періодомъ, когда орнаментальное направленіе, усвоенное по преимуществу скульптурѣ, рѣзьбѣ на драгоцѣнныхъ металлахъ, по дереву и слоновой кости, было еще сильно и свѣжо. Лабартъ [1]) указываетъ на два изящные образца этой орнаментаціи между работами по слоновой кости: окладъ рукописи Liber Sacramentorum въ Монцскомъ соборѣ — работы конца IX или начала X столѣтія, и триптихъ или тройной складень Ватиканскаго Музея, изд. *Gori* въ его Thes. vett. dipt., III таб. 25; исключительными темами для рѣщика послужили здѣсь растительные орнаменты съ фигурами львовъ, птицъ и фантастическихъ животныхъ, или же съ разукрашенными крестами. Предѣломъ этого направленія въ произведеніяхъ скульптуры и глиптики служитъ появленіе тѣхъ инкрустированныхъ бронзовыхъ дверей съ религіозными сюжетами, самые ранніе образцы которыхъ на Западѣ относятся къ концу XI вѣка, но которыя на Востокѣ должны были появиться, конечно, гораздо ранѣе. Такимъ образомъ, для нашего памятника, уже на этихъ основаніяхъ, почерпающихъ поддержку въ стилѣ, получаемъ періодъ его происхожденія между IX и концомъ X столѣтія. Къ сожалѣнію, если характеръ буквъ въ надписяхъ двери, типы медальоновъ и крестовъ и подтверждаютъ вновь это опредѣленіе, то среди многочисленныхъ надписей, покрывающихъ дверь и начерченныхъ разными паломниками, не оказывается все таки столь древней, которая бы давала еще болѣе точныя основанія, равно какъ нѣтъ имени мастера и года работы, столь аккуратно сообщенныхъ на позднѣйшихъ памятникахъ Синайскаго монастыря. На двери имѣются также древніе бронзовые кресты (четвероконечные и равноконечные), которыхъ типъ древнѣе обычнаго въ X стол., и эмальированный диптихъ XIII вѣка Лиможской работы съ изображеніемъ Христа въ Славѣ среди эмблемъ Евангелистовъ. Наконецъ, дверь прекрасно сохранилась и, очевидно, никогда не была реставриро-

[1]) Histoire des arts industr., 1864, I p. 47—8, pl. VIII.

вана, а различныя части запоровъ, застежекъ изъ желѣза и свинца представляютъ много любопытнаго по древности и оригинальнымъ типамъ. Всѣ врѣзанные въ дверь кресты съ кольцами вмѣсто ручекъ имѣютъ форму, предшествующую извѣстному типу четвероконечнаго креста съ удлиненною нижнею вѣтвью IX—X столѣтій. При крайней сухости климата, кипарисовое дерево, изъ котораго сдѣлана дверь, сохранило крѣпость и плотность, тогда какъ рухлость кипарисовой двери въ базиликѣ Св. Сабины въ Римѣ была причиною многихъ передѣлокъ съ V—VI вѣка, когда эта дверь была исполнена.

Мозаика Синайскаго монастыря.

Мозаика Преображенія въ абсидѣ или алтарѣ церкви Синайскаго монастыря — его важнѣйшій памятникъ — представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній христіанской древности на Востокѣ и византійскаго искусства въ древнѣйшемъ его періодѣ. Но неизвѣстность этого памятника, зависящая отъ того, что доселѣ ни одинъ изъ спеціалистовъ археологовъ не видалъ его самолично, и отсутствіе сколько нибудь удовлетворительныхъ сниковъ были причиною того, что произведеніе это оставалось безплодно для археологической науки. Хотя, со времени путешествія де-Лаборда въ двадцатыхъ годахъ [1]), привезшаго съ собою небрежный очеркъ какой-то туманной картины, до крайне невѣрнаго рисунка, изготовленнаго спутникомъ Авр. Норова [2]), записки путешест-

[1]) Литература по вопросу о мозаикѣ Синайс. м-ря (см. списокъ путешествій въ предисловіи), представляющая нѣсколько болѣе обыкновенныхъ замѣтокъ каждаго его посѣтителя, не обильна: *de Laborde*, Voyage dans l'Arabie Pétrée, pl. XX; рис. повторенъ въ изд. *Rohault de Fleury*, l'Évangile, pl. XLIII, 1, и въ изд. о. *Гарруччи*, Storia della arte cristiana nei primi otto secoli di chiesa, Prato, vol. IV, p. 75, tav. 268, fol. Далѣе *Эберсъ*, l. c. изд. 1872 г., стр. 273—7, и 2-е изд. 1881 г., p. 283—7.

[2]) *Норовъ*, *Авр.* Іерусалимъ и Синай. Записки втораго путеш. на В. М, 1879, съ атл. Рисунокъ мозаики сдѣланъ г. Поливановымъ.

венниковъ, какъ и ни одно изданіе по исторіи искусствъ, не обходились безъ нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ мозаикѣ, но всѣ эти замѣтки, какъ и оба рисунка, не давали вовсе прочной почвы для научныхъ изслѣдованій. Рисунокъ де-Лаборда не давалъ ничего, кромѣ контуровъ, которые позволяютъ угадывать сюжетъ, и потому понятно вполнѣ, оставлялъ полный просторъ для всякаго рода догадокъ о стилѣ, эпохѣ и значеніи памятника: одни относили его ко временамъ Константина, другіе — Юстиніана, третьи къ VII вѣку и произвольно сопоставляли съ мозаиками Рима. Рисунокъ, сообщенный въ соч. Норова, передаетъ въ хромолитографіи, повидимому, всѣ детали памятника, но смущаетъ всякаго археолога, знающаго черты древнихъ типовъ и стилей византійскаго искусства; и въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о различныхъ непонятныхъ въ древнюю эпоху формахъ и деталяхъ, на этомъ рисункѣ—всѣ головы пророковъ въ медальонахъ явно скопированы съ итальянскихъ гравюръ или современныхъ иконъ. И потому, г. проф. Усову [1]) въ своемъ почтенномъ трудѣ, основанномъ исключительно на данныхъ этого рисунка, пришлось итти путемъ догадокъ и ощупью отыскивать тотъ древній памятникъ, который долженъ былъ скрываться подъ новою оболочкою, накинутою на него неопытнымъ рисовальщикомъ — иконописцемъ. Намъ помнится, затѣмъ, то чувство сомнѣнія и удивленія, какое овладѣвало всѣми спеціалистами и знатоками, видѣвшими этотъ рисунокъ; отправляясь на Синай, я полагалъ даже возможнымъ, что подъ именемъ древняго памятника скрывается грубая и поздняя реставрація или даже цѣликомъ новая работа.

Тѣмъ болѣе пріятно было лично констатировать и убѣдиться, что древній памятникъ дѣйствительно существуетъ и сохранился въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ, хотя многихъ другихъ уже нѣтъ, благодаря передѣлкамъ. И, хотя намъ, не-

---

[1]) *Усова*, С. А. Мозаики въ церкви Преображенія въ монастырѣ св. Екатерины на Синаѣ. М. 1879. 18 стр. съ рис., оттискъ изъ «Древностей или Трудовъ Моск. Арх. Общ».

смотря на всѣ наши усилія [1]), не удалось получить такого фотографическаго снимка, который-бы могъ послужить для убѣжденія другихъ и для полнаго воспроизведенія мозаики въ рисункѣ, но послѣдующее описаніе по личному наблюденію дастъ, можетъ быть, новыя свѣдѣнія о важномъ памятникѣ.

Мозаикою, какъ извѣстно, украшены слѣд. части алтаря: 1) полукруглый сводъ абсиды или алтарной ниши — самая конха или раковина съ картиною Преображенія и каймою изъ серебряныхъ медальоновъ на пурпурно-фіолетовомъ фонѣ, содержащихъ погрудныя изображенія Пророковъ; 2) оба полупаруса стѣны до верхняго карниза, отдѣленные отъ внутренняго свода узкою каймою изъ звѣздочекъ и другою широкою изъ золотыхъ медальоновъ съ птичками на малиновомъ фонѣ; по угламъ два серебряные же бо́льшей величины медальона съ погрудными изображеніями, а надъ ними два ангела, летящіе съ вѣнками, и 3) двѣ картины подъ потолкомъ, по сторонамъ двойнаго окна, изображающіе Моисея передъ купиною и Моисея же, пріемлющаго скрижали; арки оконъ окаймлены малиновою каймою съ звѣздчато-лиственнымъ орнаментомъ; та же кайма отдѣляетъ также и всю мозаическую декорацію отъ боковыхъ стѣнъ.

По причинамъ, которыя уяснятся тотчасъ же, намъ приходится начать съ этой третьей части или картинъ, представляющихъ Моисея у подошвы Хорива и его же на Синаѣ. Обѣ эти картины *цѣликомъ* представляютъ *позднѣйшую работу*, и по счастливому стеченію обстоятельствъ, рисунокъ г. Поли-

[1]) Алтарь освѣщается двумя окнами (новой работы) надъ аркою и однимъ окномъ внутри арки, внизу; свѣтъ бьетъ прямо въ аппаратъ и препятствуетъ снимку; мы должны были прибѣгать къ пособію зеркалъ, чтобы хотя отраженіемъ отъ этихъ лучей освѣтить боковыя части, что́ также плохо удавалось; наконецъ, снимокъ издали невозможенъ, благодаря иконостасу. Памятникъ, между тѣмъ, заслуживалъ бы быть исполненъ въ натур. величину кальками, какъ-то дѣлается французскими, мозаическими мастерскими для мозаикъ равеннскихъ; но для этого надо бы было дѣлать лѣса. Даже для точнаго описанія требовалось бы устроить подмостки, такъ какъ за бьющимъ свѣтомъ трудно разсмотрѣть верхнія части, въ особенности сцены подъ потолкомъ, что́ и было сдѣлано напр. г. Поливановымъ.

ванова передаетъ довольно близко этотъ типъ. Впрочемъ, черты его бросаются въ глаза и таковы, что не могутъ быть достаточно скрыты, чтобы не быть признанными. Слѣва отъ оконъ Моисей въ *розоватой* (отъ огней купины) туникѣ, поставивъ на скалу лѣвую босую ногу и смотря вверхъ передъ собою, повидимому, распутываетъ повязки недостающей сандаліи; за нимъ скала (недоходящая до земли), передъ нимъ купина въ видѣ *большаго зеленаго* куста, въ листьяхъ котораго видны огни; *лѣвая* (sic) Десница указываетъ однимъ пальцемъ, выходя изъ голубаго сегмента неба. Направо пророкъ, стоя между такихъ же двухъ скалъ, но одѣтый поверхъ туники въ *бѣлое* покрывало, принимаетъ отъ Десницы (на этотъ разъ правая рука) скрижали въ видѣ двухъ *закругленныхъ на верху* сѣрыхъ досокъ. Всѣ особенности этихъ картинъ, или необычныя, или прямо неизвѣстныя въ древней живописи, указаны и г. Усовымъ, но, видимо, не довѣряя рисовальщику, онъ полагалъ возможнымъ найти, такъ сказать, подъ его картиною древнехристіанскій остовъ. Между тѣмъ всѣ эти особенности указываютъ только на новую работу, которая, можетъ быть, имѣла своею точкою отправленія разрушенный отъ времени древній оригиналъ, но не оставила отъ него, по нашему убѣжденію, *ни одной части древней мозаики* [1]). Отсюда именно объясняется и характеръ цѣлаго, и всѣ детали. Типъ Моисея выбранъ изъ новѣйшей греческой иконописи; скалы съ своими разнообразными тонами, коричневыми, зелеными и пр., представлены такъ, какъ бы въ плохой масляной картинѣ; Купина явилась въ видѣ пышнаго куста [2]); Десница явилась слѣва въ видѣ лѣвой руки, и наконецъ скрижали приняли ту форму, какую онѣ имѣютъ только съ XVI вѣка. Далѣе, мы считаемъ также подозрительною древность двойнаго окна, котораго орнамента-

[1]) За отсутствіемъ подмостокъ, я не могъ констатировать даже, что это мозаическія изображенія, а не фресковая живопись, — таковъ характеръ этихъ работъ.

[2]) Ср. изобр. Купины въ моз. у. Св. Виталія, въ ркп. Космы Индоплова, фрескахъ кат. Калликста, у Perret, Catac. I pl. 57, и пр.

ція уподоблена кайму арки съ медальонами изъ различныхъ птицъ и боковыхъ стѣнъ; въ рисункѣ же Поливанова и вообще малиновый фонъ всей каймы не передаетъ точно пурпура, употребленнаго въ оригиналѣ. Мы не хотимъ, однакоже сказать этимъ, чтобы затѣмъ детали самой орнаментики были новыя, и, несомнѣнно, основной орнаментъ каймы — условная звѣзда изъ лепестковъ, извѣстная по многимъ раннимъ памятникамъ византійскаго искусства, принадлежитъ здѣсь древнему образцу.

Но реставрація, или вѣрнѣе, модернизація древней мозаики проникла и дальше, а именно въ орнаментальную группу двухъ летящихъ ангеловъ, помѣщенныхъ надъ самою аркою. Эта часть, столь тѣсно связывающая памятникъ Синая съ мозаиками Равенны, въ которыхъ мы находимъ такія изящныя по своей античности фигуры ангеловъ, увѣнчивающія алтарныя арки ц. Св. Виталія и друг., казалась бы, на первый взглядъ, несомнѣнно древнею, но что же представляютъ намъ детали и самый рисунокъ фигуръ въ Синайской мозаикѣ?

Во первыхъ, фигуры обоихъ ангеловъ отличаются такимъ удлиненіемъ пропорцій, какого нельзя ни предположить себѣ возможнымъ въ древнѣйшую эпоху византійскаго искусства (до иконоборцевъ), ни объяснить себѣ напр. неумѣлостью провинціальнаго художника или мозаиста; по нашему мнѣнію, это преувеличеніе произошло отъ передѣлки верхнихъ частей въ фигурахъ, почему и явились также детали, вовсе не соотвѣтствующія стилю и характеру основной абсидальной мозаики. Таковы голубоватыя крылья ангеловъ, въ тѣневыхъ частяхъ зеленые, съ павлиньими глазками на концахъ, таковы и непонятныя драпировки гиматія, который на протянутыхъ рукахъ ангеловъ образуетъ родъ рукава. Но другія, болѣе мелкія детали, надѣемся, будутъ болѣе убѣдительно свидѣтельствовать для всякаго спеціалиста о своемъ позднѣйшемъ происхожденіи. Ангелы держатъ въ вытянутой рукѣ по *вѣнку*, а не по *вѣнцу*,—какъ мы видимъ безусловно на всѣхъ древнихъ памятникахъ; это вѣнки маленькія и представляютъ ободокъ вѣтки съ

листьями; они и изображены, такъ сказать, en façe, не въ профиль. Очевидно, въ исчезнувшемъ оригиналѣ оба ангела или держали большіе вѣнцы, или же поддерживали большой медальонъ съ монограммою Христа, какъ-то видимъ на мозаикахъ равеннскихъ. Здѣсь мѣсто этого медальона занялъ небольшой кружокъ съ крестомъ внутри, образованнымъ изъ тѣхъ же лепестковъ на голубомъ фонѣ, и мы считаемъ совершенно безполезнымъ пытаться объяснить себѣ этотъ убогій орнаментъ и искать въ немъ эмблемы монастыря, Св. Екатерины и т. д. Именно въ этой части мозаики мы замѣтили крайне перебитые слои кубовъ и грубую работу, но въ тоже время, верхній бюстъ того ангела, который летитъ слѣва (отъ зрителя), представляетъ прекрасную и антично юношескую фигуру; составляетъ ли только эта часть остатокъ отъ древняго оригинала, рѣшить не беремся. Наконецъ, мы можемъ не нуждаться въ остроумныхъ доводахъ г. проф. Усова, пытавшагося оправдать появленіе на головахъ ангеловъ чего-то въ родѣ пестрой чалмы съ полосами,—послѣ нашего осмотра, оказавшейся здѣсь плодомъ досужаго воображенія рисовальщика. Но за то въ рукахъ ангеловъ, дѣйствительно, находятся длинные и тонкіе жезлы съ крестиками на концахъ: въ этой формѣ мѣрила извѣстны не ранѣе XI вѣка въ миніатюрахъ, и мы считаемъ эту часть передѣлкою. Мы назвали наконецъ верхнія одежды ангеловъ гиматіями, и не находимъ нужнымъ измѣнять какъ либо это обыкновенное наименованіе; но рисовальщикъ снимка въ атласѣ Норова такъ исказилъ покрой этой одежды, что ее, пожалуй, легко смѣшать съ различными церковными облаченіями.

Что касается двухъ медальоновъ съ погрудными изображеніями, находящихся подъ ангелами, въ углу парусовъ, то мы совершенно раздѣляемъ мнѣнія Эберса и проф. Усова, что въ нихъ никакимъ образомъ нельзя видѣть портретовъ Юстиніана и Ѳеодоры, съ которыми эти типы не имѣютъ рѣшительно ничего общаго. Въ рисункѣ г. Поливанова медальоны переданы сравнительно вѣрнѣе и представляютъ: лѣвый — фи-

гуру мужчины съ черною бородою и густыми всклокоченными волосами; правый — женскую фигуру въ голубомъ покрывалѣ, напоминающую типъ Богородицы. Затѣмъ, изъ предложенныхъ двумя учеными догадокъ, что фигуры эти изображаютъ: Моисея и Св. Екатерину (Эберсъ), или же Іоанна Крестителя и Богородицу (Усовъ),—мы изберемъ послѣднее, какъ наиболѣе вѣроятное. Такимъ образомъ, мы, дѣйствительно, будемъ имѣть здѣсь, какъ вѣрно заключаетъ проф. Усовъ, по сторонамъ центральнаго образа Христа въ славѣ, представленіе иконы *Деисуса*, весьма извѣстной въ позднѣйшей византійской и русской иконографіи. Наше разногласіе будетъ, однакоже, заключаться въ томъ, что оба эти медальона кажутся намъ также весьма поздняго происхожденія и, во всякомъ случаѣ, по своему рисунку, краскамъ, ничего не имѣютъ общаго съ центральною аркою. Самую икону Деисусъ мы не знаемъ, кстати, ранѣе XI столѣтія и въ первый разъ встрѣтили ее въ рукописи I. Климака Синайской библіотеки XII вѣка (см. ниже).

Въ отличіе отъ этихъ частей синайской мозаики, которыя, по нашему мнѣнію, ясно представляютъ или и вовсе позднѣйшую работу, или же передѣлку и реставрацію, центральный отдѣлъ, т. е. самая мозаика Преображенія, съ окаймляющимъ ее бордюромъ изъ медальоновъ, оказывается столько же древнимъ, сколько и замѣчательнымъ памятникомъ ранняго византійскаго искусства, заключающимъ въ себѣ важнѣйшія данныя для иконографіи: достаточно указать на одинъ общій фактъ — *отсутствіе нимбовъ* (кромѣ Христа), чтобъ понять ихъ значеніе. Лишь очень немногія сравнительно части реставрированы, но передѣлка здѣсь рѣзко выдѣляется отъ общаго тона и самыхъ слоевъ и потому можетъ быть, если не прямо узнана, то отгадана.

И, однакоже, наблюдая вообще стиль всего цѣлаго, нельзя не замѣтить извѣстнаго различія въ типахъ медальоновъ съ главнымъ изображеніемъ, а именно: тогда какъ первые стоятъ замѣчательно близко къ равеннскимъ оригиналамъ, второе, видимо, удаляется отъ нихъ. Мы начнемъ, поэтому, съ

первыхъ. Рисунокъ г. Поливанова [1]) (кромѣ немногихъ, сравнительно вѣрнѣе переданныхъ верхнихъ медальоновъ) въ данномъ случаѣ только вводитъ всѣхъ въ заблужденіе, и я, въ частности, отправляясь на Синай, ожидалъ именно въ этой части найти совершенно новую работу, — *итальянщину*, какъ говорятъ иконописцы. По нижнему поясу кайма содержитъ 17 медальоновъ съ изображеніями 4 большихъ и 12 малыхъ пророковъ съ Давидомъ въ центрѣ; по каймѣ расположены 12 медальоновъ съ Апостолами по сторонамъ золотаго, равноконечнаго креста въ кругу; наконецъ, въ углахъ сходящихся коймъ находятся медальоны Іоанна діакона (слѣва) и Логгина игумена (справа). Всѣ медальоны имѣютъ серебряный фонъ и отдѣлены другъ отъ друга внизу—стилизованными линіями,— вверху, по аркѣ—стилизованными же пальметтами; орнаментъ представляетъ двѣ цвѣтныя чашечки по ту и другую стороны стержня или смыкающей багетки; образцы этого орнамента въ болѣе сложной, но менѣе ясной архитектонической формѣ встрѣчаются въ каймахъ равеннскихъ мозаикъ ц. св. Виталія. Затѣмъ фонъ нижней каймы золотой, арочной — лилово-зеленый, т. е. древняго пурпура; всѣ изображенія снабжены надписями по сторонамъ головъ.

Легко понять порядокъ размѣщенія Апостоловъ: по сторонамъ креста помѣщены медальоны Андрея и Павла, причемъ Андрей заступилъ мѣсто Петра,—котораго изображеніе дано въ картинѣ—,какъ братъ, какъ первозванный и второй Апостолъ въ спискѣ Ев. Матѳея; остальные расположены по тому же списку, при чемъ наблюдается соотвѣтствіе той и другой стороны; Іуда замѣненъ Матѳіемъ; перечень фигуръ удобнѣе начинать слѣва. Первое изображеніе *Луки* представляетъ оригинальную черту въ иконографіи: извѣстно, что изъ всѣхъ Евангелистовъ онъ изображается обыкновенно наиболѣе молодымъ, съ маленькою черною бородкою; здѣсь же, напро-

[1]) Самъ Норовъ l. c. стр. 87 замѣчаетъ, что не ручается за вѣрность рисунка въ этой части.

тивъ того, мы видимъ Луку *сѣдымъ*, и типъ его напоминаетъ близко Ап. Петра. И, однако, этотъ самый типъ мы находимъ и въ мозаикахъ ц. св. Виталія и ц. св. Аполлинарія во флотѣ въ Равеннѣ[1]), гдѣ тоже округлое лицо, таже небольшая, сѣдая борода. Ап. *Симонъ Зилотъ*—тяжелый, грузный мужчина съ продолговатою бородою. *Іаковъ Алфеевъ*—молодой и черноволосый, борода только опушаетъ лицо—подобный типъ въ медальонахъ церкви св. Виталія и капеллы св. Петра Хризолога въ Равеннѣ[2]). *Маркъ*, съ длинною сѣдою бородою, какъ у египетскихъ отшельниковъ; въ ц. св. Виталія также сѣдъ, но борода круглая. *Варѳоломей* въ типѣ полнаго мущины, съ темнокаштановою густою бородою; напротивъ того, въ церкви Виталія и въ капеллѣ Хризолога видимъ молодаго и пріятнаго лицомъ Апостола съ коротко-остриженными волосами и легкою бородкою. Апостолъ *Андрей* сѣдъ, волосы развѣваются кругомъ головы: замѣчательное тождество этого любопытнаго типа представляютъ медальоны въ ц. Виталія и въ той же архіепископской равеннской капеллѣ, на которыхъ волосы Апостола, какъ бы поднявшіеся дыбомъ, окружаютъ своего рода ореоломъ оригинальный варварскій типъ[3]). Считаемъ вообще указанный типъ наиболѣе осмысленнымъ въ иконографіи Апостола. Справа отъ креста Ап. *Павелъ* ближе всѣхъ подходитъ къ обычному типу, но не имѣетъ лысины; одутловатая фигура; борода темнокаштановая. *Филиппъ*, на оборотъ, имѣетъ остроконечную черную бороду, тогда какъ обыкновенно онъ изображается или юнымъ и вовсе безбородымъ, или же съ небольшою бородкою, какъ напр. въ медальонѣ упомянутой капеллы; но, опять таки, въ ц. св. Виталія, типъ Апостола тождественъ съ синайскимъ[4]). Далѣе, *Ѳома* юнъ и безбородъ; оригинальное лицо совершенно тождественно съ медальономъ въ ц. св. Виталія (таже фотогр.) но во взглядѣ, брошенномъ

[1]) Фотографіи г. Луиджи Риччи, №№ 19 и 19, tavole aggiunte.
[2]) Тѣ же фотографіи, №№ 15 и 29 tav. agg.
[3]) Тамъ же, №№ 29 и tav. d'agg. 17.
[4]) Таже, № 17.

направо, мозаистъ послѣдняго изображенія, явно искалъ выразить нѣкоторое легкомысліе и свойственный ему скептицизмъ, тогда какъ синайскій медальонъ изображаетъ болѣе простоватаго, толстаго юношу [1]). Во всякомъ случаѣ, оба эти изображенія, по нашему мнѣнію, лучше другихъ въ древнехристіанскомъ искусствѣ. Типъ *Матѳея* Евангелиста, съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, близокъ къ каноническому, грузенъ и сѣдъ, но далеко не такъ суровъ и тяжелъ, какъ въ тѣхъ же двухъ равеннскихъ церквахъ. Ап. *Ѳаддей* черноволосый и полный, довольно близокъ по типу съ изображеніемъ въ капеллѣ Хризолога, гдѣ фигура Апостола съ тонкими чертами лица и острою небольшою бородкою должна, конечно, считаться болѣе типическою [2]). Наконецъ, фигура *Матѳія* (ошиб. *Маѳіасв*) въ Синайской мозаикѣ съ большою сѣдою бородою и короткими, сѣдыми же волосами, очевидно, уподоблена извѣстному типу Ев. Матѳея и отступаетъ, поэтому, отъ молодаго типа капеллы Хризолога.

Много любопытнаго и оригинальнаго представляютъ также образы Пророковъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ руководства равеннскихъ мозаикъ и должны ограничиться миніатюрами рукописей, правда, или современныхъ предполагаемой датѣ синайскихъ мозаикъ, или немногимъ позднѣйшихъ: таковы Россанскій кодексъ Евангелія [3]), ркп. Космы Индоплова Ватиканской библіотеки и «Пророки» Туринской библ. [4]). Первая фигура слѣва въ синайскихъ мозаикахъ пред-

[1]) Напротивъ, въ Капеллѣ Хризолога, фот № 33 tav. agg., типъ Ап. съ чертами Варѳоломея странно отступаетъ отъ принятаго, но такъ какъ ниже помѣщенный Матѳій изображенъ, какъ Ѳома, то полагаемъ, что здѣсь надписи были ошибочно помѣщены, или даже, вѣрнѣе, перепутаны при реставраціи.

[2]) Въ ц. Св. Виталія, фот. № 20, типъ строже, борода гуще и длиннѣе, такъ что фигура приближается къ Синайской мозаикѣ.

[3]) *Gebhart* u. *Harnack*, Evangeliorum codex Rossanensis. L. 1880. Проф. *Усова*. О миніатюрахъ и пр. М 1881 Но изъ пророковъ этой ркп. изд. только 4 фиг. (Taf. III) и, повидимому, неудовлетворительно.

[4]) См. мою «Исторію визант. иск и иконогр по миніат.», иконогр указ. *Ѳ. И. Буслаева* «Общія понятія о русск. иконоп.» въ Сборникѣ общ. древнерусскаго иск. за 1866 годъ, стр. 86 слѣд.

ставляетъ *Данiила* юнаго и безбородаго, въ лиловопурпурной хламидѣ, застегнутой напереди золотою фибулою; на головѣ пророка шапочка (персидская митра), шестигранная, съ зеленою гранью посреди; волосы выбиваются кудрями. Типъ, однакоже, значительно отошелъ отъ античнаго, прелестнаго образа юноши, котораго находимъ въ Ватик. рукописи. *Іеремія* съ курчавыми волосами и небольшою черною бородою, смотритъ прямо передъ собою; замѣтимъ сходство съ типами въ указ. рукописи и мозаикѣ ц. Св. Виталія. *Малахія*—съ длинными сѣдыми волосами и окладистой бородой. *Аггей* съ черноватою бородою, но лысъ; между тѣмъ въ ркп. Космы юнъ и безбородъ [1]). *Аввакумъ* курчавъ, съ бородкою, сѣдъ; напротивъ того, въ туринской миніатюрѣ видимъ изящный типъ юноши, въ ркп. Космы Аввакумъ молодъ, но имѣетъ небольшую бородку. *Іона*—грузный человѣкъ, лысъ и сѣдъ—тоже и въ туринскомъ спискѣ. *Іоиль* юнъ, съ темнокаштановыми волосами; наоборотъ, въ туринской миніатюрѣ, Іоиль въ типѣ пожилаго мужчины, а по русскому подлиннику, онъ «сѣдъ, аки Илія», слѣдовательно и «косматъ», т. е. въ извѣстномъ аскетическомъ типѣ Іоанна Предтечи, Иліи, Андрея и др. *Амосъ* съ просѣдью — въ Ватиканской рукописи юнъ и безбородъ. Наиболѣе любопытно и важно изображеніе *Давида* посреди Пророковъ: онъ представленъ юнымъ и безбородымъ, въ родѣ извѣстнаго типа царя Соломона; на головѣ Давида діадема изъ створокъ или граней, съ крестомъ посреди. Слѣдовательно, въ основу мозаическаго изображенія положенъ тотъ древнѣйшій типъ Орфея, юнаго пастыря, съ которымъ Давидъ представляется въ иныхъ миніатюрахъ псалтырей, тогда какъ обычный образъ престарѣлаго царя устанавливается уже съ IX вѣка въ монументальномъ искусствѣ и парадныхъ миніатюрахъ. *Осія* — сѣдой старикъ съ короткою округлою бородкой и длинными волосами: въ ркп. Космы—молодъ, бородка какъ у Аввакума. *Михей* — приблизительно тождественный

[1]) Атласъ къ «Ист. визант. иск. и икон.», табл. VII.

типъ съ рукописью Туринскою — пожилаго, съ сѣдиною въ волосахъ, мужа борода остроконечная, волосы курчавы. *Авдій* и *Наумъ*—тоже; отношеніе по типамъ мозаики и ркп. Космы, какъ для Аввакума; притомъ Авдій имѣетъ круглую бороду и моложе. *Софонія*—пожилой, съ лысиною; на головѣ чубъ: въ спискѣ Космы онъ безбородъ. *Захарія* — сохранилъ юношескій типъ, какъ въ туринской миніатюрѣ, тогда какъ въ Ватик. ркп. пророкъ представленъ сѣдымъ: въ мозаикѣ Захарія держитъ пастушескій посохъ, а въ послѣдней рукописи около него серпъ. Типы *Исаіи* и *Іезекіиля* приблизительно сходны съ изображеніями ихъ въ указанной рукописи и мозаикахъ церкви Св. Виталія, но оба пророка здѣсь много моложе. Особенно Исаія представляетъ замѣчательный типъ горячаго темперамента, съ рѣзкими, нѣсколько негритянскими чертами; волосы темные, шапкою. Іезекіиль съ легкою просѣдью. Наконецъ два послѣдніе угловые медальона, любопытные въ историческомъ отношеніи, представляютъ налѣво — *Іоанна діакона* (Ἰωάννης ὁ διάκονος), по типу сходнаго съ изображеніями извѣстнаго І. Лѣствичника: продолговатое лицо, съ черною, остроконечною бородою, большимъ, открытымъ лбомъ (какъ у І. Златоуста); на головѣ его лиловокоричневый, четыреугольный кукуль [1]) Въ правомъ медальонѣ изображенъ Игуменъ Логгинъ, пожилой и одутловатый мужчина, въ такомъ же четыреугольномъ и подобнаго цвѣта монашескомъ кубукліи.

Оставляя пока въ сторонѣ общую постановку данныхъ объ установленіи иконографическихъ типовъ какъ Апостоловъ, такъ и Пророковъ, въ монументальномъ искусствѣ Византіи, замѣтимъ, что изъ представленнаго нами краткаго очерка от-

---

[1]) *Cuculla*, *cucullio*, см. Smith and Cheetham, Dict. of christ. antiqu. v. См. также *П. Казанскаго*, «Исторія правосл. монаш. на Востокѣ», М 1872, стр. 11: «кукуль — дѣтская шапочка, до шеи, символъ незлобія въ V — VI вв., указ. въ патерикѣ Фотія; чернаго цвѣта». Здѣсь, во первыхъ измѣненъ цвѣтъ, во вторыхъ, недостаетъ пурпурнаго креста, нашивавшагося на верхъ. Ср. фреску Ургуба въ Каппадокіи: *Texier*, Archit. byz. pl. V.

ношеній Синайской мозаики къ равеннскимъ памятникамъ того же вида и миніатюрамъ, явствуетъ: 1) сходство или близость между собою мозаическихъ изображеній, 2) античный, еще не опредѣлившійся характеръ тѣхъ же изображеній въ миніатюрахъ, 3) значительныя отступленія или движеніе впередъ въ опредѣленномъ аскетическомъ направленіи въ Синайской мозаикѣ въ особенности, и 4) перевѣсъ, который съ теченіемъ времени, пріобрѣли иконографическіе типы миніатюръ, благодаря ихъ распространенности, и переходъ ихъ въ русскую иконопись. Въ частности же, для самой Синайской мозаики путемъ этого сличенія мы приходимъ къ выводу, что ея типы уже значительно отошли по пути *историческаго* направленія живописи, установившагося въ VI—VII столѣтіяхъ, и покидая античныя, символическія формы, держатся древнихъ образцовъ, представляемыхъ Равенною, лишь въ общемъ пбшибѣ. Иначе говоря, эти типы восполняютъ тотъ наиболѣе темный промежутокъ или пробѣлъ, который, подъ именемъ иконоборческой эпохи, составляетъ переходъ отъ вѣка Юстиніанова къ періоду Македонской династіи и извѣстенъ намъ лишь по слабымъ и второстепеннымъ даннымъ нѣсколькихъ лицевыхъ рукописей VIII—IX столѣтій.

Эти общіе выводы и взгляды подтверждаются, затѣмъ, содержаніемъ и стилемъ центральной мозаики. Рисунокъ г. Поливанова передаетъ довольно близко композицію фигуръ и отчасти стиль, но грѣшитъ въ деталяхъ и особенно въ типахъ лицъ, что въ данномъ случаѣ едва ли не важнѣйшее обстоятельство для сужденія о времени происхожденія мозаики Преображенія.

Христосъ, облеченный въ бѣлый хитонъ и бѣлый же гиматій съ золотыми клавами, стоитъ внутри голубаго миндалевиднаго ореола, благословляя именословно десницею передъ собою и держа въ лѣвой рукѣ свитокъ; фонъ ореола около фигуры сдѣланъ темносинимъ, для усиленія интенсивности одеждъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и отдѣленъ особою чертою; вторая полоса рядомъ голубаго цвѣта и третья, крайняя или внѣшняя—

свѣтло-голубая. Такимъ образомъ, для этого тройнаго пояса сіяній всего естественнѣе принять древнія наименованія εἴδεα и νεφελαί,— какими обозначены четыре неба у подножія Христа — Судіи въ рукописи Косьмы Инд.[1]). Далѣе, отъ тѣла Христа исходятъ шесть серебряныхъ лучей, а голова его окружена серебрянымъ нимбомъ съ золотымъ крестомъ. Типъ Христа представляетъ крайне важное посредствующее звено между древнѣйшими историческими типами, какіе знаемъ въ мозаикахъ Равенны и рукописяхъ V—VI столѣтій, и сложившимся окончательно въ IX вѣкѣ каноническимъ изображеніемъ. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе самой серіи предшествующихъ изображеній, замѣтимъ, какъ самое существенное, родство типа Синайскаго съ фигурою Христа въ Евангеліи Рабулы съ одной стороны и миніатюрами Хлудовской Псалтыри. Лицо еще округлое, не удлиненнаго типа, глаза большіе и широко-открытые, бровы густыя, волосы, падающіе на плеча, борода небольшая, остроконечная. Разница съ указанными образцами будетъ заключаться въ темно-каштановомъ цвѣтѣ волосъ и тонкомъ, длинномъ носѣ, но существенныя черты прежняго типа еще сохранены, какъ удержано и мягкое, кроткое выраженіе лица, смѣнившееся въ мозаическомъ типѣ X—XI стол. строгостью, почти жестко-суроваго характера[2]). По сторонамъ Христа, справа стоитъ на землѣ Илія, слѣва — Моисей (на мозаикѣ въ ц. S. Apollinare in Classe въ Равеннѣ и другихъ памятникахъ расположеніе обратное) Фигуры пророковъ имѣютъ между собою много сходнаго, родственнаго: обѣ грузны, тяжеловаты и представляютъ пожилыхъ мужчинъ, но Илія моложе, и волосы его не имѣютъ сѣдины, какъ у Моисея. Илія, кро-

[1]) «Исторія виз иск.» p. 97.

[2]) Сужденіе о типѣ Христа въ Синайской мозаикѣ, за отсутствіемъ необходимыхъ иллюстрацій, мы принуждены отложить до общаго обзора всѣхъ фазисовъ развитія историческаго типа Спасителя. Здѣсь же замѣтимъ только, что эта важнѣйшая часть христіанской иконографіи остается до селѣ не тронутою, и что соч. *Дидрона* «Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu», изслѣдующее въ подробности всѣ типы и детали символическія, даетъ едва двѣ, три (260—2) страницы по вопросу о развитіи типа историческаго.

мѣ того, представляетъ собою любопытный типъ аскета, нѣсколько грубаго характера, съ клокастою бородою; поверхъ лиловокоричневаго хитона, на немъ надѣта милоть, мѣхомъ внутрь, съ покрышкою изъ матеріи того же цвѣта. Но на нашъ, покрайней мѣрѣ, взглядъ нѣкоторыя черты этого типа Иліи кажется модернизаціею, и подобный ему типъ аскета въ фигурѣ Іоанна Крестителя на барельефѣ (слоновой кости) каѳедры Максимина въ Равеннѣ рѣшительно инаго характера, инаго стиля; тамъ волосы распущены по плечамъ, борода длинная и волнистая, во всемъ видна ясная простота античной манеры; здѣсь неуклюжій образъ аскета съ претензіею на эффектъ. Еще страннѣе для насъ жестъ Иліи, который лѣвою рукою держится за шнуръ пояса (?!) и странная, явно позднѣйшая деталь, въ изображеніе милоти. Милоть, какъ объяснялъ еще Пахомій, была просто овечья шкура, надѣвавшаяся отъ вѣтра пастухами и прикрывавшая или грудь, или спину или-же бока, и потому застегивавшаяся, смотря по обстоятельствамъ, то на груди, то на лѣвомъ плечѣ; но эта натуральная шкура—что̀ очень понятно — надѣвалась всегда мѣхомъ вверхъ, какъ и представленъ на упомянутомъ изображеніи Предтеча, тогда какъ на синайской мозаикѣ видимъ обратное [1]). Еще болѣе затрудненій представляетъ для объясненія фигура Моисея. Во первыхъ, голова этого Моисея съ длинными сѣдыми волосами и окладистою, сѣдою-же бородою, напоминаетъ намъ даже фигуру Иліи въ мозаикѣ S. Apol. in Cl. въ Равеннѣ и невольно вызываетъ вопросъ: не произошло-ли здѣсь путаницы подъ рукою реставратора, причемъ Илія, бывшій налѣво отъ Христа, какъ въ той мозаикѣ, сталъ Моисеемъ. Во вторыхъ, правая рука Моисея, благословляющая по направленію къ Христу, явно передѣлана неискуснымъ возобновителемъ: она грузна и толста до нельзя, и слои мозаики

[1]) Въ куполѣ извѣстной ц. *Мартораны* или S. Maria del Ammiraglio въ Палермо находимъ изображеніе Иліи въ такой же милоти — шубѣ съ покрышкою;—мозаики эти—произведеніе 1113—1143 гг. По имѣющейся у насъ фотографіи.

кругомъ ея ясно перепутаны. Далѣе: длинные волосы пророка образуютъ такія завитки на концахъ, которымъ ужь, конечно, не найдется другаго примѣра въ древнемъ искусствѣ. Наконецъ, должно отмѣтить и то главнѣйшее обстоятельство, что во всемъ византійскомъ искусствѣ, до позднѣйшаго времени, мы знаемъ изображеніе Моисея юнымъ и безбородымъ пастыремъ; всюду: въ мозаикахъ церквей Св. Виталія и Аполлинарія, миніатюрахъ Космы Инд. [1]) и пр., Моисей — ветхозавѣтный прообразъ Христа — обязательно представляется молодымъ. Однакоже, мы находимъ и примѣръ (пока единственный) изображенія Моисея пожилымъ и даже сѣдымъ въ миніатюрахъ, а именно въ рукописи IX вѣка Словъ Григорія Богослова въ Амвросіанской библ. въ Миланѣ (за № 49 и 50) [2]), въ которой всѣ пророки, кромѣ Даніила, изображены старцами, и самъ Моисей представленъ сѣдымъ. Важность этого образца, въ сопоставленіи съ мозаикой, усиливается и тѣмъ, что иллюстраціи этой рукописи, грубо монашескаго издѣлія, копируютъ древній оригиналъ, какъ мы легко можемъ усмотрѣть изъ ихъ содержанія.

Ниже Христа,—притомъ такъ, что одна фигура Петра приходится подъ ореоломъ, а двѣ остальныя по его сторонамъ, въ промежуткахъ между Христомъ и Иліею съ Моисеемъ,—представлены въ живыхъ позахъ три апостола: Іоаннъ, Іаковъ и Петръ; вмѣсто обычнаго холма, представляющаго собою Ѳаворъ, или даже трехъ холмовъ, какъ напр. на мозаической иконѣ XII—XIII вѣка въ Луврѣ [3]), на которыхъ размѣщены Христосъ возносящійся, Илія и Моисей,—здѣсь, кромѣ Христа, всѣ фигуры стоятъ на ровной зеленоватой полосѣ земли. Въ той же иконѣ и фигуры апостоловъ сгруппированы и въ отдѣльности скомпонованы гораздо удачнѣе, а именно: Петръ

---

[1]) «Исторія виз. иск. и иконогр. по миніат.», мѣста по указат. имени «Моисей».

[2]) Тамъ же, стр. 109.

[3]) Изд. Лабартомъ, Hist. des arts industriels, Atlas pl. 120; безъ достаточныхъ причинъ отнесена авторомъ къ X вѣку.

справа отъ Христа, ставъ на одно колѣно, обращается ко Христу; Іоаннъ, павъ ницъ подъ Христомъ, закрываетъ лицо свое, а Іаковъ, стоя на колѣнахъ, выражаетъ изумленіе. Но эта композиція вся соткана изъ разныхъ условностей, схемъ, принятыхъ въ художественномъ обиходѣ, непонятныхъ мастеру и имъ, поэтому, обезображенныхъ; мелкія, угловатыя и рѣжущія складки одеждъ, мыльные наливы на одеждахъ, все включительно до излюбленной охры, представляетъ застывшее искусство. Въ мозаикѣ синайской композиція груба, почти также, какъ въ римскихъ и равеннскихъ мозаикахъ V вѣка (ср. пророковъ и апостоловъ въ усыпальницѣ Галлы Плацидіи), но отличается еще жизнью: юный Іоаннъ и Іаковъ, взмахнувшіе обѣими руками и ослѣпленные лицезрѣніемъ преображеннаго Христа, хотя поставлены въ уродливой симметріи, живы и натуральны; въ фигурѣ Петра, ползущаго (sic) по землѣ и поворачивающаго кверху голову, чтобы посмотрѣть, много простаго натурализма. Эти безхитростные пріемы, свойственные искусству, перешедшему въ эпоху иконоборства въ исключительное достояніе монашества, и выработанному имъ аскетическому направленію, отражаются и въ типахъ, и въ одеждахъ. Типы апостоловъ, прекрасно сохранившіеся и явно чуждые всякой реставраціи, сохранили еще античные контуры, данные мозаиками Равенны, и древнюю характерность; но по лицу молодаго Іоанна уже прошли тѣ характерныя морщины около рта, которыя знакомы намъ въ миніатюрахъ IX—X столѣтій; носъ сталъ тоньше, суше и длиннѣе, хотя большіе глаза, мягкость чертъ остались прежнія. Одежды апостоловъ, какъ и всѣхъ описанныхъ фигуръ въ мозаикѣ сохранили также широкую античную драпировку, которая, правда, утратила красоту складокъ, покой, ищетъ уже эффектовъ въ складкахъ, прилегающихъ плотно къ тѣлу, но моделлирована съ умѣньемъ и вмѣстѣ простотою.

Итакъ, какія историческія данныя и указанія стиля почерпаемъ мы изъ самаго памятника для опредѣленія его эпохи? Мы видѣли: 1) что типы синайской мозаики, хотя находятся

еще въ тѣсной связи съ иконографіею равеннскихъ мозаикъ, однакоже удаляются отъ нихъ по пути дальнѣйшаго развитія историческихъ идеаловъ; 2) что въ этомъ развитіи замѣчается, кромѣ дифференцированія общаго античнаго типа, даннаго Равенною (мозаики въ усыпальницѣ Галлы Плацидіи), и несомнѣнное вліяніе аскетическаго принципа, внесеннаго въ искусство православнымъ монашествомъ на Востокѣ, 3) но также, что въ исторіи развитія стиля синайская мозаика далеко не достигаетъ ни той схематической манеры, ни тѣхъ художественныхъ пріемовъ, которыми отличается византійскій стиль IX—X столѣтій [1]). Одежды имѣютъ широкую, античную драпировку, округлыя и свободныя складки, и цвѣта этихъ одеждъ носятъ еще на себѣ тотъ характеръ Юстиніанова вѣка, въ теплыхъ промежуточныхъ тонахъ, который такъ рѣзко мѣняется съ IX вѣкомъ; мы не видимъ здѣсь вовсе одеждъ голубыхъ и розовыхъ, попеременно чередующихся, а напротивъ, коричневато-лиловой пурпуръ древнихъ, бѣлый и зеленый цвѣтъ по преимуществу; простота окраски напоминаетъ еще работы V—VI столѣтій. Тому-же соотвѣтствуетъ широкая моделлировка, еще довольствующаяся простыми пріемами древнехристіанской мозаики.

Итакъ, по стилю и типамъ мозаика Синайскаго монастыря должна относиться *къ концу древнѣйшаго періода* византійскаго искусства. Эта эпоха, какъ нельзя болѣе ясно, представлена въ сюжетѣ и самой его композиціи.

---

[1]) Въ виду крайней малочисленности—кромѣ миніатюръ—памятниковъ собственно византійскаго искусства, въ эпоху VII—IX стол., должно и можно пользоваться мозаиками римскими, въ которыхъ уже теперь, при нашемъ относительно слабомъ знаніи древнѣйшаго византійскаго искусства, мы открываемъ постоянное и сильное его вліяніе. Таковы мозаики: Св. Нерея и Ахиллея (795 — 816), ораторіи папы Іоанна VII въ Ватиканѣ (706 — 7), S. Maria in Dominica (817—824), Св. Пракседы (тоже), Св. Цециліи (тоже), Св. Марка (827 — 844), Св Маріи въ Трастевере (855 — 8) и другихъ. Синайскую мозаику должно поставить между этими памятниками и мозаиками: Аполлинарія во флотѣ въ Равеннѣ (671—7), Рима: Св. Агнесы (626—638), ораторіи Св. Венанція въ Латеранѣ (637—642), Св. Стефана Круглаго (642—9) Св. Севастіана въ ц. S. Pietro in Vincoli (680 г.).

Извѣстно, что именно въ VII—VIII стол. закончена была въ сочиненіяхъ Софронія, патріарха Іерусалимскаго и Германа Константинопольскаго [1]) мистическая теорія храмовой архитектуры, и различнымъ частямъ церкви приданы соотвѣтствующія литургическія назначенія или духовный смыслъ; согласно съ этимъ осмысленнымъ типомъ церкви, совершалась и роспись ея, и вызывалось появленіе въ искусствѣ новыхъ сюжетовъ. Изъ нихъ сюжетъ Преображенія Господня замѣнилъ, какъ историческая композиція изъ Евангелія, символическое изображеніе Христа, дающаго законъ и возвѣщающаго миръ Петру и Павлу; это былъ образъ откровенія Славы Господней въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, наиболѣе приличный для украшенія алтаря. Но какъ сюжетъ этотъ, главнымъ образомъ, заключалъ въ себѣ любимую идею Восточной Церкви о примиреніи стараго съ новымъ, іудейства съ христіанствомъ, такъ и изображенія его до позднѣйшаго времени относятся прямо или косвенно къ византійскому искусству. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ сомнительнаго барельефа, изданнаго Даженкуромъ, и саркофага изъ Остіи (у Миллена)—неопредѣленной эпохи (по крайней мѣрѣ, для меня, не видавшаго самыхъ памятниковъ) [2]), мы имѣемъ, кромѣ Синайской мозаики, лишь два монументальныхъ изображенія сюжета: въ алтарной мозаикѣ ц. Св. Аполлинарія во флотѣ въ Равеннѣ (574—595 гг.) и мозаикѣ тріумфальной арки ц. Свв. Нерея и Ахиллея въ Римѣ (795 — 816). Кромѣ того, встрѣчаемъ сюжетъ Преображенія въ миніатюрахъ греческихъ рукописей: *Евангелія* IX—X стол. въ Имп. Пуб. Библ. за № 21 (сохранилась лишь нижняя часть сюжета), *Слова Григорія Богослова* въ Нац. Париж.

---

[1]) Софронія п—ха (629—638), λόγος περιέχων την ἐκκλησιαστικὴν ἱστορίαν v. Aug. *Mai* Spicil. Rom. t. IV, 31 и *Migne*, P. gr. c. c. t. III, p. 3981 — 4001. *Германа* (715—740) Ἱστορία ἐκκλησιαστικὴ καὶ μυστικὴ θεωρία, *Migne* ibid. t. 98, p. 384 sq.

[2]) См. въ перечнѣ изображеній у *Martigny*, Dict. d. ant. chr., v. Transfiguration, при чемъ авторъ указываетъ рѣдкость изображеній сюжета на западѣ.

библ. № 510, IX вѣка и другихъ позднѣйшихъ. Остальные памятники относятся уже къ XII—XIII столѣтіямъ, но также исключительно греко-восточнаго происхожденія.

Много разъ было уже указано на символическій характеръ равеннской мозаики, въ которой Христа заступаетъ крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями и снабженный ореоломъ и медальономъ въ перекрестьѣ съ погрудным изображеніемъ Христа; Моисей и Илія представлены здѣсь, по подобіе эмблемъ Евангелистовъ, въ облакахъ, закрытые ими на половину, — это, слѣдовательно, эмблемы откровенія Ветхаго Завѣта. Мозаика эта, однакоже, сближается съ синайскою, въ томъ, что по сторонамъ арки, содержащей Преображеніе и Св. Аполлинарія среди агнцевъ, изображены два архангела: Михаилъ и Гавріилъ, держащіе лабарумы: тоже какъ-бы архангелъ ветхозавѣтный и новозавѣтный? Вообще же, удостовѣриться въ греческомъ типѣ всей композиціи этой картины можно лишь сравненіемъ съ другими равеннскими мозаиками, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить особо въ другомъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ, только нѣкоторыя детали этой мозаики и композиціи другой въ церкви Св. Нерея носятъ на себѣ вліяніе традицій римской школы [1]), и, что особенно замѣчательно, по сторонамъ Преображенія въ послѣднемъ случаѣ изображены Благовѣщеніе (по гречески, съ веретеномъ) и Слава Божіей Матери съ младенцемъ на рукахъ, охраняемой Архангеломъ—т. е. повторены опять два архангела. Эти подробности имѣютъ капитальное значеніе для пониманія многихъ сюжетовъ равеннскихъ и Константинопольскихъ мозаикъ, о чемъ позволимъ себѣ также сказать въ своемъ мѣстѣ. Но изображеніе сюжета въ ц. Св. Нерея представляетъ и манеру болѣе древнюю: тема обработана въ стилѣ древне-христіанскаго барельефа; всѣ фигуры помѣщены на одномъ уровнѣ, и Апостолы приближаются, только преклоняясь до земли, къ

[1]) Изображена (кромѣ фотографіи Парнелля) въ изд. *Garrucci*, Storia della arte cristiana, tav. 284.

Христу; въ Синайской мозаикѣ художникъ уже переходитъ къ раздѣленію композиціи на двѣ части: верхнюю и нижнюю, или Христа съ Пророками и Апостоловъ, что затѣмъ и развито окончательно въ указанныхъ миніатюрахъ, мозаической иконѣ Лувра и Флорентійской ризницы, согласно съ общимъ параднымъ стилемъ IX — X стол. «Ерминія» или подлинникъ Діонисія Фурноаграфіота описываетъ сюжетъ такъ: «Преображеніе. Изображается гора съ тремя вершинами; на средней стоитъ Христосъ въ бѣлыхъ ризахъ и благословляетъ. Изъ него исходитъ свѣтъ съ лучами. *По правую* сторону Его Моисей, держащій скрижали, а по лѣвую Илія стоятъ на вершинахъ, оба молясь, и смотрятъ на Христа. Ниже Петръ, Іаковъ и Іоаннъ припали къ горѣ, но смотрятъ вверхъ въ изумленіи». Итакъ, уже въ подлинникѣ значительно смягчено грубое выраженіе страха, которое уподобляетъ Христа съ Апостолами Императору съ его подданными, но извѣстно также, какъ изъ этого византійскаго образца Рафаэль съумѣлъ сдѣлать дивную религіозную картину.

Всѣ общія соображенія и доводы были-бы въ данномъ вопросѣ, можетъ быть, второстепенными, если-бы мы владѣли въ строчной надписи, окаймляющей снизу центральную мозаику Преображенія, и другой на правомъ концѣ фриза медальоновъ, дѣйствительно, точную дату. На самомъ дѣлѣ, этого нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, извлечь ее въ настоящее время изъ надписей не представляется способовъ.

Первая надпись читается:

ЕN ONOMATI $\overline{\text{πρc}}$ K$\overline{\text{υυ}}$ KAΓI8 $\overline{\text{πNc}}$ ΓEΓONEN TO ΠANEPΓON T8TO YΠEP CΩTHPIAC TΩN KAPΠOΦOPHCANTO EΠI ΛOΓΓIN8 T8 OCIΩTΠPE^{c}B^{c} KHΓ8M^{c}

Вторая:

CΠ8ΔH ΘEOΔΩPOY ΠPECB KΔETT(Y?) INΔΔI

Мы считаемъ первую надпись по формѣ буквъ позднѣйшаго происхожденія, противъ указанныхъ въ ней фактовъ и именъ, какъ и надпись на воротахъ, называющую игумена Ду-

ла при Юстиніанѣ. Всѣмъ достаточно извѣстны подобные примѣры надписей на христіанскомъ Востокѣ; факты, въ нихъ указываемые, иногда исторически точны, иногда-же сообщаютъ только преданіе, хотя изъ послѣдняго обстоятельства еще не вытекаетъ прямо ихъ недостовѣрность. Извѣстно также, какія трудности и неясности представляетъ палеографія монументальныхъ византійскихъ надписей.

Но мы имѣемъ рядъ косвенныхъ доказательствъ о позднѣйшемъ происхожденіи первой надписи. Эберсъ (l. c. p. 293—5) списалъ упоминаемыя Пококомъ надписи на прежнихъ балкахъ потолка, которые въ сороковыхъ годахъ были замѣнены новыми, и въ этихъ надписяхъ, кромѣ именъ Юстиніана и (покойной) Ѳеодоры, упоминается какой-то рабъ Стефанъ и архитекторъ монастыря Айлисій и неизвѣстная иначе (его жена) Нонна. Пусть эта надпись тоже возникла нѣсколько позднѣе фактовъ, ею сообщаемыхъ; она даетъ, однакоже пункты опоры въ годѣ смерти Ѳеодоры (548) и въ имени Стефана, котораго тотъ-же авторъ весьма правдоподобно отождествляетъ съ извѣстнымъ святымъ аскетомъ, упоминаемымъ у Іоанна Климака и скончавшимся около 580 г. Дѣйствительно возможно, поэтому, что и Айлизій строитель съ Нонною умерли также между 560—580 годами. Такъ какъ, затѣмъ въ этихъ надписяхъ Эберса указана только смерть Ѳеодоры, словами (ὑπὲρ μνήμης), а остальныя лица: Юстиніанъ (ὑπὲρ σωτηρίας), Айлизій и Нонна (σῶσον καὶ ἐλέησον) предполагаются еще въ живыхъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ смерть не указана, то время, данное въ надписи, а слѣдовательно, и время окончанія самого потолка мы должны полагать между 548 и 565 (годъ смерти Юстиніана), притомъ ближе къ первой датѣ, такъ какъ смерть Ѳеодоры почти называется недавней: τῆς ἀναπαύσεως γενομένης.

Но если эти надписи указываютъ намъ на первые 550-е годы, то какъ согласовать ихъ съ мозаикою и ея надписями? Еп. Порфирій («Первое Путеш.» стр. 82—6) предлагаетъ слѣд. истолкованіе ихъ: первая надпись говоритъ, что мозаи-

ка кончена при Лонгинѣ, игуменѣ и пресвитерѣ, а извѣстно, что Юстиніанъ до 553 г. присвоилъ Синайской обители достоинство епископіи, такъ какъ въ этомъ уже году игуменъ-епископъ Константинъ подписалъ опредѣленіе четвертаго Константинопольскаго собора. Вторая надпись свидѣтельствуетъ, что пресвитеръ Ѳеодоръ исполнилъ ее въ 24-мъ году[1]) 14-го индикта, и по мнѣнію еп. Порфирія, указываетъ на 551 годъ—двадцать четвертый годъ царствованія Юстиніана, — въ который приходится, дѣйствительно, 14-й индиктъ. Объясненія эти не только остроумны, но и наиболѣе правдоподобны.

Но какъ объяснить себѣ тогда изображенія въ медальонахъ самого Лонгина и Іоанна діакона, который, по всей вѣроятности, и есть самъ извѣстный Іоаннъ Климакъ, жившій приблизительно до 580-хъ годовъ? Предположить, что они были изображены здѣсь еще при жизни, мы отказываемся, въ виду отсутствія подобныхъ примѣровъ въ восточно-православной древности. Можно думать, что эти два медальона прибавлены впослѣдствіи, но тогда и первая надпись съ именемъ Лонгина дѣлается явно подозрительною.

Но существенно важное, наконецъ, и ясное противорѣчіе датъ, выводимыхъ изъ надписей и указывающихъ настоятельно на 550-е годы, съ самымъ стилемъ мозаики, который, по нашему мнѣнію, носитъ на себѣ характеръ VII столѣтія (по крайней мѣрѣ, его начала), заставляетъ насъ относиться съ недовѣрчивостью ко всѣмъ этимъ надписямъ. Странно уже то обстоятельство, что по именамъ, въ нихъ приводимымъ, мы имѣемъ конецъ VI столѣтія, а по датамъ его средину. Извѣстная неполнота надписи съ именемъ Ѳеодора (указаніе года безъ опредѣленія того, откуда его считать) — настолько не обычна, что можетъ быть объяснена только передѣлкою или

[1]) Сличая надписи собранныя въ Corpus inscr. gr., мы также полагаемъ, что ΚΔ ΕΤΥ должно обозначать ΚΔ ΕΤΟΥϹ, т. е. двадцать четвертаго года, или въ 24 году, а не двадцать четыре года, чему противорѣчило бы обозначеніе индикта въ простѣйшей формѣ, безъ всякаго указанія на счетъ индиктіонныхъ цикловъ, какъ полагаетъ проф. Усовъ.

прямо реставрацію. На тоже обстоятельство указываетъ и палеографія первой съ именемъ Лонгина, рѣзко разнящаяся съ начертаніемъ буквъ въ именахъ Пророковъ и Апостоловъ въ стилѣ письма V—VI стол.

Но когда могли быть исполнены эти передѣлки и реставраціи? Никакихъ прямыхъ указаній по этому важнѣйшему пункту въ изслѣдованіи всякой древней мозаики намъ найти не удалось, но, быть можетъ, тѣ, которымъ удастся разобрать акты, грамоты и счетныя книги монастыря, будутъ счастливѣе насъ. Однакоже, мозаическія работы въ Синайской обители не ограничивались только алтарнымъ украшеніемъ. Свидѣтельствомъ этого служитъ мозаическое украшеніе небольшой алтарной ниши (опять только полукупольнаго ея свода) въ капеллѣ Неопалимой Купины; на золотомъ фонѣ этой ниши изображенъ равноконечный крестъ въ кругу, а съ правой стороны имѣется надпись (см. факсимиле въ соч. еп. Порфирія, стр. 245): ἐτελειωθη τω παρον εργων τουτω εν ημερες σολομωντος τϐ επισκοπϐ ενταυθα ετος Τ(?)ΝΩV (?); буквы года на столько разсыпались, что прочесть невозможно, но еп. Порфирій въ Ω видитъ 800-е годы послѣ Р. Хр. Затѣмъ, въ концѣ XVII столѣтія такъ много, видимо, обновлялось въ Синайскомъ монастырѣ, что было-бы даже трудно, зная исторію мозаикъ Сициліи и Южной Италіи, предполагать, что Синайская мозаика могла избѣгнуть передѣлокъ въ это время. Наконецъ, мы знаемъ, что Лабордъ видѣлъ ее въ такомъ закопченномъ и, вѣроятно, разрушенномъ видѣ, что считалъ невозможнымъ сдѣлать съ нея ясный рисунокъ. И опять таки, припоминая себѣ безчисленныя аналогіи новѣйшихъ передѣлокъ въ мозаикахъ Италіи, мы не можемъ съ полнымъ довѣріемъ относиться къ свидѣтельству, что іеромонахъ Самуилъ при поновленіи Синайской мозаики ограничился будто-бы только тѣмъ, что «высвѣтлилъ и закрѣпилъ» ее; объ этомъ подвигѣ свидѣтельствуетъ надпись золотыми буквами на мраморной дощечкѣ въ той-же нишѣ: «Αρχιεπισκοπϐντος τοῦ παναγιώτου Κ. Κωνσταντίϐ Byzant. διὰ χειρῶν Σαμϐὴλ ἱερομον. τοῦ ἐκ Ρωσσιας. 1847.

Пожелаемъ, въ заключеніе, чтобы замѣчательный памятникъ былъ когда нибудь удовлетворительно снятъ и изданъ, — что̀ повело бы, можетъ быть, къ разрѣшенію всѣхъ сомнѣній о времени его происхожденія и дало-бы, навѣрное, въ руки археологіи драгоцѣнный матеріалъ.

Библіотека рукописей Синайскаго монастыря.

Болѣе, чѣмъ прочимъ древностямъ Синайскаго монастыря, посчастливилось его знаменитому хранилищу рукописей [1]). Правда, большинство изслѣдователей и ученыхъ, посѣщавшихъ Синайскій монастырь, руководилось и въ этомъ дѣлѣ не столько общимъ научнымъ обозрѣніемъ всей библіотеки, сколько поисками по отдѣльнымъ областямъ: ими ограничился напр. извѣстный Тишендорфъ, еп. Порфирій, въ послѣднее время (по 2 глаголическимъ рукописямъ) г. Гейтлеръ изъ Загребской Академіи. Арх. Антонинъ (см. его Записки въ Трудахъ Кіев. Акад.) перенумеровалъ всѣ греческія рукописи и составилъ рукописный каталогъ нумеровъ, хранящійся въ

[1]) Для многихъ, вѣроятно,—какъ и для меня, до путешествія,—остается неяснымъ, какъ хранятся въ Синайскомъ монастырѣ рукописи, иначе говоря, что̀ представляетъ изъ себя это хранилище,—пунктъ весьма, какъ извѣстно, важный для изслѣдователя. Благодаря арх. Антонину, порядокъ содержанія рукописей улучшился, но не достигъ особеннаго совершенства. Рукописи пергаменныя хранятся въ описанной «лѣчебницѣ»; это одна комната при залѣ («Синодика», на Западѣ «Капитульной»), и въ ней стоятъ ящики, набитые кодексами по формату; здѣсь все лучшее и важное, кромѣ Евангелія Θеод. III, Псалтыри Кассіи и Глагольскихъ рукописей, которыя хранятся у о. ризничаго. Далѣе, мембраны плохой сохранности и листки находятся въ кладовой, гдѣ въ шкапахъ стоятъ грузино-армянскія и арабскія рукописи. Наконецъ, остальныя греч. рукописи находятся въ шкапахъ вмѣстѣ съ книгами новѣйшими и инкунабулами и славянскими рукописями въ библіотекѣ, на другомъ концѣ монастыря. Прибавлю,— что это всѣ тѣ мѣста храненія, которыя я самъ видѣлъ и обозрѣвалъ, но я нисколько не ручаюсь, что въ монастырѣ нѣтъ и другихъ книгохранилищъ, хотя меня положительно увѣряли, что рукописей больше нѣтъ; завѣдующіе монастыремъ могутъ сами не знать существованія другихъ складовъ.

одномъ экземплярѣ въ Синайскомъ монастырѣ. Въ недавнее время (въ 1880 году) проф. Гардтгаузенъ, извѣстный палеографъ изъ Лейпцига, авторъ лучшаго нынѣ сочиненія по греческой палеографіи, пересмотрѣлъ (какъ мы знаемъ изъ словъ самихъ монаховъ) всѣ греческіе манускрипты, но, какъ кажется, еще не публиковалъ добытыхъ имъ результатовъ. Но все это не замѣняетъ, понятно, необходимаго описанія всего состава Синайскаго книгохранилища, которое, однакоже, несмотря на всѣ хищенія, сохраняетъ много интереснаго и, конечно, заслуживало-бы имѣть по крайней мѣрѣ каталогъ, подобный тому, какой составленъ недавно для аѳонскихъ библіотекъ Ламбросомъ.

Моею спеціальною задачею было обозрѣть лишь греческія рукописи съ миніатюрами, но какъ для ихъ отысканія мнѣ пришлось пересмотрѣть все, отъ перваго до послѣдняго нумера, то, въ виду отсутствія какихъ либо свѣдѣній о составѣ Синайской библіотеки, я считаю своимъ долгомъ начать съ общаго ея обозрѣнія и указать тѣ рукописи, которыя по чему либо показались мнѣ наиболѣе заслуживающими вниманія или не упомянуты арх. Антониномъ въ извлеченіи изъ его описанія, сообщенномъ при «Запискахъ».

Составъ рукописной греческой библіотеки въ порядкѣ слѣдованія рукописей *по нумерамъ* слѣдующій: 1) Отдѣлъ общій — Ветхій Завѣтъ: a. Законъ и Пророки — 20 рукописей. b. Псалтыри — 127 нумеровъ. 2) Новый Завѣтъ: a. Четвероевангелій 56 рукописей. b. Евангелій κατ' ἀναγνώσεις — 55. c. Евангелій съ Апостоломъ — 14. d. Дѣяній Апостольскихъ — 28. 3) Толковниковъ и схоліастовъ 17. 4) Отцовъ Церкви — 87 ркп. 5) Патериковъ и ἀσκητικὰ — 95. 6) Житій Святыхъ: похвальныхъ словъ, Διηγήσεις, Συναξάρια — всего 58 ркп. 7) Миней разл. ред. 90 нумеровъ. 8) Ἀνθολόγια καὶ διάφοροι ἀκολουθίαι — 91 рукопись. 9) Τριῴδια καὶ πεντηκοστάρια — 42. 10) Παρακλητικαὶ καὶ Ὀκτώηχοι — 62 нумера. 11) Θεοτοκάρια — 23. 12) Ὡρολόγια, μηνολόγια, εἱρμολόγια καὶ κοντακάρια — 92 ркп. 13) Εὐχολόγια — 55. 14) Литургиче-

скихъ — 82. 15) Типиковъ 16 нум. 16) Νομικά — 27 рук. 17) Догматическихъ 13 рук. 18) Κυριακοδρόμια — 30 нум. 19) Смѣсь — 18 нум. 20) Псалтика 94. и 21) Историческихъ 11 отъ № 1183 — 1193.

Разсматривая эти отдѣлы рукописей библіотеки по нумерамъ, мы останавливались на многихъ, замѣчательныхъ или въ палеографическомъ отношеніи, или же по своему составу и содержанію, но какъ намъ (въ виду указанныхъ въ предисловіи обстоятельствъ) было невозможно изслѣдовать ихъ, то мы и ограничимся только указаніемъ соотвѣтствующихъ нумеровъ; отдѣлы теперь подведены подъ общую нумерацію, отъ 1-го и далѣе до конца.

1. Осьмикнижіе съ 4 книгами царствъ XII в., въ л.

2. Пятокнижіе, со схоліями in 4°, XII или XI в.

3. *Книга Іова* съ толкованіями и миніатюрами (см. ниже).

14. Профитологіонъ, XII в., съ именемъ писца Георгія Амартола.

16. Профитологіонъ, съ записью:

Ἐγράφη διὰ ἐξόδου καὶ συνδρομῆς Νικολάου ἀναπηω (?)...

23. Псалтырь съ толкованіями разл. Отцовъ Церкви, XII—XIII в. въ л., 756 листовъ.

32. Псалтырь въ 12-ю д., VII — VIII в., унціальнаго косаго письма, съ удареніями облеченными и тяжелыми; писана на грубомъ пергаменѣ и пострадала.

34. Псалтырь греко-арабская, VII—VIII в., того же наклоннаго унціальнаго письма.

35. Псалтырь эллино-арабская, in 4°, VII — VIII в., безъ удареній, того же письма.

40. Псалтырь въ 4-ю д., XIII—XIV в., съ трактатомъ «о спасеніи души».

55. Псалтырь въ 12-ю долю, на 16-й стр. запись съ 1344-мъ годомъ:

+ Θεοῦ το δῶρον καὶ χαρίτωνος πόνος;
ἐτελειώθη ἐν ἔτει ,σωνβ' ἰνδικτιώνος ιβ.

67. Псалтырь XII — XIII в., особенно мелкаго письма; ркп. им. $1^1/_2$ вер. дл. и 1 вер. шир.

68. Рукопись Псалтыри съ Мѣсяцесловомъ, въ 12-ю д., XII в.

69. Псалтырь, на бумагѣ, XVI вѣка, съ рис., изображающимъ Давида и ангела.

Между многими позднѣйшими рукописями Псалтырей (нумера отъ 101 и д.) есть до 40 XV—XVI вв., украшенныхъ цвѣтистыми и фигурными буквами по старопечатнымъ изданіямъ; наши Лицевыя Псалтыри, пошедшія въ своей редакціи отъ греческихъ оригиналовъ IX — X вѣковъ, не имѣютъ ничего общаго съ позднегреческими. Съ неизв. нумеромъ ркп. *Псалтыри*, будто бы писанная Св. Кассіею, вся на 6 пергам. листкахъ, мельчайшаго письма, принадлежитъ XIII вѣку.

Отдѣлъ Евангелій въ Синайскомъ монастырѣ великъ и представляетъ много замѣчательныхъ образцовъ.

№ 150. Четвероевангеліе съ Мѣсяцесловомъ, XII или XIII стол., съ любопытною орнаментикою каноновъ въ примитивномъ стилѣ и раскраскою примарными красками: красной, зеленой, желтой, синею; крестъ изъ плетеной тесьмы; иниціалы въ видѣ благословляющей руки. Ркп. входитъ въ среду народныхъ иллюстрацій, о которыхъ будетъ сказано ниже по поводу Евангелія Хоривскаго.

152. Четвероевангеліе съ любопытною записью 1346 года.

[1]Ἐτελειώθη ἡ παροῦσα βίβλος τοῦ ἁγίου
τετραευαγγέλου διὰ χειρὸς ἐμοῦ
Γεωργίου τοῦ Γαλησιώτου. ἐξ ἐπι-
ταγῆς τοῦ περιποθήτου θείου κραταιοῦ
καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντους καὶ βασιλέως,
πανυπερσεβάστου κῦρ Ἰσαακίου
Παλαιολόγου τοῦ ἀσάν. κατὰ μῆνα
αὔγουστον τῆς τέσσαρες καὶ δεκά-
της ἰνδικτιῶνος τοῦ ἑξακισχιλιοστοῦ
ὀκτακοσιοστοῦ πεντηκοστοῦ τετάρτου ἔτους; [1])

[1]) Правописаніе подлинника сохраняется при передачѣ всѣхъ записей.

6854 годъ=1346 по Р. Х. и соотвѣтствуетъ 14 индиктіону. Что касается рода Асана, то, кромѣ Михаила пангиперсеваста (1341 годъ, *Muralt*, Chron. byz. II p. 582), въ Актахъ, изд. *Миклошичемъ* и *Миллеромъ* (1312 — 3, 1351 года) упоминается и Исаакъ нашей записи съ тѣмъ же саномъ: ὁ περιπόθητος θεῖος πανυπερσέβαστος κῦρ Ἰσαάκιος Παλαιολόγος ὁ Ασάνης ἐκεῖνος.

155. Четвероевангеліе in 8, съ записью: Βροντίης (?) Θεώφανος Ἰωάννης πανάριστος: πρωτοτόκου Σοφίης ὑπεράρχων εὗρατο ἀρχὴν: πρωτοφανῆ γενετῆρα Θῦ... αὐτογένεθλον.

162. Четвероев. in 4°, XII в, съ именемъ писца Макарія, монаха и іеродіакона, безъ года.

170. Четвероев., XII или даже XIII стол., въ малую четв., мелкаго письма, съ изображеніемъ Евангелистовъ. На тонкомъ, почти просвѣчивающемъ пергаменѣ.

174. Четвероев., въ 32-ю д., XI в. съ прекрасною миніатюрною орнаментикою каноновъ.

175. Четвероев., XII в. съ именемъ писца Арсенія.

178. Тоже, XIV в., съ дурными миніатюрами—изображенія Евангелистовъ; надъ Матѳеемъ надпись μα θεως (sic); каноны въ видѣ плетеній.

188. Евангеліе XI вѣка, хорошаго письма и красиво орнаментированное, но въ извѣстномъ уже родѣ.

193. Четвероев., со схоліями и записью 1124 года.

Ἐγράφη ἡ θεία αὕτη τῶν ἱερῶν εὐαγγελίων
βίβλος διὰ χειρὸς τοῦ εὐτολοῦς (εὐτελοῦς) καὶ ἀνωξοῦς (?) γέροντος
καλοῦ σπουδῆ καὶ προθυμία τοῦ ὁσιωτάτου ἐν μο —
ναχοῖς μοναχοῦ κοσμᾶ πόθῳ πολλῷ καὶ κόπῳ
ἀγωνισαμένου κτῆσιν τὴν τάφου συνδελ (?):
οἱ καὶ ἀναγινώσκοντες εὔχεσθε εἰς τὸν κύριον, εὔχεσθε ὑπὲρ τῆς
ψυχῆς μου τοῦ ταπεινοῦ καλουγέροντος· λελειωθεῖσα
μὴν ἰουλίῳ κγ ἔτ' ,σχλβ'· δόξα τῷ θ̄ῳ παντ'
ἕνεκα, αμήν.

199. Четвероев. харатейное, хорошаго письма, съ записью 1548 года:

,αφμη'. πάπας γεώργιος.

№ 204, которымъ начинается теперь отдѣлъ Евангелій по чтеніямъ (Εὐαγγέλια ἐκλογάδια, κατ' ἐκλογὴν, τὸ κατ' ἀναγνώσεις), представляетъ драгоцѣнность Синайской библіотеки, такъ наз. «Евангеліе Θеодосія III», будто бы даръ этого императора монастырю, писанное золотомъ и украшенное миніатюрами. Объ этой рукописи, относящейся къ X—XI вѣку, см. въ отдѣлѣ миніатюръ.

211. Евангеліе древнѣйшаго унціальнаго письма, VIII стол., съ удареніями, писецъ рабъ Б. Леонтій.

213. Менѣе драгоцѣнная, но болѣе замѣчательная въ историческомъ отношеніи рукопись такъ наз. «*Хоривскаго Евангелія*» 967 года, замѣчательнаго унціальнаго письма, съ любопытными иниціалами и заставками. См. ниже.

216. Евангеліе XII вѣка, съ нѣсколькими миніатюрами обычнаго типа.

218. Евангеліе Апракосъ, gr. in 4°, им. 700 листовъ, великолѣпнаго письма и орнаментировано роскошно въ XII стол. Выходная заставка изображаетъ 2 павлиновъ по сторонамъ источника. Зачала въ крестахъ, исполненныя золотомъ, окаймленныя богатыми пологами. Иниціалы обычнаго типа изъ суставчатыхъ растительныхъ формъ, наведены золотомъ по контурамъ, но не иллюминованы красками, какъ и въ Ев. Θеодосія.

220. Новый Завѣтъ, въ л., 1167 года, съ любопытною записью, указывающею, можетъ быть, на извѣстный въ древности монастырь Пророка Иліи близь Виѳлеема[1]), гдѣ принялъ схиму писецъ нотаріусъ Василій:

Ἐπληρώθη τὸ παρὸν ἅγιον εὐαγγέλιον διὰ χειρὸς βασιλείου ἁμαρτωλοῦ νοταρίου τοῦ σκν... (?); καὶ ἤ τις τῶ ἀναγινώσκη εὔχεσθαι μοι ψυχὴν σῶσαι μοι τῶ ἁμαρτωλῶ; ἵνα εὕρω ἔλαιως

[1]) Монастырь этотъ *Марѳ Еліасъ*, существующій и теперь, основанный, по преданію, пророкомъ, на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, іер. патріархомъ Иліею († 518), былъ разрушенъ при Франкахъ землетрясеніемъ и возстановленъ Имп. Эммануиломъ Комненомъ около 1160 года. См. Sepp, Ierusalem u. d. Heilige Land, 1873, I p. 535—8. Слово κελλι = κελλιώτου или κελλιωτῶν?

(sic) ἐν τῇ ἡμέρα τῆς κρίσεως, ὁμοίως καὶ οἱ ἀναγινώσκοντες αὐτῶ σὺν τῶ αὐθέντι τουτὸ τημιωτάτω καθηγουμένω τῆς ἐν τῇ ἁγία βιθλεὲμ ἐν τῇ ἁγία σεβασμία (?) μονῇ τοῦ ἁγίου (τῶν ἁγίων?) κελλι (?); μηνὶ φευρουαρίω ἰνδ. ιε τοῦ ,σχοε' ἔτους.

225. Евангеліе XIV в., любопытнаго, по близости къ болгарскому полууставу, письма; заглавныя буквы простѣйшаго типа, разцвѣчены красною и зеленою красками. Въ концѣ воззванія: εὔχεσθαι παρακαλά διὰ τὸν κύριον ὑπὲρ τοῦ γράψαντος στρατηγοῦ (?) ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ, но ни имени, ни года не дано. Подобная ркп. № 224.

227. Евангеліе съ мѣсяцесловомъ XI в.; иниціалы превосходнаго рисунка, не окончены.

228. Великолѣпная ркп. Евангеліе XI в., въ л., образцоваго письма въ два столбца, какого немногіе образцы находятся и въ европейскихъ библіотекахъ. Заставки и иниціалы исполнены по наведенному особо золотому фону, нервыя, однако же, сухаго и скуднаго рисунка (стрѣловидныя листья и цвѣтки въ кружкахъ); вторыя по тонкости работъ соперничаютъ съ лучшими кодексами XI в. константинопольскаго происхожденія.

231. Евангеліе въ л., съ записью, 1032—3 года:

καὶ τοῦ γράψαντος αὐτὴν μοναχοῦ Γερασίμου καὶ ἁμαρτώλου μοναχοῦ ὁμοῦ καὶ διακόνου; ἐπὶ βασιλεία εὐσεβεστάτων καὶ αὐτοκρατόρων τῶν ρωμαίων μιχαὴλ καὶ ζωῆς; ἔτους ἀπὸ ἀδάμ ,σφμα' ἰνδ. ιε; ὥσπερ ξένοι ἐγλίχοντο πατρίδα δ περισθῆναι (?) οὕτο καὶ οἱ γράψαντες βιβλίου τέλος.

Имя писца Герасима, но другаго (?) столѣтія, см. въ спискѣ *Гардтгаузена*, Griech. Palaeogr. стр. 232; тамъ же см. конечный стихъ, въ иной редакціи, стр. 378.

Годъ σφμ=1032 и соотвѣтствуетъ инд. 15-му. Но этотъ 1032 годъ есть пятый годъ царствованія Романа Аргиропуло, тогда какъ царствованіе Михаила и Зои, упоминаемое въ записи, относится (по Муральту) къ 1034—1041 годамъ. Поэтому мы полагаемъ возможнымъ читать годъ σφμα=1033, считая 15-й индиктъ уже пропущеннымъ. Въ Апрѣлѣ 1034 года,

слѣд. по византійскому счету, еще въ 1033 году Романъ былъ задушенъ Михаиломъ, и этотъ послѣдній женился на его женѣ, извѣстной Зоѣ. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ вопросъ объ этомъ годѣ оставить открытымъ для рѣшенія болѣе компетентными судьями.

234. На послѣднемъ листѣ этого Евангелія читается запись съ 1155 годомъ:

Νόμοις σοῖς καὶ δόγμασι
καὶ ὑποθήκαις:
ταῖς ἐνθάδε κειμέναις
ἄναξ ἀνάκτων:
παρασκεύασον συνι-
έναι καὶ εἴκειν:
διατηρεῖν τε ἄχρι τέρ-
ματος ζωῆς:
χθαμαλὸς λεόντιος
δεῖται σοι ταῦτα:
ὁ καὶ τῆς ἥδε κτήτωρ
σεπτῆς πτυκτίδος:
ἥ τις καὶ ἐγράφη ἐν τῷ ,σχκγ'
ἔτει, εἰς δόξαν τῆς μακαρίας
καὶ πανυμν. τριάδος: πρς, υυ καὶ ἀγ. πνϲ.

238. Въ рукописи имѣется много иниціаловъ растительныхъ формъ, изящнаго пурпурнаго цвѣта.

239. Евангеліе съ записью 1374 года, инд. 12:

Θεοῦ τὸ δῶρον καὶ ἰωασάφ πόνος;
Ἐτελειώθη ἐν ἔτει ,σωπβ' ἰνδ. ιβ μηνὶ νοεμβρ. κδ.

242. Рукопись, повидимому, XIV в., съ любопытными иниціалами въ примитивномъ типѣ.

274. Дѣянія Апостольскія съ подробнымъ оглавленіемъ, толк Θеодорита, XIII в.

302. Θеофилакта Болгарскаго схоліи къ 4 Евангеліямъ, мелкаго письма въ два столбца, съ записью и 1306 годомъ:

Ἐπληρώθη σὺν θῶ ἡ θεόπνευστος βίβλος δι' ἐξόδου τοῦ πανοσιωτάτου καὶ ἁγιωτάτου ἡγουμένου (?) τούτο μυεσιον (?) τοῦ κῦρ λουκᾶ; ἐν μηνὶ μαι, ἰνδ. δ, τῶ ,σωιδ' ἔτει.

319. Соч. Діонисія Ареопагита, in 4, 1048 года, которому соотвѣтствуетъ 1-й индиктъ, съ слѣд. записью, содержащею новое указаніе на студійскій монастырь, мѣстонахожденіе многихъ писцовъ и каллиграфовъ съ VIII — XII стол., и нашего писца Христофора. Молитвенное обращеніе данной формы повторяется не разъ въ записяхъ, снятыхъ Монфокономъ; обращикъ у Гардтгаузена ib. стр. 377—8.

Ἐτελειώθη σὺν Θεῷ ἡ ἱερὰ καὶ ψυχοφελὴς καὶ θεολογικωτάτη βίβλος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν διονυσίου μηνὶ ἰουλίῳ γ̄ ἡμέρα κυριακῇ, ἔτ. ,σφνς' ἰνδ. ᾱ. Γραφε (ἶσα διὰ) χειρὸς χριστοφόρου ἐλαχ (ιστου) καὶ ἀναξίου διακόνου; ἐπὶ μιχαὴλ τοῦ εὐλαβεστάτου ἡγουμένου μονῆς τοῦ Στουδίου. Δυσωπῶ δε πάντας τοὺς ἐντυγχάνοντας ἐνταῦθα ἵνα εὔχεσθε ὑπὲρ τῆς ταπεινῆς καὶ ἁμαρτωλοῦ μου ψυχῆς, ὅπως εὕροιμι ἔλεος ἐν τῇ ἡμέρα (κρ)ίσεως τοῦ Θῦ ιc̄ χ̄ȣ διδόντος ἑκάστω κατὰ τὰ ἴδια ἔργα.

339. Слова Григорія Богослова, въ л., изящнаго письма, со многими миніатюрами; см. ниже объ этой замѣчательной рукописи.

342. Слова Григорія Богослова, съ указаніемъ 1052-го года написанія.

352. *Слова св. Григорія Богослова* въ л. со схоліями Никиты Серр̄она. Въ концѣ запись киноварью изъ 46 стиховъ:

Ὦ πάρθενε, δέσποινα, μήρ χ̄ῡ τοῦ Θῦ μου
Σὺν ταῖς ἄνω δυνάμεσι, χειρουβὶμ σεραφήμ τε
Σὺν ἀποστόλοις ἅπασι καὶ σὺν τῶν ἱεράρχων
Σὺν γυναικῶν ἁγίων τὲ καὶ πάντων τῶν ἁγίων
Δώρησε λύσιν καὶ συχώρισιν πολλῶν σφαλμάτων
Καὶ ἱκεσίαν ποίησον τοῦ σοῦ οἰκτροῦ ἱκέτου
Πρὸς τὸν υἱὸν σου καὶ θν̄ ἐμοῦ τοῦ παναθλίου
Νείλωνος λέγω μοναχοῦ τοῦ σοῦ οἰκτροῦ ἱκέτου
Πρωτοσυγκέλȣ δύσεως. τοῦ καὶ χαλκεοπούλου
Ἀλλὰ καὶ τὸν συγγράψαντα, φύλαξον εἰς αἰώνας
Ἰωάννην τ' ὄνομα τὸ ἐπίκλην μαγκλαβίτης
Καὶ πάντας τοὺς προστρέχοντας τῇ σῇ σκέπη παρθένε
Καὶ τοὺς ὁμολογοῦντας σε μρ̄ᾱ τοῦ ὑψίστου
Μεσίτριαν σε εὕβρομεν ἐν τῇ μελλούσῃ κρίσῃ

Ἐν τῇ μεγάλῃ καὶ φρικτῇ δευτέρᾳ παρουσίᾳ
Ὁ σὸς υἱὸς φανήσεται κρίναι τὴν εἰκουμένην
Ἀξιωθώμεν καὶ ἡμεῖς, ἐκ δεξιῶν σταθῆναι
Ῥυσθείημεν ἀριστερᾶς μερίδος τῶν ἐρίφων
Δέσποινα, πάντων δέσποινα, πρέσβευε ὑπὲρ πάντων.
Ἐγράφην ἡ παροῦσα βίβλος αὕτη διὰ χειρὸς
Ἐμοῦ τοῦ παναθλίου καὶ οἰκτροτάτου τάλανος
Ἰωάννου δὲ τ' ὄνο, τοῦ μαγκλαβύτου λέγω,
Περιπατοῦντος ἔτους ἀπὸ συστάσεως κόσμου
Ἕως νῦν τὴν σήμερον μηνὸς ἰαννουαρίου
Εἶνεν (sic) ἑξακισχίλιοι σὺν τοὺς ὀκτακοσίους
Πλὴν καὶ ἐπάνωθεν τούτων εἴκοσι ὀκτὼ λέγων;
Θέλωμεν καὶ τοὺς ἑκατὸν ἑβδομήκοντα καὶ δύο
Ἵνα ὁ ἀιὼν ὁ ἕβδομος καὶ αὐτὸς πληρώσῃ
Καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ ἑβδόμου αἰῶνος
Ἔμενεν εἰς τὸν ποιητὴν καὶ κτίστην τῶν ἁπάντων
Οὐδεὶς γινώσκει ἀδελφοί, τί δόξει τῷ κυρίῳ
Μόνον ἀγωνισώμεθα ἀγάπην ὑπὲρ πάντα.
Μὴ λοιδορῶμεν ἀδελφοὺς, μὴ φθονοῦμεν ἀλλήλους
Καὶ ἐάν ἔχωμεν ἀγάπην, ὁ φθόνος να λείπει
Ἐλπίζομεν εἰς τὸν χῦ οἱ πάντες να σωθοῦμεν
Ἐγὼ δε καὶ πορεύομαι ἐν ἀσωτία πάσα.
Καὶ σφάλω ἐν τῇ βίβλω μου ἐνθυμούμενος ταύτην
Σκοτίζονται οἱ ὀφθαλμοὶ καὶ αἱ χείρι μου τρέμουν
Καὶ ὀνούς μου ἐπαίρεται, εἰς ἀπόγνωσιν πίπτω
Διὰ τοῦτο νῦν παρακαλῶ καὶ δέωμαι πάντας
Οἱ ἀγαπῶντες τὸν χῦ μὴδέν (sic) με βλασφημεῖτε
Ἄλλ ὅ τι σφάλμα εὕρηται, διορθώσατε τούτω.
Καὶ ὅς τις κόψει δὲ χαρτὴν ἀπὸ τὴν βίβλον ταύτην
Μητὰ γραμμάτων ἀριθμὸν καὶ λέξεων παντοίων
Ἐχέτω τὴν καταραν σου καὶ πάντων τῶν ἁγιών
Τοῦ παντοκράτορος ὀργήν καὶ δεσπότου τῶν ὅλων.

Писецъ указываетъ на годъ 6828 отъ сотв. м. («до 7000 л. надо прибавить 172») = 1320 г. по Р. Х. и называетъ себя *Іоанномъ Манклавитомъ*. Имя этого писца изъ Вѣнской ркп. I. Златоуста, пріобрѣтенной нѣкогда Бузбекіемъ въ Константинополѣ и имѣющей слѣд. запись:
ἡ βίβλος αὕτη τῆς μόνης τοῦ Προδρόμου, τῆς κειμένης ἔγγιστα

τῆς Ἀιατίου, ἀρχαϊκὴ δὲ τῇ μονῇ κλῆσις Πέτρα. Ἰωάννης γέγραφε νῦν Μαγκλαβίτης. Эту рукопись *Монфоконъ*, Pal. Gr. p. 59 и 100, на основаніи тождества мѣста написанія, т. е. монастыря Пе́тра или І. Предтечи близь цистерны Аэція въ Константинополѣ, съ другою рукописью Пар. библ., писанной въ 1127 году, отнесъ къ тому же времени. Но теперь, въ виду нашей записи ясно, что и Вѣнскій кодексъ долженъ относиться къ XIV стол., а не къ XII. Меурсій, Дюканжъ и Ламбецій согласно объясняютъ происхожденіе имени *Манклавитъ* отъ срв. латинскаго manuclavita=janitor aulae imperatoriae, но возможно, что въ данномъ случаѣ оно обозначало и спеціально одинъ патриціанскій родъ, котораго членъ, и поступивъ въ монашество, сохранилъ имя какъ прозвище.

402. Тоже, прекраснаго письма X вѣка.

410. Дидаскаліи Варсонофія и Іоанна, XIII в., in 4.

Между 350—450 нумерами есть много заслуживающихъ вниманія списковъ словъ, рѣчей и сочиненій: *Максима Исповѣдника* (περὶ ἀγάπης — 399), *Палладія* (431 — Лавсаиконъ), *Марка Подвижника* (436), Нила (437), І. Моска (Лимонарій, 34 гл., 208 л., XII—XIII в. № 438), Панэкты Антіоха (439), *І. Схол.* и *Марка Филокалія* (455). Подъ 485 замѣчательный сборникъ: «Κοινὰ τῆς γραφῆς καὶ τῶν ἔξω σοφῶν», in 4⁰, XII—XIII в.

456. Εὐεργετικός, въ 4, съ записью: Ἐπληρώθη τὸ παρὸν βιβλίον ἐν ἔτει ,σωη′ = 1300 годъ.

Но самое замѣчательное въ этомъ отдѣлѣ собраніе (до 15) списковъ «*Лѣствицы*» *Іоанна Климака*, особенно полное и различныхъ вѣковъ, отъ IX по XIV включительно. Изъ нихъ № 417, in 4⁰, съ толкованіями, изящной скорописи VIII или начала IX стол., замѣчателенъ своими иниціалами, въ видѣ геометрическихъ фигуръ изъ плетеной тесьмы, наведенныхъ преимущественно зеленою, голубою и отчасти красною красками; не смотря на всю свою грубую простоту, рисунки эти отличаются своеобразною, древнею красотою. Одна изъ миніатюръ представляетъ самого автора съ воздѣтыми руками. См. ниже.

418. Рук. I. Климака, въ малую 4, XII в., со многими миніатюрами. См. ниже.

421. Тоже, въ малую 4, IX вѣка, прекрасной скорописи, съ оглавленіями унціальнаго письма безъ удареній (ср. Лобковскую или Хлудовскую Псалтырь, по факсимиле, изд. Арх. Амфилохіемъ). Въ началѣ приложены посланія Іоанна игумена Раиѳы къ Климаку и обратно. Буквы заглавныя, въ видѣ рыбъ, завитковъ, искусно скомпонованныхъ, расцвѣчены красною и желтою красками.

422. Ркп. «Лѣствицы», съ записью 1100 года на посл. листѣ:

πόριζε χε λύσιν πλημμελημάτων:
λουκᾶ μοναχῷ καὶ ἱεροαζύγῳ:
γράψαντι τήνδε τὴν πανίερον βίβλον: ἐν ἔτει ,σχη'.

448. Патерикъ съ слѣд. записью 1004 года, инд. 2:

Ἐτελειώθη ἡ βίβλος αὕτη μηνὶ ἰουνίῳ ιθ, ἡμέρα β, ἰνδικτιῶνος β, ἔτους ,σφιβ', γραφεῖσα διὰ χειρὸς λέο... ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ. εὔχεσθε διὰ τὸν Θεὸν ὑπὲρ τοῦ γράψαντος οἱ ἀναγινώσκοντες. Имя Льва, клирика изъ *Euntа*, въ ркп. съ 1001 годомъ, см. Gardthausen p. 328.

456. Εὐεργετικός, съ записью 1300 года: ἐπληρώθη τὸ παρὸν βιβλίον ἐν ἔτει ,σωη'.

500. Λόγοι πανηγυρικοί за Ноябрь мѣсяцъ, съ миніатюрою (см. ниже). Съ послѣднихъ нумеровъ пятой сотни идетъ рядъ большихъ *Четій-Миней* или *метафрастовъ* (57) за отдѣльные мѣсяцы или за два, три мѣсяца, а въ концѣ шестой сотни много *антологій* или праздничныхъ миней; изъ первыхъ арх. Антонинъ[1]) указываетъ, какъ замѣчательную рѣдкость въ своемъ родѣ, четыре рукописи унціальнаго письма IX, можетъ быть, даже VIII вѣка, содержащія сборники словъ на празд-

[1]) «Изъ записокъ Синайскаго богомольца», Труды Кіев. Дух. Акад. 1873 г., Сент., стр. 334. Авторъ, къ сожалѣнію, во всѣхъ своихъ статьяхъ не сообщилъ *нумеровъ* рукописей, какъ и въ данномъ случаѣ. Намъ же, просматривавшимъ всю библіотеку, но не порядку, какъ было объяснено выше, нумера эти не попались, а искать ихъ въ грудѣ оказалось не возможнымъ.

ники, легенды, а также житія Саввы молчальника, Авраамія еп. Кратинскаго и др. Всѣ остальныя относятся къ XI—XII столѣтіямъ. Изъ «Словъ» обращаютъ на себя, затѣмъ, вниманіе слова Льва Мудраго (№ 522), рукопись, писанная въ Италіи, въ Каламитскомъ монастырѣ Св. Николая, м. Лаврентіемъ; есть и позднѣйшаго времени списки житій Ѳеодора Едесскаго, Андрея Юродиваго, Василія Новаго и пр.

541. Житіе и пренія Григентія, архіеп. Гомиритскаго съ іудеями, in 4°, 1180 года. Въ концѣ рукописи находится неграмотная запись: Ἐτελιώθι ἡ βίβλος αὕτη δια χειρὸς μιχαήλ διοῦ ἐπιφανίου τῶ τοῦ σιπίδι: μήν. φεύ. κ̄ ἰνδ. ιγ̄, ἔτους ,σχπη'; οἱ ἀναγινόσκονταις εὖχεσθέ μοι διὰ τὼν κύριον, ὅπος λαβῶ λίσην τῶν ὀφλημάτων.

Изъ Миней слѣдуетъ отмѣтить также тѣ рукописи, которыя имѣютъ годъ или имя писца, или замѣчательны по письму, сравнительно раннему. Такъ: № 580—Минеи за Сент. и Окт. писаны какимъ-то Евстаѳіемъ; № 595: Январьскія съ годомъ ,σφνζ'=1049; 596 — унціальнаго письма X вѣка и 607,—можетъ быть, даже IX столѣтія.

Отдѣлъ тріодей замѣчателенъ нѣсколькими рукописями съ годами. Изъ нихъ: № 736 съ записью 1029 г., инд. 12: μνῆσθι, κύριε, τοῦ ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ καὶ ἀναξιολόγου ἰωσὴφ τοῦ μετὰ.... καὶ σπουδῆς γράψαντος τόδε τὸ ἱερὸν τριωδίον... ἐν ἔτει ,σφλζ' ἰνδ. ιβ̄.

742. Тріодіонъ, замѣчательный по своей записи 1090 года:

Ἐγράφη ἡ ἱερὰ αὕτη βίβλος τῶν τριωδίων καὶ κανόνων καὶ λοιπῆς πάσης ἀκολουθίας τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς, καὶ τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης ἑβδομάδος τῶν ζωοποιῶν παθῶν τοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰῡ Χῡ τοῦ διοῦ τοῦ Θῡ καὶ Θῡ, ἐν τῆ σεβασμία λαύρα τοῦ ἁγίου σάβα τῆς (?) ἐν ἱεροσολύμοις. χειρὶ τοῦ εὐτελοῦς καὶ ἁμαρτωλοῦ θρασίμου (Γερασίμου) τοῦ ἀντιοχίτου. καὶ τῆ ζεούσῃ σπουδῆ τοῦ τιμιωτάτου μοναχοῦ καὶ δευτερεύοντος τῶν πρεσβυτέρων τῆς ἐν ἀσκᾶ (?) καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας κῦρ Ἰωάννου, λόγω

τοῦ σεβασμίου ναοῦ τοῦ ἐνδόξου μεγαλο-
μάρτυρος γεωργίου ἐν αὐτῇ τῇ ἀσκά (?) τὸ λεγόμενον
κατὰ τὴν ἐγχώριον γλῶσσαν τὸ χάδρα.
ἀρχιεραρχοῦντος τῆς αὐτῆς πόλεως τοῦ ὁσιωτάτου
καὶ παναγίου γέροντος κῦρ ἀντωνίου; μηνὶ
ἰαννουαρίῳ κε, ἰνδ. ζ ἐν ἔτει ,σχζ'; οἱ ἐν αὐτῇ
τῇ ἁγία βίβλῳ μελετῶντες καὶ εὐχόμενοι, εὔξασθε
διὰ τὸν Θν καὶ τὴν αὐτοῦ ἐντολὴν τοῦ γράψαντος
εὑρεῖν αὐτὸν ἔλεος ἐν ἡμέρα κρίσεως: ὁ Θς
συγχώρη τῷ γράψαντι ταῦτα ὅσα σοι ἥμαρτεν. ἀμήν.

Запись эта требуетъ нѣкоторыхъ объясненій, хотя бы приблизительныхъ. Герасимъ (?) писецъ, родомъ изъ Антіохіи, написалъ книгу тріодей и каноновъ въ Лаврѣ *Св. Саввы въ Іерусалимѣ*, споспѣшествованіемъ *девтерарія* греческой церкви въ *Аскалонѣ* (?) Іоанна, во славу честнаго храма великомученика Георгія въ томъ же Аскалонѣ, по мѣстному нарѣчію— *Хадра*, въ управленіе епархіею этого города архіеп. *Антонія*, января 25, инд. 7, 1099 года.

Весьма естественное было бы, на первый взглядъ, предположеніе, что здѣсь разумѣется монастырь Св. Саввы, на берегу Кедрона, въ 12 километрахъ отъ Виѳлеема, знаменитый Mâr Saba, пещерный монастырь, на границѣ пустыни Мертваго моря, древнѣйшая обитель Палестины, съ 11 столѣтія именуемая *лаврою* (какъ называетъ монастырь запись); нѣкогда многолюдная обитель, заключавшая въ себѣ цѣлый городъ (по Тоблеру до 10 тысячъ монаховъ и 4000 киновитовъ) и прославленная Іоанномъ Дамаскинымъ. Но это предположеніе не можетъ быть принято безусловно, въ виду точнаго выраженія записи: лавра Св. Саввы *въ Іерусалимѣ*. Кромѣ самой знаменитой лавры, указывается въ хроникахъ и ея подворье или братскій монастырь Св. Саввы въ самомъ Іерусалимѣ на Сіонѣ, на Ю. отъ воротъ Давида; туда укрылась часть братіи въ 1103 году отъ нападеній Сарацынъ [1]). Далѣе, названіе лавры усвоивалось не только самому монастырю, но и его отдѣль-

[1]) *Sepp*, Ierusalem und des Heilige Land, 1873, I стр. 843.

нымъ частямъ, такъ напр. многимъ частямъ обители Св. Саввы, тянувшейся на 14 миль до Мертваго моря. Однакоже, если мы имѣемъ много свѣдѣній какъ о литературной дѣятельности монастыря Саввы, изготовлявшаго церковныя книги для всей Палестины въ XII и XIII стол., прославленнаго своею библіотекою рукописей, то ничего не знаемъ объ упомянутыхъ подворьяхъ. Наконецъ, врядъ ли было бы умѣстно писцу именовать отдѣленіе словами: σεβασμία λαύρα. Итакъ, мы рѣшаемся принять мѣсто написанія за самую лавру Св. Саввы на Кедронѣ.

Заказчикомъ книги былъ нѣкто Іоаннъ, девтерарій, или второй по протоіереѣ пресвитеръ греческой церкви въ городѣ *Аска* (?). Имя этого города, ясно написанное писцомъ, но съ *титломъ* и *острымъ удареніемъ въ концѣ*, предполагаетъ, по нашему мнѣнію, сокращеніе; остается или добавить ἐν ἀσκάλωνι, ἀσκάλονι[1]), или предположить иное дополненіе, намъ неизвѣстное[2]).

Имя города, нѣкогда сильнѣйшей крѣпости, Аскалона предположить легко и потому, что запись называетъ неизвѣстную ασκα городомъ, въ которомъ живетъ епископъ, нѣкто Антоній. Аскалонъ принадлежалъ къ 1-й (по Гіероклесу) епархіи Палестинской, подчиненъ былъ патріархату Іерусалимскому, но имѣлъ (по Нилу Доксапатрію) автокефальнаго епископа, который и могъ быть, по этому, упомянутъ въ записи, помимо наименованія патріарха[3]). Существенное затрудненіе состоитъ

---

[1]) Не отрицаемъ возможности и другихъ догадокъ: средневѣковая греческая номенклатура различныхъ мѣстностей и городовъ Палестины далеко не вскрыта еще изъ современныхъ описаній и хроникъ. Кромѣ имени Аскалона, ближе другихъ стоитъ Ака, Акконъ или Аккона, наз. также Акра, откуда St. Iean d'Acre, въ которой, въ эпоху крестовыхъ походовъ была церковь Св. Саввы, изъ за которой происходили раздоры между Венеціанцами и Генуэзцами, см. Recueil des hist. des Croisades, II, p. 443, b.

[2]) Напр. ἀσκρα.., или ἀσκνα и пр. Если только имя ασκα не есть перестановка, вмѣсто ακσα, что̀ указывало бы опять на Іерусалимъ, гору, гдѣ магомет. святилище El aksa, и часть города akra. Но это противорѣчитъ записи, гдѣ названъ *городъ*. Или даже названіе монастыря вм. ἀσκητήριον.

[3]) *Hieroclis* Synecdemus et *Nili Doxapatrii* ex. recogn. Gust. *Parthei*, B. 1866, v. Ascalon.

въ томъ, что въ томъ же самомъ городѣ указывается не только пресвитеръ православной церкви, но даже и честный храмъ во имя великомученика Георгія [1]). Какъ ни много почитался Св. Георгій по Палестинскому побережью, однако, кромѣ мелкихъ капеллъ (напр. въ томъ же монастырѣ Св. Саввы), большихъ храмовъ великомученика намъ неизвѣстно, кромѣ храма (нынѣ разрушеннаго) въ Лиддѣ. Возможно, поэтому, что съ переходомъ Аскалона во власть египетскихъ халифовъ Фатимитовъ, или самое христіанское поселеніе въ Лиддѣ, или какой либо городъ по близости былъ названъ именемъ этой крѣпости (если не просто именемъ однозвучнымъ), и что подъ именемъ храма Св. Георгія запись разумѣетъ именно святилище въ Лиддѣ. Тѣмъ болѣе, что въ Аскалонѣ, съ его завоеваніемъ мусульманами, христіанство какъ бы совершенно было задушено [2]), древнія церкви (V — VI в.) обращены въ мечети, и съ VI вѣка неизвѣстно ни одного епископа.

Во всякомъ случаѣ, запись эта представляетъ столь много новаго и любопытнаго матеріала, что заслуживаетъ критическаго анализа. Ея содержаніе, имена и факты падаютъ притомъ на любопытнѣйшую эпоху — самый канунъ завоеванія крестоносцами Іерусалима и знаменитой битвы Готфрида съ 20000 противъ 200 (или 300) т. Египтянъ подъ стѣнами Аскалона въ 1099 же году, 12-го Августа, тогда какъ запись указываетъ на Январь этого года.

754. Тріодь съ Пентикостаріемъ, писана рукою писца Симеона и кончена въ мѣсяцѣ Мартѣ 6685 года (1177 г.), инд. 10».

---

[1]) Имя χάδρα есть арабское имя Георгія el chadr (иногда Kisr), подъ которымъ и нынѣ извѣстны даже храмы и церкви во имя Святаго, см. у Зеппа въ указ. соч., многіе пункты. Впрочемъ, въ перечнѣ Палестинскихъ епархій упоминается городъ — Γάδαρα, Parthey, p 44. Греческая передѣлка арабскаго *хадр* въ *хадра* понятна сама по себѣ. Для точности, однако, укажемъ на то, что «зеленый дворецъ» Моавіи, основателя династіи Омміадовъ, въ Дамаскѣ назывался также *хадра*, см. *Kremer*, A. Culturgeschichte Orients unter den Chalifen, 1875, I p. 134. Но мы затруднились бы найти, затѣмъ, какую либо связь этого дворца хадры съ ц. Св. Георгія и *Дамаска* съ нашимъ городомъ *Аска*...

[2]) *Guérin*, Palestine, Judée, p. II.

756. Тоже; послѣ благодарственныхъ обычныхъ стиховъ запись писца: Ταπεινῷ μιχαὴλ ἱεροσολυμήτῃ. ἔτος δ' ὑπῆρχεν ἡνίκα τοῦτεγράφει ,σψιγ' = 1205 г. 849. Θеотокаріонъ или Богородичникъ съ записью, отъ которой сохранился лишь годъ ,σωιβ' — 1304.

Между многочисленными часословами и требниками (εὐχολογίями) Синайской библіотеки особенно много рѣдкихъ манускриптовъ VII (?), VIII и первой половины IX столѣтія, иногда унціальнаго письма, иногда скорописнаго; но многія рукописи весьма плохой сохранности, оттого, что были въ повседневномъ употребленіи. Таковы напр. № 864 — Горологій, 3 в. шир. и 2 в. дл.; 870 — тоже, въ 12-ю д., писанный нѣкіимъ Георгіемъ; одинъ требникъ безъ нумера, косаго унціальнаго письма, безъ удареній; № 926 — контокаріонъ X вѣка, съ моленіемъ о писцѣ и др.

929. Ирмологій съ годомъ — 1348 отъ исчезнувшей записи.

961 — 6 и др. — рядъ почти тождественныхъ экземпляровъ, одной руки, въ 16-ю д.

968. Евхологій, 4°, 1426 года, съ записью:

Ἐτελειώθη τὸ παρὸν εὐχολογίον διὰ χειρὸς καὶ μοῦ τοῦ ἀμαθοῦς ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλου. βαρθολομαίου τάχα καὶ ἱερέως τὸ ἐπίκλην βόσου (sic). διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου τοῦ πανοσιωτάτου πρ̣ς ἡμῶν μωϋσέως διακόνου καὶ οἰκονόμου τῆς σεβασμίας μονῆς τῆς ἁγίας ἐνδόξης μεγαλομάρτυρος αἰκατερίνης ἐν τῇ νήσῳ κρήτῃ. Καὶ οἱ ἐντυγχάνοντες εὔχεσθαι ἡμῶν διὰ τὸν κν̄.

Ἐν ἔτει ἐξακισχιλιοστῳ ,ϡ̄ λ δ' μηνὶ αὐγουστῳ ῑ̄ε̄.

О формулѣ: διὰ συνδρομῆς см. въ соч. Gardthausen, Paläogr. 377. Здѣсь она обозначена яснѣе прибавкою: καὶ ἐξόδου — по заказу и на средства». Монастырь Св. Вел. мученицы Екатерины на о. Критѣ составлялъ отдѣленіе Синайскаго монастыря, гдѣ именно и доселѣ этотъ послѣдній владѣетъ землями, чѣмъ и объясняется легко переносъ ркп. въ Синайскую библіотеку. Годъ 6934=1426 обозначенъ безъ указанія индикта.

Съ № 1116 по 1143 рядъ позднѣйшихъ списковъ такъ наз. νομικά, между ними семь—Номоканона, причемъ 1115 — Номоканонъ въ 40 параграфахъ, древнѣйшій; 1116 — Номоканонъ I. Зонары; 1117 — Θеодора Власамона Ἑρμηνεία на Номоканонъ: 1119 — Н. Матѳея; 1121 Алекс. Аристинна Толкованіе въ 77 главахъ и друг.

Въ отдѣлѣ *смѣси*, изъ 18 ркп. мало любопытныхъ, тѣмъ менѣе важныхъ: схоліи на Эврипида, различные письмовники, лексиконы и пр.

Историческихъ рукописей десять; изъ нихъ:

1183. *Евсевія Памфила* Церковная Исторія въ 10 книгахъ, 4°, XI, в.

1185. *Никифора* п—ха К. польскаго χρονογραφικὸν σύντομον въ 57 главахъ.

1186. *Космы Индоплова* «Христіанская Топографія» съ миніатюрами, XI стол, замѣчательная рукопись, о которой см. ниже.

1187. Ἱερὰ ἱστορία, ркп. XVIII в.

1188. Ἱστορικὸν Михаила Глики, бумаж. 338 л.

1189. «Синопсисъ» философа и монаха Константина, до царств. Никифора Вотаніата, ркп. им. 265 л., писана въ 1540 г.

1191—3. Различные хронографы, доведенные до султана Селима, до 1794 г. и т. д.

Въ отдѣлѣ псалтика (большею частью на бумагѣ и позднѣйшихъ) замѣчательны:

1216. *Стихирарь* въ л., съ нотными знаками, XIII в., съ прекрасными, но только заготовленными въ контурахъ миніатюрами ко всѣмъ Господскимъ и Богородичнымъ праздникомъ. См. ниже.

1220. Тоже приблизительно одного времени, или не позже XIV стол.; палимпсестъ въ одной части.

1221. Стихирарь съ записью 1321 г.

Ἐτελειώθη τὸ παρὸν στιχεράριον διὰ χειρὸς ἐμοῦ μανουὴλ τοῦ χαλκεοπούλου, μηνὶ ἰαννουαρίῳ κγ, ἰνδ. δ, τοῦ ,σωκθ' ἔτους,

διὰ κόπου καὶ ἐξόδου ἱερομονάχου κυρου βαρθολομαίου τοῦ κορινθιώτου καὶ ποτὲ ἀποστόλη (?).

Наконецъ, что касается рукописей славянскихъ, считаемъ излишнимъ сообщать нумера и содержаніе ихъ, такъ какъ именно для этого отдѣла каталогъ всѣхъ его 38 рукописей съ указаніемъ записей и иныхъ палеографическихъ признаковъ уже напечатанъ самимъ составителемъ рукописнаго каталога Синайской библіотеки арх. Антониномъ [1]). Но изъ этого же перечня явствуетъ, что въ числѣ славянскихъ рукописей нѣтъ ни особенно важныхъ по древности, ни любопытныхъ по содержанію. Единственное исключеніе составляютъ двѣ *глаголическія* рукописи: № 37 Служебникъ въ 16 д., безъ начала и конца, особенно тщательно мелкаго письма и № 38—*Псалтырь* (177 листовъ) въ 16-ю же д., подобнаго, но менѣе тонкаго письма и, повидимому, древнѣйшаго. Первая рукопись имѣетъ чрезвычайно любопытные иниціалы, расцвѣченные слегка свѣтло-зеленою, кирпично-красною, свѣтло-зеленою и желтою (хромъ) красками [2]); рисунокъ состоитъ изъ плетеній, съ примѣсью немногихъ растительныхъ формъ, напр. стрѣльчатыхъ листьевъ, также фигуръ, напр. руки, птичьей и змѣиной головы и т. п. Что касается содержанія первой рукописи (въ которой оказывается напр. «молитва о трясавицѣ»), языка и, главное, глаголическаго письма обоихъ манускриптовъ, то интересъ этихъ памятниковъ и всѣхъ вопросовъ, съ ними связанныхъ, поднятый въ послѣднее время г. Гейтлеромъ, загребскимъ ученымъ, посѣтившимъ Синайскій монастырь въ 1880 году спеціально ради изслѣдованія глагольскихъ рукописей, настолько высокъ и значителенъ, что, конечно, вызоветъ въ ближайшемъ будущемъ спеціальныя ихъ изслѣдованія, а потому и избав-

[1]) «Труды Кіев. Дух. Академіи» за 1873 г., Сент., стр. 348 — 354, примѣч.

[2]) Форма этихъ иниціаловъ, равно какъ и заглавныхъ буквъ другой рукописи, можетъ послужить для опредѣленія вѣка рукописей, по своей характерности, но, понятно, какъ доказательство второй руки послѣ палеографическихъ признаковъ.

ляетъ насъ отъ нужды говорить о предметѣ, не входящемъ въ нашу компетенцію.

Въ заключеніе этого краткаго и отрывочнаго обозрѣнія Синайской библіотеки рукописей, спеціально-церковной по своему составу, не можемъ не остановиться на ея общемъ научномъ значеніи. Въ настоящее время, благодаря составленію каталога и приведенію въ извѣстность значительной массы рукописей, если не вполнѣ по своему содержанію, то, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, стало яснымъ, что изумительныя открытія, подобныя Тишендорфовскому, врядъ ли могутъ имѣть мѣсто. И, однакоже, кромѣ указанныхъ нумеровъ, Синайская библіотека заключаетъ въ себѣ еще много важнаго для палеографіи; таковы напр. листки древнѣйшей греческой Псалтыри (V—VI стол.), расположенныя теперь на двухъ доскахъ, отрывки другихъ рукописей, не позже VII стол., папирусы и иные листки, нынѣ бережно хранимые. Наконецъ, кромѣ этихъ рѣдкихъ драгоцѣнностей греческой палеографіи, Синайская библіотека имѣетъ въ нашихъ глазахъ особую важность для изслѣдователя значительнымъ числомъ своихъ рукописей изъ той промежуточной и наиболѣе темной въ исторіи греческой палеографіи эпохи VII, VIII стол. и первой половины IX вѣка, которая и обращаетъ нынѣ на себя преимущественное вниманіе[1]). Полный мракъ, который и доселѣ окутываетъ Востокъ и его древности и скрываетъ громадную, по своей численности, Синайскую библіотеку отъ взоровъ науки, разсѣется, конечно, не разомъ, и усиліями не одного, проникшаго въ пустыню, палеографа. Тамъ, гдѣ потребны были бы для полнаго освѣщенія труды ученыхъ миссій со всѣми нужными средствами и полномочіями, частная иниціатива должна ограничиваться указаніемъ и намёкомъ.

[1]) Частнымъ образомъ на мѣстѣ мы слышали, что извѣтный палеографъ, проф. Гардтгаузенъ, посѣтившій Синайскій монастырь за годъ до насъ, изслѣдовалъ всѣ его рукописи по письму, но состоялось ли изданіе въ свѣтъ пріобрѣтенныхъ имъ матеріаловъ, намъ неизвѣстно.

ГРЕЧЕСКІЯ РУКОПИСИ СЪ МИНІАТЮРАМИ

въ библіотекѣ Синайскаго монастыря.

Подобно тому, какъ въ Синайской библіотекѣ трудно надѣяться на палеографическую находку въ родѣ кодекса Тишендорфа, такъ и по своимъ лицевымъ, или украшеннымъ миніатюрами, рукописямъ, она не представляетъ ничего равнозначительнаго ни Россанскому кодексу Евангелій, ни Ватиканскому списку Космы Индоплова, ни даже Евангелію монаха Рабулы Лаврентіанской библіотеки. Тѣмъ менѣе можно сравнить Синайскую библіотеку греческихъ рукописей, хотя наиболѣе численную послѣ ватиканской, съ роскошною по составу Національной Библіотекою Парижа. Многое, наиболѣе любопытное для гуманистовъ XVI—XVII стол., было отсюда вывезено и поступило въ библіотеки Флоренціи и Венеціи [1]), и въ томъ числѣ, конечно, не мало именно лицевыхъ манускриптовъ, до которыхъ всегда были охочи любители древности. И все же, не смотря на возможность многихъ случаевъ вывоза и хищеній, самый составъ Синайской библіотеки одинъ объясняетъ достаточно, по нашему мнѣнію, ея бѣдность иллюстрированными рукописями; тамъ, гдѣ запасались преимущественно богослужебными, поучительными и настольными книгами, мало мѣста предоставлялось роскоши или даже искусству.

---

[1]) *Naniana* въ Венеціи обогатилась рукописями Синая, перешедшими послѣ въ *Marciana*.

Правда, общія свѣдѣнія наши по греческой палеографіи все болѣе и болѣе указываютъ намъ, что въ древнѣйшую эпоху греко-христіанской письменности и каллиграфіи мѣстомъ наибольшаго ихъ развитія были Юго-восточныя провинціи Византійской Имперіи и въ частности Александрія и ея епархія[1]). Если нынѣ всѣ согласны въ томъ, что масса рукописей X—XII вв., происходящихъ изъ Константинополя и его монастырей, объясняется безусловно тѣмъ, что именно тамъ сосредоточивалась письменность въ эту эпоху на потребу всего греческаго Востока, то весьма позволительно заключить отсюда тоже самое: для Александріи въ эпоху IV—VII стол. и для Сиріи въ VI — VIII столѣтіяхъ. Не естественно ли думать, что и первые иллюстрированные списки Косьмы Индоплова появились въ Александріи, на родинѣ автора, и что внѣшнее и внутреннее сходство извѣстной Библіи съ миніатюрами въ Вѣнской библіотекѣ, Россанскаго кодекса Евангелій и Синайскаго—не случайно? Вѣковое существованіе Александрійской библіотеки, сила традицій древней культуры, богатствъ и могущества египетской епархіи, обиліе монастырей и каллиграфовъ достаточно иллюстрируютъ фактъ развитія александрійской письменности въ эпоху IV—VII стол. и позволяютъ угадать ея характеръ и возстановить ея общія внѣшнія черты. Весьма естественно также предположеніе, что и въ синайскихъ обителяхъ господствовала таже письменность, съ ея типическою внѣшностью, направленіемъ и содержаніемъ, и что мы съ полнымъ правомъ можемъ переносить свѣдѣнія и общія понятія о письменности въ обителяхъ Нитрійской и всей Θиваиды на Синайскій монастырь. Именно здѣсь должны были изготовляться

---

[1]) Авторитетный палеографъ г. *Гардтгаузенъ*, Griech. Paläogr. 1879, L. p. 407—8, не отрицая значенія александрійскихъ традицій въ дѣлѣ развитія христіанской письменности и признавая возможнымъ, что «Синайскій кодексъ» принадлежитъ къ александрійской школѣ, все же считаетъ *случайнымъ* то обстоятельство, что «древнѣйшіе образцы письменности» христіанской намъ стали извѣстны именно изъ Египта, объясняя его климатическими условіями и суевѣріемъ, способствовавшими здѣсь сохраненію рукописей.

многочисленные карманные экземпляры богослужебныхъ книгъ и Псалтыри, а полныя Библіи цѣною не выше 18 солидовъ.

Но, на смѣну пышнымъ кодексамъ въ большое in 4^{0}, на тончайшемъ свѣтящемся пергаменѣ, изящно каллиграфированнымъ и украшеннымъ миніатюрами, письменность византійскаго Востока со времени арабскаго завоеванія (638 г.) принуждена была выставить уже работы повседневныя, обиходныя. Это завоеваніе въ первыя времена не задавило ни греческаго языка, ни христіанской письменности, но оно сообщило тому и другой болѣе тѣсное, церковное направленіе и придало иной характеръ самой внѣшности производства. Пока мы не въ состояніи различить памятники письменности, возникшіе въ собственной Сиріи, въ ея городахъ или знаменитыхъ своею литературною дѣятельностью многолюдныхъ обителяхъ (Св. Саввы), отъ работъ Синайскихъ или Александрійскихъ, мы обязаны принимать для всѣхъ существованіе одного общаго типа: таковы многочисленныя рукописи Псалтырей, параклитикъ и под. въ библіотекѣ Синая; многія изъ нихъ снабжены или арабскими оглавленіями и глоссами, или даже писаны на двухъ языкахъ. Самая скоропись греческихъ манускриптовъ VII — IX вѣка заимствовала много отъ письма арабскаго, какъ и формы рукописей, сорты пергамена, размѣры буквъ стали въ тѣсную зависимость отъ связей съ магометанскимъ міромъ, разрыва съ Византіею и возникающей малограмотности. Именно эта эпоха VII — IX вѣка наименѣе благопріятствовала развитію миніатюры: мы не знаемъ ни одной рукописи этой эпохи съ художественными украшеніями; едва, едва оглавленія пишутся киноварью, да простая ленточка отдѣляетъ главы; пергаменъ грубый и толстый, письмо небрежное и грязное. Между тѣмъ, едва ли не всѣ древнѣйшія рукописи Синайской библіотеки принадлежатъ именно къ этой эпохѣ и къ этому разряду монастырскихъ издѣлій. Какой, казалось бы, интересъ художественно-историческій возможенъ въ этой области? Однако, интересъ есть и, на нашъ взглядъ, первостепенной важности въ общей исторіи христіанскаго искусства, и для его объяс-

нія матеріалы существуютъ именно въ Синайской библіотекѣ (какъ, навѣрное, и въ другихъ собраніяхъ Востока)—въ чемъ доказательствомъ послужатъ описываемыя ниже рукописи и сопоставленіе ихъ съ данными, уже извѣстными.

Но, прежде нежели мы приступимъ къ анализу самыхъ этихъ рукописей, позволимъ себѣ сдѣлать небольшое общее отступленіе о тѣхъ художественно-историческихъ матеріалахъ, которыми мы владѣли доселѣ въ сферѣ миніатюръ въ частности и византійскаго искусства вообще въ періодъ VIII — IX стол., иначе въ эпоху иконоборства [1]).

Уже сдѣлалось фактомъ, что періодъ отъ конца VII по послѣднюю четверть IX столѣтія, наиболѣе темный въ исторіи византійскаго искусства, есть, въ тоже время, и наиболѣе интересный: но онъ не только имѣетъ богатое внутреннее содержаніе, выразившееся въ появленіи редакціи (Толковой по смыслу своихъ миніатюръ) Лицевой Псалтыри [2]), а является еще подготовительною эпохою, имѣвшею рѣшительное значеніе въ будущихъ судьбахъ христіанскаго искусства.

Въ самомъ дѣлѣ: если мы справедливо видимъ въ древнѣйшемъ (IV—VI в.) періодѣ византійской миніатюры исключительное господство *античнаго* вкуса и древнегреческаго, т. е. еще языческаго взгляда, и затѣмъ, переступивъ черезъ эпоху иконоборства, встрѣчаемъ въ концѣ IX столѣтія уже спеціализировавшееся *византійское* искусство, то не обязаны ли мы спросить себя, какимъ образомъ совершился этотъ переходъ и произошла такая крупная перемѣна не только въ бытовыхъ условіяхъ, но и внутри самого искусства? Отрицая существованіе положительныхъ направленій, будто бы данныхъ

---

[1]) О самомъ иконоборствѣ и его значеніи для искусства см. «Истор. визант. иск. по миніатюрамъ», стр. 101—9. Замѣтимъ, что самая эпоха точнѣе опредѣляется періодомъ отъ конца VII по конецъ IX вѣка.

[2]) Мое изд. «Миніатюръ греч. рук. Псалт. IX в. изъ собр. Хлудова въ М., М. 1878 и *Springer*, A. Die Psalter-Illustrationen im frühen Mittelalter», VIII Bd. d. Abh. d. phil. Cl. d. K. Sächs. Ges. d. W. p. 210 — 17 Leipz. 1880.

искусству самимъ иконоборствомъ, и признавая, что оно имѣло лишь вліяніе отрицательное, какъ перерывъ въ развитіи, или преграда вѣковой античной, иначе языческой, системѣ, мы легко можемъ допустить, что самымъ противодѣйствіемъ искусству и выработаннымъ художественнымъ школамъ вызывались къ жизни заглохшіе народные элементы. Пусть даже въ X и XI стол.—въ эпоху полной спеціализаціи византійства—рукописи наполняются копіями съ античныхъ миніатюръ (какъ увидимъ и ниже, по синайскимъ образцамъ), все же въ этихъ копіяхъ видна ясно совершенно иная художественная и религіозная мысль, чѣмъ та, которая создала самые оригиналы. Въ ней, этой мысли, заключается и смыслъ всѣхъ искаженій оригинала. Всѣ усилія придворныхъ живописцевъ и миніатюристовъ не въ состояніи, видимо, побѣдить эту мысль или тенденцію и возвратить искусство къ его высокому древнему образцу, и самыя блестящія произведенія этого времени производятъ наиболѣе ясное впечатлѣніе лжеклассическихъ имитацій. Въ тоже время народный вкусъ, излюбивъ болѣе скромную, но богатую мыслями и содержаніемъ сферу, казалось, стремился направить художественную мысль вглубь задачи и выработать наиболѣе содержательныя и высокія стороны религіознаго искусства. Самый антикъ принимался здѣсь только, какъ форма, готовая для ея наполненія и выраженія чувства. Въ эпоху побѣды надъ иконоборческою ересью, какъ и во все время борьбы иконопочитатели устами своихъ вождей не переставали повторять, что искусство имѣетъ высокое назначеніе учить людей, просвѣщать невѣждъ, дѣйствовать на сердце массы, сближать ее съ божествомъ.

Почему же пусты оказались эти обѣщанія и на половину напрасны всѣ ожиданія, когда, вмѣсто развитія души въ искусствѣ, разработки идеаловъ религіи и христіанскаго чувства, византійское искусство съ конца IX стол. столь рѣшительно вступило на путь формы и внѣшности, ограничивъ все развитіе своего содержанія богословскими варіаціями на ту же тему? Отчего, вмѣсто живаго чувства и истинной экспрессіи

византійская иконопись X—XI стол. выработала только шаблонъ немногихъ условныхъ выраженій и заговорила навсегда языкомъ приторнымъ и слащавымъ? Изъ за чего, наконецъ, искусство это, покидая путь широкаго и свободнаго развитія мыслей, поторопилось, напротивъ, обезличить и то, чѣмъ доселѣ владѣло, унижая то, за что такъ долго боролось, такъ какъ отъ старыхъ импозантныхъ, хотя сухихъ мозаическихъ образовъ оно перешло теперь къ крохотнымъ эмалямъ и орнаментикѣ различными заставками и иниціалами подносныхъ рукописей, втискивая, такимъ образомъ, въ игрушечныя формочки то самое содержаніе, къ которому такъ недавно требовало благоговѣнія? Дѣйствовали ли здѣсь, какъ говорятъ, только привычки, усвоенныя искусствомъ во время его опалы при иконоборческихъ императорахъ, или же самому усвоенію этихъ привычекъ и проведенію ихъ въ самое сердце художественной дѣятельности Византіи способствовали иныя силы, выступившія на его поприщѣ?

Вотъ вопросы внутренней исторіи византійскаго искусства, которые, конечно, уяснятся не скоро, лишь въ результатѣ научнаго анализа всѣхъ матеріаловъ, но разрѣшеніе которыхъ, настоятельно необходимое, хотя бы и было не полно, или даже ошибочно, должно содѣйствовать интересу предмета, столь долго и намѣренно устраняемому.

Правда, мы узнаемъ лишь очень немногое объ искусствѣ этого періода изъ историческихъ свидѣтельствъ: таковы свѣдѣнія о мозаическихъ украшеніяхъ дворцовъ и церквей временъ Ѳеофила (+842; Cedr., ed. Bonn., Theoph. cont. III p. 140 — 7), о травныхъ мозаическихъ орнаментахъ стѣнъ триклинія во дворцѣ Константина Порфиророднаго (Theoph. cont. ib. p. 456) и о пестрой мозаической росписи византійскихъ мастеровъ (?) въ мечети Омміадовъ въ Дамаскѣ начала VIII стол. Но и эти немногія свѣдѣнія важны по тому единогласію, которое заключается въ нихъ и устанавливаетъ общій взглядъ на эпоху: иконоборство, стало быть, прямо или косвенно способствовало развитію вкуса къ *орнаментикѣ*. Всѣ

темы этой орнаментики, нѣкогда созданныя Востокомъ и усвоенныя Греціею и Равенною, затѣмъ жившія еще и въ V стол., когда синайскій подвижникъ Нилъ счелъ нужнымъ возстать противъ этой дѣтской потѣхи, съ новою силою выступили теперь въ VIII вѣкѣ, когда, выражаясь его же словами, πᾶν εἶδος ἐκφᾶναι δείκνυται πρὸς ἡδονὴν ὀφθαλμῶν ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ Θεοῦ.

Но къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ, занесеннымъ въ бѣдныя извѣстіями о внутренней жизни лѣтописи Византійской Имперіи, приходятъ на помощь и самые памятники искусства. Конечно, монументальные памятники этого рода сохранились только отъ гораздо позднѣйшаго времени, но не менѣе ихъ живо говорятъ о новомъ художественномъ направленіи миніатюры рукописей. Уже, повидимому, во второй половинѣ VIII стол. [1]) и безусловно въ первой половинѣ IX вѣка находимъ нѣсколько греческихъ рукописей, иллюстрація которыхъ, не предлагая уже обычныхъ иконописныхъ или «историческихъ» миніатюръ, состоитъ исключительно изъ различныхъ заставокъ, инціаловъ, виньетокъ и пр., непремѣнно фигурныхъ и иллюминованныхъ красками [2]). Такъ изъ рукописей, уже ставшихъ извѣстными, укажемъ на *Евангеліе* Ватик. б. № 354, писанное нѣкіимъ Михаиломъ въ 949 году, съ крайне любопытною орнаментикою каноновъ, въ простѣйшихъ краскахъ: желтой, зеленой и красной. Въ аркахъ этихъ каноновъ помѣщены крупные медальоны съ звѣрями, оленями, слонами, зайцами, птицами, также сфинксами и драконами внутри, иногда крестами

[1]) Лабартъ, Hist. des arts ind., t. III, p. 31—2 указываетъ только на одну ркп. *Евангелія* въ нац. библ. Пар. fonds Colbert № 63, м. б. VIII вѣка. См. «Ист. виз. иск. по миніат. стр. 106.

[2]) *Montfaucon*, Palaeogr. gr., p. 254, по поводу фигурной азбуки изъ ркп. Григ. Богосл. Пар. Нац. б. № 510 (880 года) и друг. ркп. IX—XII стол. «съ VIII уже столѣтія въ греч. ркп. замѣчаются большіе инціалы, искусно составленные каллиграфами изъ фигуръ людей, змѣй, птицъ, рыбъ и пр.». Но снимки М. относятся къ IX—XII стол. Ср. буквы P и X съ Синайскими рутописями, также O въ снимкѣ Моне. тождественно съ фигурою буквы въ Синайской ркп. I. Климака № 417.

изъ плетеній. Подобное греч. *Евангеліе* Британ. Муз., собр. Арунд. № 547 (IX в.?) интересно множествомъ инициаловъ въ видѣ рыбъ, птицъ, иногда благословляющей руки, и даже уродовъ, напр. Т въ видѣ человѣка на одной ногѣ [1]).

Значительное число подобныхъ рукописей мы имѣли случай встрѣтить въ библ. Синайскаго монастыря Св. Екатерины. Таковы напр. *двѣ рукописи I. Климака* за № 417 и 421, обѣ прекраснаго письма IX в. въ мал. 4° со схоліями; инициалы этихъ рукописей, то фигурныя, въ видѣ рыбъ и птицъ, то изъ плетеной тесьмы, или даже суставчатыя изъ растительныхъ колѣнецъ, разнообразны и изящны въ своей древней простотѣ и грубости. Еще любопытнѣе тамъ же манускриптъ *поученій Св. Θеодора Студита* за № 401, также IX стол.; его змѣевидные инициалы и заставки поражаютъ своею близостью къ романскому стилю рукописей XII—XIV в. на Зап. и въ Россіи; здѣсь плетеніе само образуется изъ извивовъ змѣй и драконовъ, красныхъ, желтыхъ, синихъ и пр., на которыхъ нападаютъ большія птицы; нѣкоторая причудливость и пестрота формъ [2]), а равно и самый выборъ темъ указываетъ намъ какъ будто бы на Египетъ, откуда могутъ вести начало эти ркп., а м. б., и самая орнаментація, которая, коренясь въ самыхъ условіяхъ жизни этой страны Востока, не чужда также и духовнаго принципа—символизма. Если же мы припомнимъ, для подкрѣпленія нашей гипотезы (общій характеръ александрійской письменности повторяется также въ этихъ рукописяхъ), что Египетъ издревле былъ наклоненъ къ ориге-

---

[1]) Сюда же отнесемъ мы и нѣкоторыя латинскія рукописи, иллюстрированныя явно по греческимъ образцамъ: церемоніалъ при ркп. Exultet библ. Минервы въ Римѣ, б. предметомъ изученія для Чіампини и д'Аженкура; большое Д этой ркп. все составлено изъ плетеній, обвивающихъ крестъ и звѣрей. Латинское *Евангеліе* IX в. въ Париж. Нац. б. № 265 имитируетъ орнаментику визант. ркп. IX стол., тогда какъ ркп. 11959 той же библ. сочетаетъ ее съ англосаксонскими образцами.

[2]) Къ сожалѣнію, чаще всего повторяется А (ἀδελφοὶ) и Т (τέκνα) въ началѣ поученій, и потому рисовальщику мало простора для воображенія и труда.

низму и отъ него къ иконоборческимъ тенденціямъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ напр. борьба антропоморфитовъ и оригенистовъ (атеевъ) въ V вѣкѣ, то намъ уяснилась бы значительно почва происхожденія этой орнаментики. Въ подобной темной сферѣ приходится итти ощупью и довольствоваться всякаго рода указаніями и преданіями. Остановимся, наконецъ, на *Евангеліи Синайской библ.* № 213, въ м. 4°, пис. 2 столбцами, которое, по мѣстному преданію, происходитъ изъ б. монастыря горы Хорива. На первомъ листѣ читается запись молитвы о рабѣ Божіемъ пресвитерѣ Евстаѳіи, написавшемъ это Евангеліе, а на послѣднемъ, что оно кончено писаніемъ въ м. Январѣ 30-го числа индикта 10, года отъ сотворенія міра 6475 = т. е. въ 967 году.

Вотъ эти записи (въ точной передачѣ): Μνησθειτη (sic) κε̄ τοῦ δουλου σοῦ ευσταθειου πρεσβυτερου ἁμαρτωλου καὶ ταπείνου τοῦ π θω (?) γραψαντος τὸ εὐαγ τοῦτω. ἀμην.

2) Επληρωθη συν θω̄ τῶ εὐαγγελειον τουτῶ μη ϊαννουαριω εις τ λ̄ ηνδ ῑ ἔτους ἀπο κτίσεως κοσμȣ ,συοε'.

Обращикъ письма (одинъ листъ) сообщенъ еп. Порфиріемъ Успенскимъ въ приложеніи къ его соч. «Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты ч. 2-я, отдѣл. 1-е, Кіевъ, 1877, табл. № 3.

Рукопись наполнена заставками въ видѣ ленточныхъ плетеній, багетками, culs de lampe и передъ каждымъ чтеніемъ имѣется фигурный иниціалъ. Краски всѣхъ этихъ орнаментацій простыя, не ломаныя, безъ всякой моделлировки; синяя служитъ фономъ для киновари, охра заступаетъ мѣсто золота, яркозеленая и изрѣдка свѣтлокоричневая появляются въ деталяхъ изображенія животныхъ. За то рисунокъ и формы иниціаловъ крайне характерны и важны для восточно-византійской орнаментики. Мѣстами плетеніе заставокъ превращается въ плетеніе змѣй, на концахъ котораго появляются то головы драконовъ, то голова или руки поглощеннаго ими человѣка (Іоны): въ концѣ нѣкоторыхъ главъ изображены геральдическаго стиля грифоны, архаизмъ которыхъ повторенъ Запа-

домъ въ XI — XII стол. Заглавныя буквы большихъ размѣровъ совмѣщаютъ въ себѣ и обычныя растительныя формы виз. иниціаловъ X стол., и самыя причудливыя черты звѣринаго романскаго стиля.

Ϲ (чаще всего, при словахъ εἶπεν ὁ ις) въ видѣ благословляющей руки епископа (судя по обозначенному шитью ризъ), но также въ видѣ двухъ драконовъ, извивающихся по сторонамъ руки или цвѣтка и пр., и даже двухъ грифоновъ, охватившихъ человѣческую фигуру. Буква А въ видѣ колонны, обвитой тесьмою или цвѣтами, къ которой слѣва подпрыгиваетъ зайчикъ, птица и пр. Сколько разъ ни повторяется иниціалъ Т [τῷ καιρῷ ἐκίνῳ (sic)], всякій разъ оно даетъ различные рисунки, въ которыхъ растительные извивы и плетенія оканчиваются головами птицъ и грифоновъ; под. видъ имѣетъ буква П, тогда какъ въ V и др. повторяется еще форма рыбы и пр.

И присутствіе деталей той же самой орнаментики въ изящныхъ рукописяхъ X стол., под. напр. Евангелію Пар. Нац. библ. за № 70 964 года, доказываетъ, что она не ограничивалась провинціальными сферами, но рано перешла въ общее достояніе. Элементы этой орнаментики, а именно звѣриныя формы иниціаловъ, мы встрѣтимъ впослѣдствіи въ великолѣпномъ кодексѣ книги Бытія Vat. Christ. I, X вѣка, въ Пар. Нац. б. Coisl. 20—Еванг. X же стол., во многихъ рукописяхъ XI вѣка: Еванг. Пар. Нац. б. № 163, Коммун. библ. въ Сіенѣ, ркп. Гомилій Іакова Нац. б. № 1162, Ват. код. Григ. Богосл. № 463, Vat. № 1156, Словахъ Григ. Богосл.: Нац. б. 543 и Син. библ. № 339 и т. д., въ XII вѣкѣ даже въ Псалтыряхъ: Син. библ. № 38, 61 и иног. друг. Но въ цѣломъ, эта орнаментика родственна лишь съ восточными, хотя бы и позднѣйшими рукописями: таковы для XII вѣка буквы въ коптскомъ Евангеліи 1173 года въ Нац. № 41 Пар. б. № 13, и двухъ сирійскихъ Ев. ib. 40, 1191 г. и 1195 г., для XIII—XIV стол.—Еван. армянское Пар. Нац. б. № 10 a, Іова Vat. № 1231 и пр. Въ этомъ послѣднемъ манускриптѣ каллиграфа Іоанна изъ Тарса, мы находимъ напр.

любопытный иниціалъ мѣстнаго происхожденія: левъ терзаетъ плечо человѣка.

Но особенно много говоритъ въ нашу пользу сходство армянскаго указ. Евангелія съ образцами X вѣка: хотя здѣсь уже иная техника, и крохотная рукопись эта можетъ считаться за одно изъ блестящихъ произведеній поздневиз. жанра, въ которомъ фонъ и контуры исполнены золотомъ, и въ многочисленныхъ виньеткахъ и заставкахъ видимъ собственно растительный орнаментъ, но въ видѣ сложныхъ плетеній, однако заглавныя буквы даютъ все тѣже странно причудливыя формы. Большая часть ихъ представляетъ птицъ въ удивительныхъ перегибахъ, съ неестественно длинными клювами и хвостами, а иногда съ змѣинымъ тѣломъ; буквы оканчиваются или птичьею или змѣиною головкою, иногда въ видѣ крылатыхъ драконовъ, львовъ, даже въ видѣ двухъ львовъ архаическаго типа, поднявшихся на заднія лапы. Заставки пестрѣютъ уже не одними растительными побѣгами, но и плодами; чаши или фонтаны на верху этихъ заставокъ обставлены пѣтухами, павами, деревьями, пальмами, но также львами, обезьянами, которыя держатъ въ рукахъ факелы и имѣютъ на головахъ дурацкія короны.

Евангеліе № 204

Въ отдѣлѣ Лицевыхъ Евангелій Синайской библіотеки, какъ и слѣдовало ожидать, весьма многочисленномъ, первое мѣсто занимаетъ драгоцѣнная рукопись за № 204, in 4°, вся съ начала до конца писанная золотомъ. Унціальное письмо носитъ на себѣ явно характеръ того ренессанса въ письмѣ, когда круглыя буквы вновь вытѣснили продолговатыя, писцы стремились подражать старинѣ и выработали новую форму для подносныхъ и церковныхъ кодексовъ, почему этотъ унціалъ и принято называть «литургическимъ[1]». За отсутстві-

[1]) Образецъ особенно крупнаго письма у. Montfaucon, l. c. p. 229; *Gardthausen* l. c. 161—2 справедливо понижаетъ памятники этого письма на два столѣтія, съ VIII на X-е, и съ IX на XI и даже XII вѣкъ. Характеристика буквъ Д, круглаго Θ, Υ какъ лат. V и друг. вполнѣ приходится къ нашей ркп. Позднѣйшее ея происхожденіе свидѣтельствуется зубчатыми буквами въ заголовкахъ.

емъ рукописей съ датами именно въ этомъ разрядѣ, нельзя и приблизительно рѣшить, когда возникаетъ этотъ шрифтъ, но, послѣ остроумныхъ сближеній и доводовъ Гардтгаузена, нельзя также и сомнѣваться, что господство письма устанавливается не въ VIII столѣтіи, какъ думали, но со второй половины X вѣка и принадлежитъ особенно XI вѣку. Наша рукопись написана особенно изящно, и ради этого изящнаго унціала всегда возбуждала къ себѣ особенное вниманіе путешественниковъ и палеографовъ. Установилось даже, повидимому, безъ всякихъ основаній, преданіе, что она принесена въ даръ монастырю Имп. Θеодосіемъ, при чемъ, очевидно, разумѣется Θеодосій III Имп. (715 и 716 г.) такъ наз. *хризографъ*. Но рукопись, явно, не только позднѣе начала VIII стол., но не можетъ принадлежать даже и началу X вѣка, а писана, всего вѣроятнѣе, во второй пол. X или въ началѣ XI и притомъ, по признакамъ письма, въ Константинополѣ.

Главнѣйшія доказательства въ пользу этой эпохи даются фигурными иниціалами и миніатюрами. Первые представляютъ обыкновенный типъ заглавныхъ буквъ въ роскошныхъ рукописяхъ XI вѣка и состоятъ или изъ растительныхъ побѣговъ условной формы, или изъ птичекъ, которыя держатъ въ клювѣ вѣтки; фигуры исполнены только въ контурахъ, золотомъ же, и не иллюминованы красками. Миніатюры, числомъ 7, писаны по золотому фону и размѣщены по обѣ стороны трехъ выходныхъ листовъ, и такъ какъ Евангеліе это представляетъ изъ себя кодексъ по чтеніямъ, то, вѣроятно, это размѣщеніе было и первоначальное. Христосъ на первой стр. стоитъ на четыреугольномъ подножіи, усыпанномъ жемчугомъ, держа въ лѣвой рукѣ Евангеліе и благословляя правой; одѣтъ въ пурпурный хитонъ съ широкими золотыми клавами и голубой гиматій; складки угловатыя, ломающіяся. Типъ Христа повторяетъ извѣстныя мозаики XI и XII вѣка, но лицо болѣе продолговато и худо, а взглядъ на право не мало усиливаетъ строгость выраженія. Вообще говоря, иконописный типъ данъ здѣсь въ прекрасныхъ еще формахъ, хотя крайнее удлиненіе

пропорцій напоминаетъ даже работы XII столѣтія. *Богородица* (μηρ Θυ) наиболѣе изящная и замѣчательная миніатюра, хотя съ тѣмъ же недостаткомъ въ пропорціяхъ; М. одѣта въ голубой хитонъ и лиловое покрывало, окутывающее ее съ головою; правую руку она прижимаетъ къ груди, а въ лѣвой держитъ свитокъ, смотритъ на лѣво. Ап. *Матѳей* въ прекрасномъ, строгомъ, но не лишенномъ добродушія типѣ, держитъ на покрывалѣ своего гиматія Евангеліе и берется за него правою рукою. *Маркъ* указываетъ правою рукою на свое Евангеліе, также *Лука*, а *Іоаннъ* благословляетъ. Типы, такъ сказать, канонизованные, т. е. окончательно установившіеся въ X и XI стол., и уже утрируютъ выраженіе строгости и величавости. Всего ближе изображенія эти подходятъ къ извѣстнымъ по своему изяществу Евангелистамъ въ миніатюрахъ Евангелія Имп. Никифора (Никифора Фоки, около 964 года) въ Пар. Нац. библ. за № 70[1]), но не имѣютъ ни ихъ живости, ни натуральности въ передачѣ тѣла и карнаціи. Послѣдняя и важнѣйшая для опредѣленія эпохи миніатюра представляетъ *преподобнаго Петра* (ὅσιος Πέτρος), мрачную, аскетическую фигуру старца, съ бородою до пояса, какъ у Павла Ѳивейскаго, въ темнокоричневомъ монашескомъ одѣяніи, но безъ кукуллія; на хитонѣ видны: *аналавъ* (ἀναβολεύς) или шерстяной шнуръ, который, опускаясь съ шеи, обвиваетъ плечи и препоясываетъ крестообразно одежду, и кожаный съ металлическимъ наборомъ поясъ, съ котораго спускаются вериги; на плечи накинутъ сзади и застегнутъ на груди *маѳорій*. Изъ всѣхъ Святыхъ[2]) греческой церкви съ именемъ Петра подходитъ только одно лицо, а именно: Петръ (ὁ ὅσιος πατὴρ ἡμῶν) б. патрицій временъ царицы Ирины, сынъ Константина, доместикъ школъ при Никифорѣ, молитвою освободившійся отъ болгарскаго плѣна и разрѣшенный отъ узъ І. Богословомъ, послѣ

[1]) Labarte, Hist. d. a. ind., атласъ, pl. 84.

[2]) См. «Полный Мѣсяцесловъ Востока» арх. Сергія. Кромѣ указ. Свв., подъ 28 Ноября, въ Ватик. Менологіи, изд. Кард. Альбани, т. I p. 216 Петръ муч. при Константинѣ Копр., представленъ въ монашескомъ (?) одѣяніи.

покинувшій міръ и ставшій монахомъ сперва на Олимпѣ, затѣмъ въ Константинополѣ въ мѣстности имени Эвандра. Его житіе передано подъ 1 Іюля въ греч. Менологіи Имп. Василія, что̀ въ Ватик. б. (изд. Albani, III p. 148).

Изъ числа прочихъ кодексовъ Евангелія въ Синайской библіотекѣ обращаютъ на себя вниманіе: № 149, ркп. XIII в., съ любопытными канонами, которые украшены башнями фантастической архитектуры.

№ 152, Четвероевангеліе, in 4°, прекраснаго письма 1340 г. (см. запись). Миніатюры Евангелистовъ любопытны тѣмъ, что каждый изъ нихъ подноситъ свою книгу Спасителю, благословляющему чело ученика; этому утрированному представленію соотвѣтствуетъ и преувеличенность движеній, слащавость экспрессіи. Мутнорозовая и бѣлесовато-голубая краска, съ мыльными наливами, отличаютъ собою вообще лучшія рукописи XIV в.

154. Тоже, XII в., въ малую 4, съ изображеніями Евангелистовъ дурнаго письма, грязныхъ красокъ; въ этомъ монашескомъ издѣліи больше старанья, нежели искусства; каноны раздѣланы пестро павлинами, свѣтильниками, чашами и пр.

156, тоже, XII в., отличается полнымъ безвкусіемъ рисунка заставокъ и, напротивъ, гармоническимъ подборомъ свѣтлыхъ красокъ; свѣжее и молодое лицо черноватаго Марка не лишено пріятности.

157, тоже, XIV в, съ 4 Евангелистами; имѣется запись, указывающая, что книга написана «на островѣ Патмосѣ», въ пещерномъ монастырѣ І. Богослова рукою монаха Іоанна.

165, какъ и №№ 170, 240 и нѣкоторые другіе, любопытно уже не столько самыми миніатюрами, сколько по орнаментикѣ; первыя совершенно помертвѣли, а во второй еще сохранилась жизнь, и голубые разводы въ заставкахъ этихъ рукописей, растительные побѣги, львиныя маски и пр., какъ и фигурные инціалы, въ звѣриныхъ и фантастическихъ формахъ, могутъ еще служить доказательствомъ силы греко-восточныхъ художественныхъ преданій.

За № 166 находится замѣчательное по своему изяществу Евангеліе XII в. Тонкая роспись цвѣтовъ, фонтановъ, птицъ, шраффировка золотомъ, и свѣтлокоричневый фонъ каноновъ, напоминающій Альгамбру, находятся въ оригинальномъ противорѣчіи съ водянистою мазнею миніатюръ. Тѣсную связь византійскихъ орнаментовъ съ арабскими иллюстрируетъ № 233, Евангеліе съ двумя миніатюрами, рамки которыхъ близко напоминаютъ мозаическую орнаментику мечети Омара въ Іерусалимѣ.

№№ 153, 160, 170, 179, 187, 196—XI—XIII в. заключаютъ въ себѣ изображенія 4 Евангелистовъ ординарнаго типа, какъ и сотня подобныхъ рукописей въ библіотекахъ Востока и Запада.

Напротивъ того, № 216, Евангеліе Апракосъ, хотя принадлежитъ уже XIII—XIV в., и дурнаго письма, представляетъ заставки прекраснаго рисунка. Вмѣсто изображенія Ев. Іоанна представлено Распятіе въ позднѣйшемъ перевоѣ (глаза Христа закрыты, на немъ препоясаніе), съ сотникомъ; фономъ служитъ стѣна съ 2 башнями.

221 [1]), тоже въ л., XIII в. съ выходнымъ изображеніемъ Христа, къ которому подходятъ всѣ Евангелисты, съ Евангеліями въ рукахъ, какъ бы собираясь читать ихъ; рисунокъ—крайне отяжелѣвшій.

Сравнительно съ этими ординарными рукописями XI—XIII стол., гораздо болѣе любопытны даже плохія рукописи XIV и XV вв., въ которыхъ самое разложеніе византійскаго шаблона дало возможность прорваться наружу мѣстнымъ, народнымъ элементамъ. Много подобнаго рода важныхъ для исторіи художества на Востокѣ памятниковъ остаются доселѣ неизвѣстными или недоступными. Изъ рукописей Син. м-ря укажемъ нап. Евангеліе за № 237 со множествомъ инициаловъ, растительныхъ, звѣриныхъ формъ и даже въ видѣ плетеній; многія ленты оканчиваются здѣсь головами птичьими, драконами

---

[1]) Листы этого Евангелія подклеены обрѣзками какого то древнѣйшаго кодекса, быть можетъ, даже извѣстнаго «тишендорфовскаго.

ни пр.; каноны обставлены фантастическими башнями, интересными для возстановленія исторіи готической архитектуры.

№ 275 — ркп. Дѣяній Апостольскихъ, XIII в., въ томъ же крохотномъ жанрѣ, какъ и экземпляръ Апостола въ библ. Московскаго Унив., любопытна для иконографіи. Въ началѣ рукописи изображенъ Христосъ, посылающій учениковъ своихъ на проповѣдь, а въ концѣ Саваоѳъ (съ обнаженными ногами), держащій красную, т. е. огненную книгу; по сторонамъ его чаши съ цвѣтами знаменуютъ рай. Чаще другихъ Апостоловъ представляется Павелъ, обыкновенно въ собесѣдованіи съ Христомъ; Апостолъ окруженъ даже облакомъ или ореоломъ. Іаковъ, какъ еп. церкви Іерусалимской, стоитъ внутри портика, обставленнаго кипарисами. Во всемъ видна копія съ монументальнаго оригинала.

«Книга Іова», Синайс. б. № 3

По особо изящному выполненію миніатюръ и также по своей рѣдкости представляется важною рукопись въ л. *Книги Іова* за № 3, относящаяся по всѣмъ признакамъ письма, но не живописи, къ XII вѣку. Хотя въ настоящее время и трудно опредѣлить мѣсто происхожденія греческихъ рукописей, однако извѣстныя качества рисовки и особенно колорита заставляютъ насъ думать, что этотъ кодексъ, вмѣстѣ съ Осьмикнижіемъ Ват. библ. № 746, не константинопольскаго или столичнаго письма, но провинціальнаго. Не даромъ въ немъ такъ много сохранено отъ древнѣйшаго оригинала и такъ мало парадныхъ, показныхъ формъ греческихъ рукописей этого времени. Одинъ взглядъ на миніатюры [1]) этой рукописи,—которыя то напоминаютъ указанный кодексъ, то должны быть сближаемы даже съ Вѣнскою Библіею V вѣка,—и на прекрасное древне-

[1]) Изъ 24 миніатюръ, украшающихъ начало ркп. до 25-го л. включительно и прекрасно сохранившихся, не сохранилась лишь одна; изображеніе жены Іова на л. 16 об., которое вырѣзано монахами, потому вѣроятно, что плачущая жена была представлена раздравшей на себѣ одежды свои; діаволъ мѣстами по обычаю вытертъ. Заставки рукописи въ видѣ жгутовъ крайне просты, и инициалы типа VIII—IX стол., но нѣсколько фигурнѣе.

унціальное письмо самаго священнаго текста[1]), указываетъ намъ, что мы видимъ передъ собою копію древняго оригинала, переданную близко и вѣрно. За неизвѣстностью, однако, этого самаго древняго оригинала[2]), мы можемъ только сравненіемъ и гадательно опредѣлить себѣ его типъ. Лишь одно общее заключеніе, что рукопись относится къ разряду подражательныхъ работъ и копій, наполняющихъ собою начальную эпоху утвержденія византійской иконописи послѣ иконоборства, можетъ жетъ выставляться болѣе или менѣе положительно.

Всѣхъ миніатюръ 24. Каждая образуетъ полоску подъ текстомъ, выш. 0,09 с., окаймленную киноварною рамкою, какъ во всѣхъ указ. выше кодексахъ; фонъ каждой картинки представляетъ античный ландшафтъ, и горизонтъ до половины залитъ лилово-пурпуровымъ заревомъ, которое въ виз. живописи IX—X стол. составляетъ излюбленный мотивъ и сообщаетъ лучшимъ миніатюрамъ оригинальный колоритъ.

Самые сюжеты даны здѣсь въ условно-античномъ характерѣ: иллюстраторъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на бытовыхъ подробностяхъ, изображая ихъ, однако, кратко и пластически, и его оригиналъ не навязываетъ ему ни символической, ни иконографической манеры.

Между двумя замками, внутри шатра на высокихъ пестромраморныхъ колоннахъ, видимъ Іова и жену его, возсѣдающими на высокихъ тронахъ съ подушками; оба мирно бесѣдуютъ; онъ сѣдъ, но мужественъ, она—юная царица въ діадемѣ. Золотая зубчатая діадема, голубыя клавы на бѣломъ хитонѣ и

---

[1]) Текстъ самой «Книги» приводится лишь въ нѣсколькихъ строкахъ наверху. Внизу скорописью X-го вѣка написаны толкованія Олимпіодора. Рукопись полная, имѣетъ оглавленіе 52 отд. въ 36 пер., которые носятъ заглавія: Экзегетики, діалоговъ, о Господѣ, діаволѣ, ангелѣ, Іовѣ, женѣ его, о Иліи, Моисеѣ и пр. Далѣе идутъ слова, которыя писаны въ 2 столбца.

[2]) Большая рукопись Книги Іова въ библ. г. Патмоса, о которой мы имѣемъ лишь краткое свѣдѣніе, что она принадлежитъ VII — VIII стол., остается неизданной и намъ не извѣстна. Съ другой стороны позднѣйшая редакція XIII — XIV стол. *Житія Іова* отходитъ въ совершенно иную среду. См. мою «Исторію мин. р. 100, 265 др.

античныя серьги — скопированы здѣсь съ древняго оригинала. Прекрасные, чисто античные типы (коричневые — помпеянскіе тоны тѣла) трехъ дочерей Іова, встрѣчающихъ у дома своего отца съ сыновьями, видимъ въ слѣдующей сценѣ. Далѣе, миніатюристъ ведетъ подробную иллюстрацію изобильной жизни праведника, видимъ многочисленныя стада Іова, пасущіяся на обильныхъ лугахъ; пастухи охотятся съ собаками за зайцемъ; видимъ дружбу дѣтей; вечерю всей семьи съ плясками молодыхъ рабовъ; жертвенныя приношенія Іова на алтарѣ всесожженія, и затѣмъ рядъ сценъ богатства и вообще земнаго счастья Іова. Многое въ этихъ сценахъ смѣшно или забавно въ своей дѣтски-грубой и наивной передачѣ; кони и верблюды походятъ на дешевыя игрушки: рисунокъ и композиція слабы или просто вполнѣ безпомощны. Но то, чѣмъ сильно византійское искусство вообще, и здѣсь является съ блестящей своей стороны: античные образы ангеловъ[1]) съ ихъ женственно-нѣжнымъ овалomъ, съ свѣтло-лиловыми и голубыми одеждами, бѣлыми лентами въ волосахъ, просты и прекрасны. Въ этомъ типѣ небеснаго вѣстника, которому подобный есть только въ моз. М. Маджіоре въ Римѣ и миніатюрахъ Вѣнской Библіи, нѣтъ еще и слѣда того вычурнаго и утрированнаго характера кудрявыхъ женственныхъ юношей, которые составили позднѣйшій иконографическій шаблонъ.

Такимъ образомъ «Книга Іова», выдѣлившись изъ библіи помощью Ѳеодоритовыхъ толкованій, получила здѣсь еще древнюю иллюстрацію; впослѣдствіи же она составила главнѣйшее поучительное чтеніе и въ рукахъ богослововъ и проповѣдниковъ стала неизсякаемымъ источникомъ нравственныхъ темъ, или догматическихъ толкованій о союзѣ Ветхаго Завѣта съ Новымъ, и самъ Іовъ явился ветхозавѣтнымъ образомъ Христа. Та иллюстрація, которую мы видимъ послѣ (въ XIII—XIV вв.), хотя и повторитъ прежнія темы, но дастъ намъ, однако, уже

[1]) Изъ любопытныхъ деталей отмѣтимъ золотой пастырскій посохъ (baculus или lituus) въ рукахъ дымчатаго сатаны.

новый характеръ житія или даже восточной поучительной сказки. Мы видѣли, съ какими наивными натуральными подробностями живописуетъ бѣдственную исторію страдальца миніатюристъ Синайскаго кодекса (№ 3), и какъ мало онъ занятъ символизаціею проходимыхъ имъ событій. Всѣ эти детали будутъ со временемъ пріурочены къ инымъ цѣлямъ, которыя выставитъ иное печальное время.

Въ данную эпоху только одинъ сюжетъ изъ этихъ миніатюръ встрѣчается съ характеромъ поучительнымъ: это сцена свиданія жены съ Іовомъ смердящимъ, подающей ему хлѣбъ на палкѣ: частое повтореніе этого сюжета въ Словахъ, Житіяхъ и даже Святцахъ X—XI в., намъ кажется, указываетъ на спеціальную монашескую тенденцію.

Архаистическій или подражательно-античный пошибъ, господствовавшій въ византійскомъ искусствѣ X—XI стол., выступаетъ конечно, сильнѣе всего въ иллюстраціи такихъ кодексовъ, которыхъ сложеніе принадлежитъ древнѣйшему времени, иногда V — VI столѣтіямъ, а самые списки завѣдомо представляютъ собою не болѣе, какъ копіи этихъ древнихъ оригиналовъ, съ тѣмъ, однакоже, отличіемъ, что въ стилѣ миніатюръ явно чувствуется поздневизантійская тонкость, вычурность и такъ сказать, изношенность античнаго преданія. Эти списки, если они не прямыя копіи — какъ напр. Лаврентіанскій или Синайскій списокъ Космы — узнаются уже потому, что въ нихъ мы встрѣчаемъ, при широкомъ стилѣ композицій господство миніатюрнаго пошиба въ размѣрахъ фигуръ, мелочную отдѣлку деталей и т. д. Рисунокъ не имѣетъ прежней простоты, сюжетъ обработанъ непремѣнно каждый порознь, въ видѣ картинки, которая кстати окаймляется ленточкою или рамочкою красною, или золотою. Если миніатюристъ не списываетъ просто въ меньшемъ масштабѣ, то онъ обязательно хлопочетъ о подобномъ, чисто внѣшнемъ изяществѣ своихъ композицій, и видимо становится въ положеніе окончательно подчиненное или второстепенное по отношенію къ писцу.

Космы Индоплова «Топографія» № 1186.

Разсмотримъ сначала оба кодекса *Христіанской Топографіи* Космы Индоплова: Лаврент. библ Plut. 9[1]), cod. 28 и Синайскаго монастыря № 1186[2]), изъ которыхъ первый, отличаясь лучшимъ исполненіемъ, позднѣе, по нашему мнѣнію, втораго, и если, дѣйствительно, принадлежитъ, какъ считаютъ со временъ Монфокона, къ X стол., то заставляетъ этимъ самымъ помѣстить и вторую рукопись въ X или въ началѣ XI вѣка (подписная іота помѣщается въ строку). Съ этимъ согласуется и характеръ письма обѣихъ рукописей и ихъ украшеній. Синайскій кодексъ и по полнотѣ своей можетъ считаться образцовою копіею древнѣйшей рукописи. Эта копія обратила наиболѣе вниманія на просвѣтительное, лучше сказать, научное значеніе труда Космы, и схоліастъ-глоссаторъ его, равно какъ и иллюстраторъ занялись главнымъ образомъ разъясненіемъ самой топографіи вселенной: въ противуположность древней редакціи (Ист. виз. иск. стр. 90), изобиліе миніатюръ, поясняющихъ космографическія теоріи Космы, или наглядно изображающихъ предметы, о которыхъ у него трактуется, указываетъ на су-

---

[1]) Кодексъ этотъ въ малую in 4°, совершенно одного размѣра съ Синайскимъ. *Шнаазе*, по указанному уже правилу, различаетъ въ миніатюрахъ, достоинству исполненія, руки двухъ живописцевъ. Каждая миніатюра обрамлена узкою коричневою ленточкою. Рукопись имѣетъ двѣ особыя выходныя миніатюры въ стилѣ и вкусѣ X стол., указывающія въ ней *подносный* экземпляръ: 1) Давидъ пастырь убиваетъ волка, напавшаго на стадо, и 2) по сторонамъ креста, водруженнаго на холмѣ, изъ подъ котораго истекаютъ 4 рѣки, изображены Ап. Петръ и Павелъ. Эта разрушенная миніатюра издана въ каталогѣ *Bandini* I p. 437. См., кромѣ того, мою «Ист. виз. иск. по миніат.» стр. 86—7.

[2]) Синайская ркп. извѣстна была еп. *Порфирію, Первое путешествіе въ Синайскій монастырь*, 1855 г. р. 241, но нашъ путешественникъ ограничился лишь замѣткою, что она ранѣе X-го вѣка. Вездѣ писана и разрисована одною рукою, сохранилась хорошо, но многихъ листовъ нѣтъ: всего 211 листовъ. Начинается прологомъ: πρῶτον μεν πάντων παρακαλῶ τοὺς μέλλοντας ἐντυγχάνειν τῇ δετῇι βίβλωι. Послѣдній 12-й логосъ оканчивается словами: τῇι ἀλεξανδρείαι ἀπολέσαι διὰ τῶν ἐλεφάντων. καὶ..., послѣдняя страница смыта. Въ ркп. затѣмъ слѣдуетъ πίναξ, ὑπόθεσις и λόγοι. На поляхъ имѣются схоліи и глоссы киноварью Любопытны русскія глоссы, переводъ греч. оглавленій позднѣйшаго времени. Немногіе инціалы растительнаго стиля, встрѣчаются виньетки: двѣ куропатки клюющія и пр.

щественную перемѣну въ интересахъ читателя. Миніатюристъ опустилъ изображенія малыхъ Пророковъ, Давида съ хорами, Даніила во рву, Икону Христа съ Предтечею, Страшный Судъ и др., но развилъ и прибавилъ сцены схоластическаго содержанія. Къ описанію Александріи, ея памятниковъ, близко знакомыхъ Космѣ, и окрестностей, нарисовалъ «путь, ведущій изъ города Адуліи въ Аксому» и трехъ Эѳіоповъ идущихъ, далѣе колонну вел. Птоломея съ его статуею и тронъ его (δίφρος πτολεμαϊκός — въ видѣ апалоя съ барельефомъ — двѣ фигуры вельможъ). Схемы и планы странъ свѣта, положенія солнца, восхода и запада, суши и океана, обтекающаго землю, неба и земли, зодіака и пр. и пр. помѣщены въ первой половинѣ сочиненія. Иллюстраторъ останавливается на деталяхъ историко-географическаго интереса, рисуетъ напр. городъ Раиѳу на Синайскомъ полуостровѣ, Елимъ въ видѣ града и путь къ морю. Всѣ рисунки скиніи, ковчега, трапези — алтаря и пр., находящіяся въ древнемъ кодексѣ, удержаны. Но, кромѣ того, въ концѣ сочиненія (Синайской ркп. л. 148, 182, 183, 204, 208) прибавлены изображенія: (индійскихъ) финиковыхъ пальмъ, попугаевъ, *цикла* питательныхъ растеній: китры, энтибіи, алатіи, малахи, аспараги, финиковъ, елайородакины, синастафиліи, костуліи, ситосъ скопомора, каріи арменской и индійской, кинне, сикіойроды, перца и пр. Также представлены животныя: мосхъ, единорогъ, кабанъ, гиппопотамъ, фока или морская корова, дельфинъ, черепаха, левъ и тигръ, вспрыгнувшій на хребетъ коня.

Въ остальномъ обѣ рукописи представляютъ снимокъ съ ватиканской редакціи, измѣняя въ ней только немногое, напр. изображая Исаака или Адама сѣдыми, а не юношами, какъ ихъ представляетъ первая, но сохраняя даже тѣже самыя краски [1]).

---

[1]) Интересъ этихъ копій удваивается, въ виду того, что именно онѣ послужили въ свою очередь оригиналомъ для редакціи славяно-русской, представленной, по нашимъ свѣдѣніямъ, двумя рукописями: Библ. Синод. XVI в., № 997 изд. въ «Очеркахъ» Ѳ. И. Буслаева, т. I, II рис. къ стр. 617, 206, 325

Для сличенія съ славянскою редакціею и съ другой стороны съ древнимъ оригиналомъ предлагаемъ перечень и описаніе миніатюръ Синайскаго кодекса:

Листъ 23: ὁδὸς ἀπάγουσα ἀπὸ ἀδούλεος εἰς ἀξώμην: три юныхъ Эѳіопа, держа знамена, идутъ отъ дома (городъ Адулъ) къ крѣпости (Аксоме); на нихъ только препоясанія. Ниже на треугольномъ пьедесталѣ воинъ съ поднятымъ щитомъ и копьемъ, въ низкомъ шишакѣ—βασιλεὺς μέγας πτολεμαῖος; справа δίφρος πτολεμαϊκός — мраморное кресло въ видѣ налоя, на четырехъ колонкахъ; барельефы представляютъ двухъ молодыхъ патриціевъ.

Л. 30 об.: Ангелъ Господень, съ мѣриломъ, на концѣ котораго видна лилія, лѣвою рукою обнимаетъ мертваго, правою указываетъ на небо. Справа четыре всадника, указывая передъ собою правою рукою, ѣдутъ: вавилонскій — на львѣ, мидійскій — на медвѣдѣ, персидскій — на леопардѣ, македонскій—на барсѣ; всѣ всадники—юноши, въ соотвѣтствующихъ шапочкахъ, македонскій—въ діадемѣ (б. м., указаніе на эпоху происхожденія редакціи).

Л. 33 об.—иллюстрація четырехъ странъ свѣта по сторонамъ (sic) земли и восхода и заката солнца. Л. 34: тоже, съ добавкою народовъ: на Ю. Эѳіоповъ, на С. Скиѳовъ, на В. Индусовъ, на З. Кельтовъ, и четырехъ вѣтровъ: νότος, βορρᾶς, ἀπηλιώτης и ζέφυρος.

Л. 49 об. Грѣхопаденіе. Разрушено.

Л. 64 об.—къ исторіи творенія: схема вселенной, земли, океана и неба; земля по срединѣ въ видѣ горы.

Л. 65 об.: схема въ видѣ арки: вверху ὕδατα ἐπάνω τοῦ στερεώματος; посреди: καὶ ἐκάλεσεν ὁ Θεὸς τὸ στερέωμα

и второю ркп. Общ. Люб. Др. Письм. № 399, обѣ въ четвертку. Въ этой послѣдней выходной листъ представляетъ по сторонамъ креста образы Апп. Петра и Павла, Исаіи и Ноеміи, Іакова брата Господня и Сильвестра папы римскаго. Планы и ветхозавѣтныя сцены цѣликомъ переведены съ греческаго подлинника; затѣмъ иллюстрація (во второй ркп.) на этомъ и останавливается и евангельскихъ событій не изображаетъ. Латинскихъ копій намъ неизвѣстно.

οὐρανὸν и στερέωμα συνδεδεμένον τῷ πρώτῳ οὐρανῷ; внизу: γῆ συνδεδεμένη τῷ πρώτῳ οὐρανῷ κατὰ τὸ πλάτος.

Л. 66: построеніе въ видѣ параллелепипеда: на верху написано: στερέωμα; по бокамъ οἱ στύλοι τοῦ οὐρανοῦ; внизу подъ горою ὠκεανός. Л. 66 об.—схема Океана, обтекающаго съ четырехъ сторонъ землю, въ медальонахъ четыре вѣтра — юноши съ трубами; на сѣверѣ вдается заливъ — κάσπια θάλασσα, на Югѣ два — ἀραβικὸς κόλπος и περσικὸς κόλπος; на З. три малые залива (?) безъ названій и схема Средиземнаго моря съ Адріатическимъ и Чернымъ (безъ названій) — ρωμαικὸς κόλπος. На В., за предѣлами земли садъ — ὁ ἐν ἐδέμ παράδεισος.

Л. 67: вновь схема земли, обтекаемой океаномъ, и вселеннаго круга.

Л. 70 об. — распредѣленіе свѣта и тьмы, дня и ночи, полудня и полуночи.

Л. 71—построеніе въ видѣ ларца — ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν: на крышѣ ларца среди золотаго переплета медальонъ съ изображеніемъ Христа; на голубыхъ же стѣнахъ по бокамъ написано τοῖχος δυτικὸς τοῦ οὐρανοῦ и т. ἀνατολικὸς; посреди земля съ 4 κόλποι, съ солнцемъ восходящимъ и заходящимъ; вершина земной горы — βόρεια μέρη ὑψηλά. Л. 71 об.—зодіакъ съ 7 внутренними кругами (отъ земли): Луны, Гермеса, Аѳродиты, солнца, Ареса, Зевса, Крона, и 12 знаковъ зодіака.

Л. 75 — Переходъ Израильтянъ: Моисей (юный) и Ааронъ ведутъ народъ; впереди колонна и облако радужное, въ небѣ Десница. Об.—городъ Элимъ и 6 финиковъ; Евреи гонятъ стада, четверо собираютъ манну въ видѣ комковъ снѣга на землѣ; внизу Моисей и Ааронъ съ группою передъ колонною, на которой горитъ огонь; въ полѣ сосудъ—στάμνος. Въ небѣ Десница.

76 — вверху крѣпость Элимъ и храмъ — πόλις ραϊθοῦς; вверху летятъ перепела; внизу группа со стадомъ и другая съ Моисеемъ, который изводитъ воду.

Л. 77—Моисей передъ Купиною; сзади него группы народа, онъ принимаетъ заповѣди.

Л. 79 — Οἱ ἔξωθεν ἀττικοί — два молодыхъ ученыхъ со свитками. Об. — Скинія, въ видѣ четыреугольника, съ заборомъ изъ копій; посреди, въ одномъ отдѣленіи, въ планѣ изображено: ἡ κιβωτός τοῦ μαρτυρίου, ἐσωτέρα σκηνή, ἅγια ἁγίων, въ другомъ—ἡ τράπεζα, καταπέτασμα, λυχνία, ῥάβδος, στάμνος, αἱ πλάκες и ὄφις.

Л. 81. Τὰ σκεπάσματα τῆς σκηνῆς — πρώτα, δευτέρα и τρίτα. Л. 83—видъ трапезы и семисвѣщника съ лампочками въ видѣ голубей, испускающихъ пламя.

Л. 84. Первосвященники: Захарія и Авія по сторонамъ ἱλαστήριον'а въ формѣ алтаря и кивота завѣта. Об.—Планъ Скиніи по странамъ свѣта.

Л. 86. Τὸ σχῆμα τοῦ ἱερέως: Аaронъ ὀπισθοφανής и προσθοφανής. Копія.

Л. 88. Посреди кивотъ, окруженный Моисеемъ, Ааономъ и Левитами; всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ и представлены въ позахъ древнихъ ораторовъ — правая рука выставляется изъ складокъ гиматія съ жестомъ обращенія говорящаго.

Слѣдуетъ рядъ сценъ, скопированныхъ съ Ватик. ркп.—л. 91—Іис. Навинъ (сѣдой) и Левиты съ ковчегомъ; об.—Адамъ и Ева въ нимбахъ; л. 93—Авель со стадомъ; л. 97—Енохъ и смерть, отъ него отвертывающаяся; л. 98 — Ной принимаетъ голубя съ вѣтвью; 99 — Мельхиседекъ въ типѣ виз. Императора: 100 — жертвоприношеніе Исаака — живая сцена съ юношами рабами, ведущими коня, Исаакомъ, несущимъ дрова и пр.; алтарь—θυσιαστήριον въ видѣ сосуда безъ ручекъ, въ которомъ пылаетъ огонь. Л. 101—Исаакъ—сѣдой патріархъ, въ Ват. ркп. — юноша. Л. 102 — Іаковъ и юный Іуда, тождественно съ Лаврент. ркп. Л. 103—Моисей, пасущій стада, и Купина въ видѣ сосуда (βάτος); Моисей принимаетъ свитокъ отъ Десницы. Л. 109. Вознесеніе — точная копія съ Ватик. миніатюры: Илія, стоя липомъ къ зрителю, въ колесницѣ между 2 коней, протягиваетъ Елисею милоть

(шкуру) Елисею; направо лежащая фигура ἰωρδάνης, ὄρος, держащая сосудъ опрокинутый, изъ котораго льется вода; вверху голубь, несущій хлѣбъ, и группа, около которой слова «отче, отче, колесница и кони его»: Илія сѣдой, съ длинными волосами; Елисей въ типѣ Павла, лысый. Л. 112—Іону бросаютъ 2 корабельщика въ море, китъ въ видѣ дракона, онъ извергаетъ Пророка въ видѣ ребенка; вверху Іона юноша подъ тыквою, нагой и въ печали. Л. 127 об. и 128—Савлъ стережетъ одежды Евреевъ, и Евреи, избивающіе Стефана — точная копія Ватик. списка. Л. 128 об.—Савлъ на дорогѣ в, Дамаскъ—тоже, но съ прибавкою двухъ архіереевъ на тронѣ отдающихъ свитокъ Савлу. Л. 144 и 147 — Лучи солнца, по его положенію. Л. 148 — два финика съ попугаями и коза—ταῦτά εἰσι τὰ λεγόμενα μοσᾶ; οἱ φοίνικες οἱ ἰνδικοί. 176 об.—сцена уже извѣстная бѣгущаго Езекіи. 182—Циклъ питательныхъ растеній. 183 об.—зодіакъ съ ангелами. 204—206 — животныя.

Слова Григорія Богослова. № 339.

Мы уже имѣли случай кратко пояснить въ другомъ мѣстѣ [1]) роль иллюстрированныхъ кодексовъ Григорія Богослова въ византійской миніатюрѣ и искусствѣ вообще IX—XIII столѣтій, но замѣчательная рукопись Синайской библ. за № 339 требуетъ особыхъ поясненій. Она не представляетъ ничего относительно новаго, даже, напротивъ, даетъ слишкомъ мало свѣжаго матеріала, особенно для иконографіи, но самымъ повтореніемъ излюбленныхъ формъ указываетъ на важность той редакціи, къ которой она принадлежитъ. Эта редакція, и примыкая къ древнему типу IX вѣка, настолько, однакоже, самобытна, характерна, что должна быть выдѣлена въ особливый отдѣлъ миніатюры XI—XII в. Намъ извѣстно теперь *восемь* рукописей Григорія Богослова съ миніатюрами этой эпохи, замѣчательно близкими, а часто и тождественными въ разныхъ спискахъ. Даже орнаментика заставками, фигурными иниціа-

[1]) См. «Ист. виз. иск. по миніат.», стр. 168—185—кодексъ Пар. Нац. б. № 510 и стр. 198 — 204 — ркп. ibid. №№ 543, 550 и Лаврент. библ. Первый IX в., вторыя—XI—XIII

лами или прямо указываетъ на слѣдованіе одному оригиналу, или, по крайней мѣрѣ, ясно представляетъ намъ одинъ общій типъ.

Главная черта миніатюръ въ этой редакціи—ихъ *декоративное* направленіе: каждая композиція, хотя бы главнаго сюжета, дается здѣсь внутри широкой орнаментальной рамки, и что̀ особенно характерно,—чѣмъ позднѣе рукопись, чѣмъ болѣе, слѣдовательно, отходитъ она отъ древняго типа, тѣмъ шире эта рамка и тѣмъ сложнѣе она по своему рисунку. Сопоставимъ эту частность съ общимъ декоративнымъ направленіемъ поздневизантійскаго искусства, выразившимся напр. въ эмаляхъ, мы легко поймемъ, почему и какимъ образомъ на мѣсто свободнаго развитія религіознаго искусства водворялся иконописный шаблонъ, который и способствовалъ наиболѣе усвоенію византійской манеры на всемъ Востокѣ и на Западѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Весь общій складъ этой орнаментики до того проникнутъ элементами восточнаго характера, что онъ казался всегда западнымъ ученымъ ближе къ индо-персидской и арабской декораціи, нежели къ греческому искусству, и что даже, какъ бы втихомолку, установилась теорія вліянія арабскаго орнамента на византійскій, тогда какъ, если что либо существовало въ данномъ случаѣ, то, скорѣе, обратное. Свѣтлыя краски: голубая и розовая, золотые блики и темносиніе фоны, обиліе изящныхъ, условныхъ схемъ листка, цвѣтовъ, каемокъ, ковровыхъ пологовъ, пестрыхъ лентъ, вычурныхъ завитковъ, оживленіе орнамента животными формами, личинами, античными группами, олицетвореніями, самое смѣшеніе міра реальнаго съ художественными формами, напр. кипарисовъ съ колонками, цвѣтка съ крестомъ, растительныхъ побѣговъ съ волютами, или фигуры животнаго съ буквою, формъ архитектуры съ пластическими—таковъ основной типъ. Намъ кажется затѣмъ, что самое развитіе этой декоративной системы именно въ миніатюрахъ, т. е. въ области, отчасти принадлежащей къ производству промышленному, художественной индустріи, указываетъ болѣе всего на оригинальность, народность этого ор-

мента въ Византіи. Тѣмъ важнѣе его собственное и непосредственное вліяніе на живопись: внутри этихъ пышныхъ, пожалуй, дѣтски игривыхъ и веселыхъ рамокъ заключены сюжеты религіозные, и такимъ образомъ наблюдается замѣчательное противуположеніе: чѣмъ богаче и пестрѣе становится кайма, тѣмъ серьезное содержаніе даннаго сюжета усиливается стать строже, сумрачнѣе, какъ будто иллюстраторъ старается прикрыть эту мрачность сюжета внѣшнею приглядностью и, съ другой стороны, вознаграждаетъ благочестиваго читателя. Такъ зачастую говоритъ языкъ ханжества! Какъ высоки и истинно строги, чисты въ своемъ благочестіи, кажутся, сравнительно съ этими мелкими, щеголеватыми декораціями, фрески итальянскихъ мастеровъ XIV вѣка! Однакоже, было бы прямою ошибкою въ сужденіи своемъ объ источникахъ этого направленія византійскаго искусства забывать, что мы имѣемъ дѣло съ Востокомъ, воспитаннымъ на антикѣ, и что прирожденная потребность изящной формы главенствовала здѣсь рядомъ съ аскетическимъ отрицаніемъ всякой внѣшности.

Тѣмъ менѣе можемъ мы отрицать и въ этихъ крохотныхъ рисункахъ движеніе мысли, если не чисто художественной, то богословской, которая отнынѣ исключительно руководитъ иконографіею. При всемъ стѣсненіи мысли и чувства, при всемъ однообразіи варіацій на однѣ и тѣже темы, все же искусство еще задается высокою цѣлью—отысканія внутренняго сокрытаго смысла въ самой художественной формѣ, которой придано значеніе посредника между священнымъ текстомъ и мыслью читателя. Лирическій характеръ религіозныхъ сценъ, экстазъ въ средѣ сценъ повседневныхъ, конечно, навѣяны миніатюристу нашихъ рукописей возвышенными тирадами Григорія Богослова, но онѣ такъ сроднились, такъ сказать, съ мышленіемъ художника, что становятся главнѣйшею чертою самой иконописи и являются существенною причиною созданія въ художествѣ такихъ сферъ, которымъ вполнѣ чужды и мозаики, и древнія миніатюры. Путемъ книжныхъ толкованій богословской доктрины развилось направленіе, которое стало народнымъ и

поддержало жизнь искусства, хотя въ узкой средѣ, позднѣе, среди полнаго хаоса разваливающагося государства и общаго варварства. Выработка же этого направленія художественно-религіозной мысли принадлежитъ всецѣло миніатюрѣ: сначала лицевымъ Псалтырямъ, затѣмъ спискамъ словъ Григорія Богослова, Менологіевъ, Гомилій Іакова, Житій и пр.

Первая редакція миніатюръ къ тексту Григорія Богослова занялась, главнымъ образомъ, иллюстраціею рѣчей и дѣяній великаго учителя; въ ней открылась для насъ вся пышная, церемоніальная обстановка константинопольскаго патріархата. Но въ тоже время миніатюра встрѣтила въ этихъ рѣчахъ столь обильный матеріалъ для развитія иконописи въ богословскомъ направленіи, что уже во второй позднѣйшей редакціи остановилась исключительно на этомъ направленіи. Понятно, затѣмъ, что при бѣдности нашихъ свѣдѣній объ иконописи предъидущаго періода, намъ трудно было бы показать, что въ частности новаго дала здѣсь миніатюра, и только тѣсная связь многихъ иконописныхъ композицій и типовъ съ изображеніями въ миніатюрахъ данныхъ кодексовъ указываетъ намъ на путь ихъ сложенія.

Отсылая читателей къ своему общему сочиненію объ исторіи византійской миніатюры, гдѣ разобраны иллюстрированные списки рѣчей Григорія Б. въ европейскихъ библіотекахъ, мы перейдемъ къ описанію замѣчательнаго по полнотѣ и богатству миніатюръ и украшеній кодексу *Григорія Богослова* въ Синайской библіотекѣ, за № 339, въ л. Кодексъ относится къ XII вѣку по письму и рисункамъ, но долженъ быть помѣщенъ на второмъ планѣ послѣ Парижской рукописи № 550, такъ какъ имѣетъ уже меньше миніатюръ (10 конченныхъ и 2 оставленныхъ въ видѣ контуровъ), а относительная полнота иллюстрацій въ данномъ случаѣ указываетъ на сравнительную близость къ оригиналу. За то, по богатству, замысловатости и тонкости декоративной стороны наша рукопись, напротивъ, превосходитъ парижскую. Рукопись начинается выходнымъ ли-

стомъ съ пятью строками, писанными золотомъ, продолговатыми, фигурными буквами:

ΆΦΙΕΡΩΘΗ Η ΠΑΡΘΣΑ ΒΙΒΛΟΣ ΤΗ ΜΟΝΗ ΤΗΣ ΠΑΝΤΑΝΑΣΣΑΣ ΑΓΙΑΣ ΘΕΟΤΟΚΟΥ (ἐν) ΤΗ ΝΗΣΩ ΤΗΣ ΑΓΙΑΣ ΓΛΥΚΕΡΙΑΣ ΠΑΡΑ ΤΘ ΚΑΘΗΓΘΜΕΝΘ ΤΗΣ ΒΑΣΙΛΙΚΗΣ ΜΟΝΗΣ ΤΘ ΠΑΝΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ ΤΘ ΜΟΝΑΧΘ ΚΥΡΘ ΙΩΣΗΦ ΤΘ ΑΓΙΟΓΛΥΚΕΡΙΤΘ.

Изъ этого *посвященія* книги (въ буквальномъ смыслѣ) мы узнаемъ, что она изготовлена была по заказу каѳигумена «царскаго» монастыря Пантократора Іосифа для монастыря Всевладычицы Богородицы на островѣ Св. Гликеріи. Подъ именемъ царскаго монастыря Пантократора [1]), очевидно, разумѣется, μονὴ τοῦ Παντοκράτορος Χριστοῦ въ Константинополѣ, мужской монастырь, основанный Ириною, супругою Іоанна Комнена (+1124), и въ актахъ носящій названіе ἡ σεβασμία βασιλικὴ μονή, ἐπεκεκλημένη τοῦ Παντοκράτορος, весьма извѣстная въ византійской исторіи обитель, нынѣ превращенная въ мечеть *Зейрекъ-Джами*. Въ обители были погребены императоры Іоаннъ и Мануилъ Комнены, число монаховъ доходило тогда до 700; при Латинянахъ монастырь былъ превращенъ въ католическій, а кельи сдѣлались дворцомъ Венеціанцевъ. Затѣмъ изъ исторіи этого монастыря знаемъ также, что «во времена» Имп. Мануила Комнена (1143—1181), при игумнѣ монастыря Пантократора Іосифѣ, была привезена въ обитель съ большою помпою изъ Ѳессалоники честная икона Св. Димитрія Солуньскаго [2]), но былъ ли этотъ Іосифъ тотъ же самый, что и вкладчикъ нашей записи, рѣшить, понятно, не можемъ. Имя

---

[1]) Монастырь этого же имени на Аѳонѣ, близь Ватопеда, во первыхъ, основанъ только Іоанномъ Примикеріемъ, братомъ имп. Алексѣя, и въ древности (т. е. въ XI стол.) представлялъ нѣсколько обителей съ именами Фалакру и Факину. См. «Описаніе Аѳонской горы», кн. VII, *Montfaucon*, Pal. Gr. p 481 и еп. *Порфирія Успенскаго* «Исторія Аѳона», ч. 3-я, стр. 180.

[2]) *Πασπάτης*, *Α. Γ.* Βυζαντίναι μελεταὶ τοπογραφικαὶ καὶ ἱστορικαί. Ἐν Κωνσταντ. —λει 1877, σελ. 310.

монастыря, наконецъ, встрѣчается впервые, сколько намъ извѣстно, на рукописи и прибавляетъ, поэтому, новый фактъ къ исторіи византійской письменности.

Далѣе: Іосифъ дѣлаетъ вкладъ рукописи въ монастырь Богородицы, находящійся на островѣ Св. Гликеріи и самъ называетъ себя *αγιογλυκερίτομς* [1]), т. е. онъ былъ родомъ съ этого острова. По различнымъ даннымъ можемъ догадываться, что островомъ Св. Гликеріи названъ о. *Лемносъ*. А именно въ Актахъ, изд. Болландистами, находимъ, что мощи Св. Гликеріи, мученицы II вѣка въ Гераклеѣ Оракійской, были когда то перенесены (послѣ имп. Маврикія, при которомъ онѣ находились въ Гераклеѣ) на островъ, близь Проконнеса и Пропонтиды, и въ городѣ этого острова послѣ того былъ храмъ во имя мученицы. Житіе Св. Евфиміи передаетъ, затѣмъ, о чудесномъ перенесеніи мощей этой Святой на о. Лемносъ (πρὸς τὴν ἀδελφήν καὶ συμμάρτυρα Γλυκερίαν), гдѣ онѣ были положены рядомъ съ Св. Гликеріей [2]).

Тоже самое обстоятельство занесено и въ запись ямбическими стихами золотомъ на послѣднемъ листѣ рукописи, къ сожалѣнію, безъ помѣты года.

Τὴν χρυσοτευκτὸν στικτὸν ἀργυφῆ βίβλον
ἣν ἐκρότησε τοῦ θεοῦ τελῆν (?) στόμα
τῶν ποιμεναρχῶν γραμματὴς (?) ἀκρότατος,
τεύξας μοναστὴς ἰωσὴφ ἀρχηγέτης
μονῆς μοναστῶν παντοκράτορος λόγου
τῆς παντανάσσης τῇ μονῇ δῶρον νέμων (?),
εἰς λύτρον εἰς κάθαρσιν ἀγνοημάτων.

«Золотомъ писанную, расцвѣченную, блестящую книгу, которую прогремѣлъ совершенный глашатай Бога, величайшій книжникъ между пастыре-начальниками — изготовилъ инокъ Іосифъ, глава обители иноковъ всемогущаго Слова, принося

---

[1]) Под. прозванія монахъ: αγιοορητъ, αγιοθεοδορητъ и пр. извѣстны.

[2]) Acta SS., Mai, t. III p. 183—192; Septemb., t. V, p. 277. Также *Сергій*, арх. Полный мѣсяцесловъ Востока, II, замѣтки, стр. 134.

даръ обители Всевладычицы, во искупленіе, во очищеніе грѣховъ невѣдѣнія».

Наконецъ, позднѣйшая припись, гласящая: «я, Германъ, монахъ и экономъ Крита», привезъ съ собою эту книгу для Синайскаго монастыря въ годъ, ζνή=1550, вновь указываетъ намъ путь собиранія греческихъ рукописей по завоеваніи Византіи.

Изъ всѣхъ миніатюръ, украшающихъ ркп. № 339, едва ли не самая замѣчательная—*выходная*. Внутри трехъ-арочнаго портика, составляющаго лицевой фасадъ большаго трехкупольнаго храма съ пристройками въ видѣ башенъ и домовъ, Григорій Богословъ пишетъ свои «слова», сидя на большомъ игуменскомъ креслѣ; Христосъ, изображенный въ сегментѣ неба, его благословляетъ справа. Субструкціи портика образуютъ родъ монументальнаго сооруженія въ рустику, съ тремя окнами и двумя входами въ видѣ широкихъ арокъ; въ нихъ изображены два фонтана—символическая деталь; по сторонамъ портика, внутри двухъ мраморныхъ киворіевъ, или алтарныхъ балдахиновъ, съ затворенными дверцами, видны растенія и цвѣты — также образъ «рая затвореннаго». Въ сводѣ раскрытой главной абсиды видно изображеніе Богородицы — Знаменіе, съ Младенцемъ передъ собою, на колѣнахъ. Все это, дѣйствительно, носитъ характеръ στιχτὸν—пестрѣетъ разноцвѣтными мраморами, блестящими красками и богатствомъ деталей. Кромѣ различныхъ любопытныхъ данныхъ по архитектурѣ, кладкѣ и т. д, слѣдуетъ особенно замѣтить изображенія рѣзныхъ дверей и крестовъ на куполахъ. Затѣмъ: къ слову на Пасху, крохотная миніатюра, внутри пестрѣющаго цвѣтами пологa, представляетъ Воскресеніе Христа, стоящаго на поверженныхъ вратахъ ада и изводящаго за руку Адама, Еву и Авеля съ одной стороны, тогда какъ съ другой видны Давидъ, Соломонъ и пр. Буква А представляетъ тотъ же сюжетъ. — Ко 2-му Слову на Пасху изображено *Вознесеніе* Христа въ типѣ юнаго Эммануила (?), внутри голубаго овальнаго ореола, несомаго четырьмя эмблемами Евангелистовъ; Христосъ держитъ въ лѣ-

вой Евангеліе, правую простеръ, но не благословляя (что указываетъ на слѣдованіе древнѣйшему типу); фигура какъ бы восходитъ вверхъ, хотя видна en face; по сторонамъ, въ полѣ видны Григорій и его ученикъ съ развернутымъ свиткомъ. Буква Е представляетъ Григорія, проповѣдующаго ученику, и Христа въ небѣ. Кромѣ того, сбоку изображено тоже Вознесеніе (схема символическая) въ видѣ *ангела*, возносящагося въ ореолѣ, посреди сонма ангеловъ съ копьями, на остріяхъ которыхъ блестятъ звѣзды: замѣчательное приложеніе эмблематическаго образа Слова Божія и Ангела Господня къ богословскому опредѣленію Славы Господней; Ангелъ — Христосъ представленъ здѣсь въ *античномъ* костюмѣ, т. е. какъ христіанское олицетвореніе по преимуществу, а остальные ангелы въ императорскомъ орнатѣ (лоратныя туники, аттрибуты власти) являются образами «силъ небесныхъ». — Слово «εἰς τὴν καινὴν κυριακὴν καὶ εἰς τὸ ἔαρ. καὶ εἰς τὸν μάρτυρα Μάμαντα. Въ заставкѣ Григорій благословляетъ сидящаго на горкѣ юнаго Маманта. Въ полѣ представлено: сцена невѣрія Ѳомы передъ затворенною дверью и Григорій, обнимающій подножіе мраморнаго престола внутри киворія (ср. аналогическія сцены изъ Псалтыри: Давидъ передъ престоломъ). Буква Е заглавная въ видѣ Гр. Богослова проповѣдующаго и женъ у отверстой ротонды Гроба.—На Пятидесятницу: въ кругу извѣстная сцена; внутри арки четыре фигуры изъ народа. Тоже представляетъ и иниціалъ П (Περὶ τῆς ἑορτῆς).

Слѣдуетъ рѣчь[1]) εἰς τὸν ἐξισωτὴν Ἰουλιανόν—къ Юліану (не Юліану отступнику), лучшему другу Григорія Богослова, родомъ также изъ Назіанза (что въ Каппадокіи), поставленному въ этомъ городѣ префектомъ для уравненія податей. Проповѣдникъ приглашаетъ друга къ продолженію своего дѣла милосердія и благодѣтельствованія бѣднымъ, клирикамъ, монахамъ или «философамъ», пересыпая свою проповѣдь указаніями на исторію рожденія Христа и его правило: воздадите

[1]) *Migne*, Patrol. c. c. ser. gr., t. XXXV, p. 1043 sq.

Кесарево Кесареви и т. д. Миніатюра въ заставкѣ изображаетъ Григорія и Юліана на креслахъ, пишущими передъ группою Каппадокіянъ. Сбоку въ полѣ, за столомъ вѣшаютъ золотыя монеты чиновники той же страны, и группы выражаютъ умиленіе передъ справедливостью ихъ. Буква Г въ видѣ фигуры Святителя. — На *Рождество* — обычная композиція этого сюжета, съ ангелами, славословящими вверху, Богоматерью съ Младенцемъ въ срединѣ, омовеніемъ его внизу, 3 волхвами слѣва и 3 пастырями справа. Буква К скомпонована изъ той же сцены очень искусно. — Эпитафія на Василія Вел. — сцена погребенія. Рядъ любопытныхъ иниціаловъ, о которыхъ скажемъ ниже. — На Крещеніе — сцена съ олицетвореніемъ Іордана и фигурою моря; три ангела, преклоняющіеся на берегу, и Григорій съ ученикомъ. Буква П въ видѣ Іоанна, возлагающаго руку на голову Спасителя при крещеніи. — Три миніатюры, тождественныя съ древнимъ оригиналомъ: проповѣдь Григорія (къ рѣчи на Крещеніе), святые Кипріанъ и Пелагія и сцены мученій Маккавеевъ. Буква Т въ видѣ 7 фигуръ столбикомъ юношей Маккавеевъ, ихъ отца и матери въ волютахъ.

Но главное достоинство рукописи заключается во множествѣ фигурныхъ иниціаловъ, украшающихъ не только начало рѣчи, но и отдѣльныхъ параграфовъ ея. Въ виду этого богатства и малаго вниманія, которое доселѣ посвящалось этой сторонѣ виз. манускриптовъ, считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности. Буквы эти зооморфическаго состава, но съ примѣсью растительныхъ формъ, въ видѣ ли столбовъ и стволовъ, покрытыхъ зеленью, листву которой клюютъ птицы, или даже въ формѣ вѣнечныхъ лепестковъ розы и т. п.; согласно съ обычною въ виз. иск. манерою, буква представляетъ не просто животное, но его движеніе, скорѣе сцену изъ жизни его. Главную роль играетъ змѣя, своими извивами наиболѣе подчиняющаяся формамъ буквъ; ея перевитыя кольца покрыты сѣтью параллельно идущихъ красныхъ и желтыхъ или бѣлыхъ пятенъ. Нужно видѣть въ оригиналѣ всю неподражаемость этой тонкой эмалевой работы и красоту изгибовъ, чтобы убѣдиться

въ первенствѣ этой орнаментики. Символическій характеръ имѣютъ сцены борьбы птицъ со змѣемъ, ихъ взаимной вражды, и античныя фигуры грифоновъ, помѣщенныхъ внизу.

Волкъ, лиса съ своими проказами, собаки, олени и козлы, вступившіе въ бой, но только перепутавшіеся рогами, верблюдъ (П) медвѣдь пляшущій—руки въ боки фертомъ (буква Ф) и изъ міра птицъ аисты и голубки,—таковы прекрасные, но уже извѣстные мотивы инціаловъ. Но есть между ними и болѣе любопытные: К въ видѣ женщины—кентавра съ лютнею въ рукахъ: до пояса женщина съ распущенными волосами, отъ пояса барсъ; и Т—копія извѣстной античной фигуры Беса—карлика, съ львинымъ обличьемъ и туловищемъ, выпускающаго изо рта вѣтви, и многія фигуры обезьянъ, наливающихъ горячее вино, играющихъ на скрипкѣ, мартышки, смотрящейся въ зеркало, играющей на трубѣ и т. д. Весь этотъ зооморфическій орнаментъ развился, конечно, задолго до нашей рукописи—въ VIII—IX в., на что указываетъ изв. свидѣтельство о томъ, что будто бы имп. Ѳеофилъ († 842) ввелъ въ моду звѣриную орнаментацію стѣнъ въ церквахъ и дворцахъ своихъ. Доказывается же это косвеннымъ образомъ западными подражаніями этому стилю въ рукописяхъ IX в. Такъ *Библія* изв. подъ им. *Ноайля* въ Пар. Нац. б. за № 6 lat. представляетъ, говоритъ Лабартъ l. c. III, p. 127, разнообразныя сочетанія этихъ формъ: F въ видѣ павлина, котораго сверху хватаютъ двѣ лисы, O въ видѣ двухъ павлиновъ изогнутыхъ. Напрасно Лабортъ относитъ, однако, эти сочетанія къ смѣлой фантазіи западнаго каллиграфа: его дѣломъ было только широкое пользованіе виз. рисункомъ, который, будучи исполняемъ перомъ, пріобрѣлъ болѣе подвижности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потерялъ прежнюю натуральность. Отсюда, главнымъ образомъ, и развитіе чудовищныхъ каллиграфическихъ сплетеній XIII—XIV в., извѣстныхъ подъ именемъ звѣринаго стиля.

Слова Григ. Б. № 347.

Еще далѣе въ томъ же направленіи идетъ рукопись библ. Синайскаго монастыря in 12 за №347 [1]), мельчайшаго письма,

[1]) Въ концѣ рук. панегирикъ Григорію въ 10 стиховъ и въ заставкѣ исчезающія монограммы.

съ крохотными золотыми иниціалами и прелестными маленькими заставками. Изношенный стиль конца XII вѣка отразился въ этой копіи въ преобладаніи оливковыхъ тоновъ и темнокоричневыхъ одѣяніяхъ, въ сухой и скудной манерѣ письма, исполненнаго сплошь, по золоту, отъ чего многія миніатюры слупились. Чтобы дать ясное понятіе о томъ, къ какому уродству можетъ приводить натурализмъ, не коренящійся въ самомъ художественномъ содержаніи, исходящій отъ монашества, которое въ самой природѣ видитъ только необходимое условіе нашего бреннаго существованія, а въ ея уродованіи — путь ко спасенію, приведемъ лишь одинъ, но яркій обращикъ этой неуклюжей живописи. Въ числѣ обычныхъ выходныхъ миніатюръ, изображающихъ, какъ Григорій сочиняетъ, проповѣдуетъ и т. д., представлено также, какъ великій учитель и Богословъ удитъ людей т. е. буквально удою вытаскиваетъ человѣчковъ изъ воды, уподобляясь такимъ образомъ Ап. Петру, которому, по слову Спасителя, назначено было стать ловцомъ людей. Больше безвкусія трудно встрѣтить даже и въ миніатюрѣ индоперсидской.

Точно такая же рукопись крохотнаго размѣра ($2^1/_2$ вер. выш. и шир) находится въ Синайской библіотекѣ за № 346, съ нѣсколькими иниціалами: П=Христосъ, благословляющій 12 Апостоловъ, сидящихъ по сторонамъ его; М=въ видѣ 3 Святителей, остальныя изъ сценъ поученія. Слова Григорія № 346.

Менѣе замѣчательная въ художественномъ отношеніи, но столь же любопытная по силѣ выраженнаго аскетизма, рукопись *Іоанна Климака* отъ XII стол. находится въ библіотекѣ Синайскаго монастыря, за № 418 [1]). Судя потому, что въ той же библіотекѣ находится нѣсколько списковъ *Лѣствицы*, (*№№* 417, 421 и др.) украшенныхъ искусными иниціалами, отъ IX — XII в., можно думать, что списокъ съ миніатюрами исполненъ былъ на самомъ Синаѣ, мѣстѣ происхожденія самаго I. Климака № 418.

[1]) Рукопись им. 3 вер. выш. и $2^3/_4$ шир. Писана поздн. полууставомъ, но красиво, съ большими золотыми иниціалами и золотыми же звѣздочками передъ каждымъ параграфомъ.

сочиненія[1]). Двѣ выходныя миніатюры представляютъ крестъ, окруженный 4 символическими животными, и Христа, пріемлющаго книгу отъ игумна Іоанна. Кромѣ обычныхъ сценъ писанія, пересылки посланій и поучительныхъ бесѣдъ, исполненныхъ въ слащавомъ тонѣ, миніатюры иллюстрируютъ подвиги аскетизма слѣд. образомъ. Къ главѣ ἐπὶ ἀπροσπαθείας изображенъ старецъ, раздающій, отвернувшись, свои одежды нищимъ; ἐπὶ ξενιτείας — онъ уже уходитъ въ пустыню и тамъ видитъ въ пещерѣ отшельника; — ἐπὶ ἐνυπνίων ἐπαχόλου — онъ уже спасается, и два демона его искушаютъ на одрѣ и т. д. Ἐπὶ μνήμης θανάτου — старецъ стоитъ передъ гробомъ съ четырьмя мертвыми юношами (намекъ на современную легенду о Макаріи и мертвецахъ). Многія миніатюры представляютъ попытки перейти къ реализму, но сочиненіе отличается скудостью мысли и убогою буквенностью. Такъ видимъ, какъ передъ правителемъ въ клѣтчатомъ таларѣ слуги бьютъ его вельможъ палками (μνησικακία), или же вельможа въ голубомъ таларѣ сидитъ передъ своими скрынями, а слуги его гонятъ нищихъ, въ то время какъ пахарь имъ отдаетъ свое зерно (φυλαργυρία); безумецъ пируетъ, а кругомъ неистовствуетъ чума, и земля покрылась уже мертвецами. Добродѣтели и пороки уже не являются въ видѣ античныхъ олицетвореній, а представлены въ самыхъ фактахъ: болтливость представлена напр. такъ, что одинъ старецъ говоритъ, а другой ему въ отвѣтъ закрываетъ ротъ, смиреніе — въ видѣ послушника, котораго бьетъ монахъ, а тотъ умиленно складываетъ на груди руки; клевета — въ видѣ послушника, который у престола наговариваетъ на іерея, но его тащутъ прочь за шиворотъ и т. д. Въ иконографическомъ отношеніи замѣчательна миніатюра, изображающая *Софію* въ видѣ ангела на престолѣ съ сферою и крылатаго, сзади него Христосъ погрудь, по сторонамъ два архангела. Такимъ образомъ грубый и скучный реализмъ этой редакціи лишаетъ

[1]) На самомъ Синаѣ доселѣ намъ извѣстенъ только одинъ писецъ Нектарій, неизвѣстнаго времени, исполнившій Catena Patrum, ркп. въ библ. ц. Св. Гроба. Sathas, Biblioth. m. aevi, I, p. 305.

ее прежнихъ античныхъ прикрасъ и приближаетъ изображеніе аскетическаго подвига къ дѣйствительности, но, благодаря убогому содержанію, самъ не вноситъ никакого обновленія въ живопись. И если въ византійской иконописи пришлось бы указывать на источники того мертвящаго начала, которымъ она стала отличаться въ эпоху упадка искусства, то прежде всего должно искать ихъ въ этомъ навязанномъ со стороны аскетико-поучительномъ направленіи.

Эти полныя редакціи миніатюръ Лѣствицы рѣдко, повидимому, воспроизводились, и въ обиходъ изъ нихъ попало только изображеніе самой Лѣствицы. Оно встрѣчается въ спискѣ Климака Вѣн. библ. № 207 (рис. у Ламбеція, Cat. IV, 421), въ Hortus Deliciarum и многихъ другихъ латинскихъ кодексахъ.

Подобною же скудостью мысли и сухою манерою иконописанія отличаются двѣ иллюстрированныя *Минеи Синайской библ.*[1]). Первая изъ нихъ за № 500 содержитъ въ себѣ Житія Святыхъ за Ноябрь мѣсяцъ и относится къ XII столѣтію или концу XI в. Выходной листъ представляетъ крестъ среди розъ и цвѣтовъ съ надп.: κόσμος πέφυκα τῆς παρούσης πυξίδος. Изъ миніатюръ живѣе другихъ начальная, къ житію Космы и Даміана: Свв. безсребренники и лѣкаря словомъ своимъ изводятъ змѣю изъ внутренностей крестьянина, которому она заползла черезъ ротъ во время сна; они же лѣчатъ ногу того верблюда, который послѣ, провѣщавъ человѣческимъ голосомъ, побудилъ похоронить вмѣстѣ обоихъ Святыхъ, тогда какъ вѣрные ихъ хотѣли разъединить по старому недоразумѣнію, о чемъ и гласятъ киноварью мелкія надписи на поляхъ самыхъ миніатюръ. Дальнѣйшія изображенія Свв. Іоанникія, Мина (съ лорономъ на зеленой одеждѣ), сѣдаго Виктора и юнаго Іоанникія въ княж. одѣяніяхъ, исповѣдниковъ: Гурія, Симона и Авивы (всѣ юны), Ев. Матѳея и пр. ничѣмъ особымъ не вы-

Минеи № 500

[1]) Вообще говоря, Минеи иллюстрируются рѣдко и то исключительно въ XII—XIII столѣтіяхъ. Изъ 90 рукописей Миней и 58 Житій Синайской библ. съ илл. оказались только двѣ. Тоже самое отношеніе въ библ. Европы.

дѣляются изъ среды обычныхъ фигуръ Святцевъ и представляютъ заодно съ ними сухую, мертвенную манеру и оливковыя тѣни.

Вторая рукопись Миней за Январь, № 512 XII—XIII в., имѣетъ лишь одну миніатюру съ изобр. Павла Ѳивейскаго, сѣдаго Поліевкта, Маркіана, Ѳеодосія, муч. кончину Стратоника и Ермилу, Антонія и чудесное освобожденіе Петра.

Къ X же и началу XII стол. относится въ визант. литературѣ появленіе различныхъ сборниковъ для церковнаго и домашняго чтенія, пѣнія и пр. Одинъ изъ нихъ *Стихирарь* Синайской библ. XII или XIII в. въ л. № 1216 съ музыкальнымъ переложеніемъ всѣхъ стиховъ представляетъ и многочисленныя иллюстраціи, къ сожалѣнію, оставленныя въ видѣ контуровъ. Мы видимъ здѣсь изображеніе Свв. Ананіи, Космы и Даміана, пророка Наума, Евдокіи, архангеловъ Гавріила и Михаила съ сонмомъ силъ небесныхъ, далѣе сцены евангельскія: Введенія, Рождества, Срѣтенія, Благовѣщенія, Преображенія, Успенія, Воскрешенія Лазаря, Входа въ Іерусалимъ, Тайной Вечери, Распятія, (уже съ препоясаніемъ), Погребенія, Женъ у гроба, Ѳомина невѣрія, Вознесенія и Пятидесятницы. Во всѣхъ этихъ рисункахъ любопытно наблюдать копировку древнѣйшихъ оригиналовъ; таковы дѣтскія маленькія фигуры Апостоловъ въ Вознесеніи, ребенокъ мытарь и нѣжный юноша фарисей, молящіеся и т. п., которыя мы привыкли видѣть въ иконописи до X стол.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Представляемъ, въ заключеніе, перечень фотографическихъ снимковъ, исполненныхъ г. Раулемъ и входящихъ въ составъ нашего *Синайскаго альбома*.

1. Новая греко-православная церковь Синайскаго монастыря въ Эль-Торѣ—древней Раиѳѣ, на берегу Чернаго моря.
2. Подворье Синайскаго монастыря въ Эль-Торѣ.
3. Группа Бедуиновъ изъ окрестностей Эль-Тора.
4. Общій видъ монастыря Св. Екатерины на горѣ Синаѣ.
5. Внѣшній видъ Юстиніановой базилики въ Синайскомъ монастырѣ.
6. Видъ древней мечети (XIV в.) и новой колокольни въ Синайскомъ монастырѣ. Гора Монаджа.
7. Садъ и внѣшній дворъ Синайскаго монастыря съ Ю. В. стороны.
8. Помѣщеніе библіотеки рукописей въ Синайскомъ монастырѣ и видъ на гору Хоривъ.
9. Главная вершина горы Хорива или Джебель-Муса.
10. Подъемъ на гору Хоривъ отъ стѣнъ монастыря.
11. Видъ изъ монастырскаго ущелья (уади-Шуэйбъ) на уади Эль-Раха — библейскій Рафидимъ (?).
12. Вершина Сафсафъ или сѣверная часть горы Хорива съ мѣстомъ б. монастыря 12 Апостоловъ.
13. Садъ б. монастыря 12 Апостоловъ и подножіе горы Хорива.
14. Общій видъ сѣверной части горы Хорива.
15. Видъ горы Селафъ изъ долины Эль-Раха.
16. Видъ долины—уадр Эль-Раха, при входѣ въ уади Эль-Леджа.
17. Высоты Дербъ-эль-Рохъ въ долинѣ Леджа.
18. Такъ наз. «Камень Моисеевъ» въ уади Леджа.
19. Видъ монастыря 40 мучениковъ или Эль-Арбаинъ въ уади Леджа.
20. Видъ горы Ом'ръ за монастыремъ 40 мучениковъ, или «станъ Евреевъ».
21. Ущелье на Ю. З. отъ долины Леджа.
22. Вершина горы Св. Екатерины, видимая отъ монастыря 40 мучениковъ.
23. Вершина горы Синая, видъ съ горы Св. Екатерины.
24. Видъ на гору Ескуфъ изъ уади Эль-Раха.
25. Группа Бедуиновъ изъ окрестностей монастыря Св. Екатерины.
26. Бедуинки изъ окрестностей Синайской горы.
27. Видъ внутренности юстиніановой базилики въ монастырѣ Св. Екатерины.
28. Алтарная мозаика «Преображенія» въ базиликѣ Юстиніана.

29. Входная, рѣзная дверь Юстиніановой базилики. Верхняя часть.
30. Рѣзная дверь базилики Юст., средняя часть.
31. Рѣзная дверь базилики Юст., нижняя часть.
32. Греческое Евангеліе Синайской библіотеки, писанное золотомъ, № 204, по преданію, даръ Ѳеодосія III, принад. X—XI в. Выходная миніатюра—Христосъ.
33. Евангеліе № 204. 2-я миніатюра—Богородица.
34. Евангеліе № 204. 3-я миніатюра— Ев. Матѳей.
35. Евангеліе № 204. 4-я миніатюра—Ев. Маркъ.
36. Евангеліе № 204. 6-я миніатюра—Ев. Іоаннъ.
37. Евангеліе № 204. 7-я миніатюра—Преподобный Петръ.
38. Евангеліе № 204. образчикъ письма двухъ листовъ.
39. Космы Индикоплова «Христіанская топографія» № 1186, XI в., л. 23-й. Миніат.—путь Эѳіоповъ, δίφρος πτολεμαικός.
40. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 71 об. Зодіакъ.
41. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 30 об., л. 71, 144 (съ каленъ).
42. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 75 об. и л. 76. Собираніе манны и изведеніе воды Моисеемъ.
43. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 66, 79, 79 об. и 83 (съ калекъ). Схема міра, свиніи, семисвѣщникъ и аттическіе мудрецы.
44. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 88. 12 племевъ Израильскихъ.
45. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 91. Несеніе ковчега.
46. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 100. Жертвоприношеніе Исаака.
47. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 103. Моисей передъ Купиною.
48. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 109. Вознесеніе Иліи.
49. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 112. Исторія Іоны.
50. Космы Индоплова греч. ркп. № 1186, л. 127 об. — миніатюра: Савлъ, стерегущій одежды, и л. 128—Избіеніе Стефана.
51. Космы Индоплова ркп. № 1186, л. 128 об.—Павелъ на пути изъ Іерусалима въ Дамаскъ.
52. Космы Индоплова. ркп. № 1186, л. 147 об. и 148—схема странъ свѣта и финиковыя деревья.
53. Космы Индоплова ркп № 1186, л. 183 об.—кругомъ земли движеніе солнца, луны и пр.
54. *Книга Іова*, греч. ркп. № 3, XI вѣка, л. 2, съ началомъ и миніатюрою—Іовъ съ женою на тронахъ.
55. *Книга Іова*, ркп. № 3, XI в., л. 2 об. Іовъ съ сыновьями и жена его съ дочерьми.
56. *Книга Іова*, ркп. № 3, л. 12 об; миніат.—вечеря въ домѣ Іова.
57. *Книга Іова*, ркп. № 3, л. 14 об.: миніат.—нападеніе на стада.
58. *Книга Іова*, ркп. № 3, л. 25 об., двѣ миніатюры: три царя передъ Іовомъ на гноищѣ.
59. *Книга Іова*, рук. № 3, двѣ стр. письма, 4-е «слово».
60. *Слова Григорія Богослова*, ркп. XII в., № 339, листъ 1. Миніатюра. Григорій Б., пишущій Слова.
61. *Слова Григорія Богослова*, рк. № 339, Слово I-е на Пасху. Миніат.—Вознесеніе Христа.
62. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, Слово II-е на Пасху. «Сошествіе во адъ».
63. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, Слово III-е; миніат.—«Муч. Маманъ»

64. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339: Слово IV-е, изобр. Пятидесятницы.
65. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, Слово V-е; Григорій и Юліанъ.
66. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, Слово VI-е, Рождество.
67. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, Слово VII-е, «Погребеніе Василія Великаго.
68. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, Слово VIII-е, Крещеніе.
69. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, Слово XIV-е, Мученич. Маккавеевъ.
70. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, Слово XV-е; Григорій, Кипріанъ и Пелагія.
71. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, обращикъ письма.
72. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, обращикъ письма.
73. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, иниціалы отъ A—M (кальки).
74. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, иниціалы отъ N—Ω (кальки).
75. *Слова Григорія Богослова*, ркп. № 339, выходной листъ.
76. *Минеи* на Ноябрь мѣсяцъ, греч. ркп. № 500, XII в. Выходной листъ — чудеса Свв. Космы и Даміана.
77. *Лѣствица* I. Климака, ркп. за № 418, XII в. Къ § «о матери всѣхъ добродѣтелей»—миніатюра: моленіе.
78. *Лѣствица I. Климака*, № 418, «Слово къ пастырю»—поученіе Іоанна.
79. *Евангеліе* «Хоривское», № 213, 967 года, письмо на 2 листахъ.
80. *Евангеліе* греч., за № 213, 967 года, другой обращикъ письма.
81. *Евангеліе* греч., за № 213, 967 года, обращики письма, виньетки и иниціалы (съ калекъ). Запись.
82. *Евангеліе* за № 213, 967 года. Иниціалы отъ A—E (съ калекъ).
83. *Евангеліе* за № 213, 967 года. Иниціалы отъ E—T.
84. *Стихирарь* греч. за № 1216, XIII в. Миніатюра: Вознесеніе Христа (калька).
85. *Κατήχησεις* Θеодора Студита, за № 401, X-го в. Иниціалы (кальки).
86. *Слова Григорія Богослова*, ркп. за № 352. Запись.
87. *Слова Григорія Богослова*, ркп. за № 352. Обращикъ письма.
88. *Лѣствица* I. Климака, ркп. за № 417, X-го в., снимокъ 2 листовъ начальныхъ.
89. Снимки съ греч. рукописей VI—X стол: 1) *Евангеліе*, № 211; 2) *Псалтырь* № 32; 3) *тоже* № 37; 4) *тоже* № 36; 5) *Параклитика* № 776; 6) ркп. № 493; 7) ркп. № 30; 8) запись *Евангелія* № 213 перв. л. Кальки.
90. Снимки записей (кальки): 1) *Патерикъ* № 448—запись 1004 года; 2) *Евангеліе* № 23, 1033 г. 3) *Діонисія Ареопагита* № 319, 1048 г. 4) *Евхологій* № 968, 1426 г.
91. Снимки записей (кальки): 1) *Тріодь* № 736, 1029 г. 2) *Тріодь* № 742, 1099 г. 3) *Лѣствица* I. Климака № 422, 1100 г. 4) *Евангеліе* № 193, 1121 г. 5) *Псалтырь* № 55, 1344 года.
92. Снимки записей (калька): 1) *Новый Завѣтъ* № 220, 1167 года. 2) *Тріодь* № 754, 1177 г. 3) *Житіе Григентія* № 541, 1180 г. 4) *Тріодь* № 756, 1205 г. 5) *Евангеліе* № 234, 1155 г. 6) Ἐνεργετικὸς № 456, 1300 г. 7) *Θеофилакта* № 302, 1306 года.
93. Снимки записей: 1) *Евангеліе* № 152, 1346 года. 2) *Стихарарь* № 1221, 1321 г. 3) *Евангеліе* № 239, 1374 г. 4) *Евангеліе* № 199, 1548 г. 5) *Слова* Григорія Б., № 339, посл. л. 6) *Профитологій*, № 16. 7) *Минеи*, № 580.
94. 1) *Евангеліе* греч. № 152, 1340 года. 2) *Часословъ* слав. № 12 3) *Псалтырь* слав. № 6. 4) *Служебникъ* слав. № 29. 5) *Тріодь*, № 23. (кальки).

95. *Псалтырь* глаголическая, № 38; снимки листовъ: 3 об. и 4; 4 об. и 5.
96. *Псалтырь*, пис. глаголицею, № 38; листы 5 об. и 6; 56 об. и 57.
97. *Псалтырь* глаголическая, № 38; листы: 64 об. и 65; 65 об. и 66.
98. *Псалтырь* глаголическая, № 38; листы: 131 об. и 132.
Служебникъ глаголическій, № 37: двѣ страницы (молитва о трясавицѣ).
99. *Служебникъ (Требникъ)* глаголическій, № 37. Инициалы (кальки).
100. *Псалтырь* греч., XIII в., по преданію, Св. Кассіи (рук. на 6 листахъ): два листа.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
С.П. БУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C008488453

Въ книжныхъ магазинахъ Одессы: *Руссо, Бѣлаго* и *Распопова* продаются изданія того же автора:

Памятникъ Гарпій изъ Малой Азіи и символика греческаго искусства. Одесса. 1873. 8°. цѣна 1 р. 50 к.

Древняя архитектура Грузіи. 4°. Москва. 1876. ц. 75 коп.

Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греч. рукописей. 8°. Одесса. 1876. ц. 1 р. 50 к. съ атласомъ—3 р. 50 к.

Миніатюры греческой рукописи Зеклера. IV в. изъ собр. Хлудова. 4°. Москва. 1878. ц. 1 р. 50 коп.

Sculptures de la porte de Saint-Sabine. 8°. Paris 8°. 1877. ц. 75 коп.

Греческія терракоттовыя статуэтки. 4°. Одесса. 1879. ц. 1 р.

Мозаика мечети Кахріе-Джамиси въ Константинополѣ. Одесса. 1881. ц. 1 руб.

ЦѢНА 1 РУБ. 50 КОП.

С 18 К